

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

I

ПЕТРОПОЛИСЪ

ТОГО ЖЕ АВТОРА:

Пѣснь о Гайаватѣ Лонгфелло. Изданіе девятое —
Парижъ — 1921 г.

Мистеріи Байрона. Изданіе третье — Берлинъ —
1921 г.

СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

И. А. БУНИНА

I

ХРАМЪ СОЛНЦА

ПЕТРОПОЛИСЪ / 1936 г.

**Tous droits de reproduction, de traduction et d'adaptation
réservés pour tous pays**

Copyright 1935 by Ivan Bunin.

Druck: Speer & Schmidt, Berlin SW 68

ИЗЪ ПЕРВЫХЪ КНИГЪ

ОТЪ АВТОРА

Въ этомъ собраніи окончательно установленъ текстъ всего его содержанія (и я очень прошу читателей, критиковъ и переводчиковъ пользоваться только этимъ текстомъ).

Въ собраніе это не входятъ мои стихотворные переводы, — они обременили-бы собраніе еще двумя томами, — и большое количество моихъ первыхъ стиховъ и рассказовъ: въ собраніе, изданное Марксомъ, изъ этихъ стиховъ и рассказовъ вошло много лишняго въ силу необходимости, — Марксъ требовалъ отъ всякаго, у кого онъ покупалъ сочиненія, почти совершенной полноты ихъ.

Нѣкоторые стихи (изъ самыхъ давнихъ) печатаются здѣсь впервые.

Приморскія Альпы, 1935.

АВТОБІОГРАФИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ

I

*Изъ предисловія къ французскому изданію
«Господина изъ С. Франциско».*

Я происхожу изъ стараго дворянскаго рода, давшаго Россіи не мало видныхъ дѣятелей, какъ на поприщѣ государственномъ, такъ и въ области искусства, гдѣ особенно извѣстны два поэта начала прошлаго вѣка: Анна Бунина и Василій Жуковскій, одинъ изъ корифеевъ русской литературы, сынъ Афанасія Бунина и плѣнной турчанки Сальмы.

Всѣ предки мои всегда были связаны съ народомъ и съ землей, были помѣщиками. Помѣщиками были и дѣды и отцы мои, владѣвшіе имѣніями въ средней Россіи, въ томъ плодородномъ подстепѣѣ, гдѣ древніе московскіе цари, въ цѣляхъ защиты государства отъ набѣговъ южныхъ татаръ, создавали заслоны изъ поселенцевъ различныхъ русскихъ областей, гдѣ, благодаря этому, образовался богатѣйшій русскій языкъ и откуда вышли чуть не всѣ величайшіе русскіе писатели во главѣ съ Тургеневымъ и Толстымъ.

Я родился 10 октября 1870 года, въ городѣ Воронежѣ. Дѣтство и юность почти цѣликомъ провелъ въ

деревнѣ. Писать началъ рано. Рано появился и въ печати.

Критика обратила на меня вниманіе довольно скоро. Затѣмъ мои книги не разъ были отмѣчены высшей наградой Россійской Академіи Наукъ — преміей имени Пушкина. Въ 1909 году эта Академія избрала меня въ число двѣнадцати Почетныхъ Академикомъ.

Однако, извѣстности болѣе или менѣе широкой я не имѣлъ долго: я нѣсколько лѣтъ, послѣ появленія въ печати моихъ первыхъ рассказовъ, не писалъ и не печаталъ почти ничего, кромѣ стиховъ; я не касался въ своихъ произведеніяхъ политической и общественной злободневности; я не принадлежалъ ни къ одной литературной школѣ, не называлъ себя ни декадентомъ, ни символистомъ, ни романтикомъ, ни реалистомъ; а межъ тѣмъ судьба русскаго писателя за послѣднія десятилѣтія часто зависѣла отъ того, находили ли онъ въ борьбѣ съ существующимъ государственнымъ строемъ, вышелъ ли онъ изъ «народа», былъ ли онъ въ тюрьмѣ, въ ссылкѣ, или же отъ его участія въ той «литературной революціи», которая, — въ большой мѣрѣ изъ-за подражанія западной Европѣ, — столь шумно продѣлывалась въ эти годы среди быстро развивавшейся въ Россіи городской жизни, ея новыхъ критиковъ и новыхъ читателей изъ молодой буржуазіи и молодого пролетаріата. Кромѣ того, я мало вращался въ литературной средѣ. Я много жилъ въ деревнѣ, много путешествовалъ по Россіи и за границей: въ Италиі, въ Турціи, на Балканахъ, въ Греціи, въ Палестинѣ, въ Египтѣ, въ Алжиріи, въ Тунизиі, въ тропикахъ. Я, какъ сказалъ Саади, «стремился обозрѣть лицо міра и оставить въ немъ чеканъ души своей», ме-

ня занимали вопросы психологическіе, религиозныя историческіе.

Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ я напечаталъ «Деревню». Это было начало цѣлаго ряда произведеній, рѣзко рисовавшихъ русскую душу, ея своеобразныя сплетенія, ея свѣтлыя и темныя, но почти всегда трагическія основы. Въ русской критикѣ и въ средѣ русской интеллигенціи, гдѣ, въ силу многихъ своеобразныхъ условій, а за послѣднее время и просто въ силу незнанія народа или политическихъ соображеній, народъ почти всегда идеализировался, эти «безпощадныя» произведенія вызвали очень страстные отклики и въ конечномъ итогѣ принесли мнѣ то, что называется успѣхомъ, который еще болѣе ускрѣпили мои послѣдующія работы.

Въ эти годы я чувствовалъ, какъ съ каждымъ днемъ все болѣе крѣпнеть моя рука, какъ горячо и увѣренно требуютъ исхода накопившіяся во мнѣ силы. Но тутъ разразилась война, а затѣмъ русская революція. Я былъ не изъ тѣхъ, кто былъ ими застигнутъ врасплохъ, для кого ихъ размѣры и звѣрство были полной неожиданностью, но все-же дѣйствительность превзошла всѣ мои ожиданія.

Во что вскорѣ превратилась русская революція, не пойметъ никто, ея не видѣвшій. Зрѣлище это было совершенно нестерпимо для всякаго, кто не утратилъ образа и подобія Божія, и изъ Россіи бѣжали сотни тысячъ людей, имѣвшихъ малѣйшую возможность бѣжать. Бѣжало и огромное большинство самыхъ видныхъ русскихъ писателей, ибо въ Россіи ихъ ждала или бессмысленная смерть отъ руки перваго встрѣчнаго злодѣя, пьянаго отъ разнузданности и безнака-

занности, или рабское существованіе во вшивыхъ лохмотьяхъ, среди библейскихъ эпидемій, въ холодѣ, въ голодѣ, въ пещерныхъ мукахъ желудка и унижительныхъ заботахъ только о немъ, подъ вѣчной угрозой быть выброшеннымъ изъ своего нищенскаго угла на улицу, быть посланнымъ на уборку солдатскихъ нечистотъ въ казарму, быть безъ всякой причины арестованнымъ, избитымъ, увидѣть свою мать, сестру или жену изнасилованной — и въ полномъ молчаніи, ибо за малѣйшее свободное слово въ Россіи могутъ вырѣзать языкъ.

Я покинулъ Москву въ маѣ 1918 года, жилъ на югѣ Россіи, переходившемъ изъ рукъ въ руки «бѣлыхъ» и «красныхъ», а въ февралѣ 1920 г., испивъ чашу несказанныхъ душевныхъ страданій, эмигрировалъ за границу, — сперва на Балканы, потомъ во Францію.

Парижъ, 1921 г.

Р. С. Во Франціи я жилъ первое время въ Парижѣ, съ лѣта 1923 года переселился въ Приморскія Альпы, возвращаясь въ Парижъ только на нѣкоторые зимніе мѣсяцы.

Въ эмиграціи мною написано шесть новыхъ книгъ.

Парижъ, 1934 г.

II

Изъ письма къ С. А. Венгерову.

Отца моего звали Алексѣемъ Николаевичемъ, мать — Людмилой Александровной (въ дѣвчествѣ Чубаровой).

О родѣ Буниныхъ въ »Гербовникѣ дворянскихъ родовъ« сказано, между прочимъ, слѣдующее: «Родъ Буниныхъ происходитъ отъ Симеона Бунковскаго, мужа знатнаго, выѣхавшаго въ XV в. изъ Польши къ Великому князю Василю Васильевичу. Правнукъ его Александръ Лаврентьевъ сынъ Бунинъ служилъ по Владимиру и убитъ при взятіи Казани. Стольникъ Козма Леонтьевъ Бунинъ жалованъ за службу и храбрость на помѣстья Грамотой. Равнымъ образомъ и другіе многіе Бунины служили воеводами и въ иныхъ чинахъ и владѣли деревнями. Все сіе доказывается бумагами Воронежскаго Дворянскаго Депутатскаго собранія о внесеніи рода Буниныхъ въ родословную книгу въ VI часть, въ число древняго дворянства...» Нашъ гербъ: рыцарскіе доспѣхи, латы и шлемъ съ страусовыми перьями; подъ ними щитъ; на его лазурномъ полѣ — перстень, «эмблема вѣчности и вѣрности», къ которому сходятся сверху и снизу своими остріями три рапиры съ крестами-рукоятками.

Родъ Чубаровыхъ мнѣ почти невѣдомъ. Знаю только, что Чубаровы — старинные дворяне (по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, князья) Костромской, Московской, Орловской и Тамбовской губерній, и что были у дѣда и у отца матери имѣнія въ Орловскомъ и Трубчевскомъ уѣздахъ. Сами Чубаровы знали о себѣ, вѣроят-

но, не больше; съ полнымъ пренебреженіемъ къ сохраненію свидѣтельствъ о родовыхъ связяхъ жило большинство русскихъ дворянъ. Тѣмъ-же отличался и я, — былъ вполнѣ равнодушенъ не только къ своей «голубой» крови, но и къ полной уtratѣ всего того, что было связано съ нею: только поэтическими были мои юношескія «дворянскія элегіи», которыхъ, кстати сказать, у меня гораздо меньше, чѣмъ видѣли нѣкоторые мои критики, часто находившіе черты личной жизни и личныхъ чувствъ даже въ тѣхъ моихъ писаніяхъ, гдѣ и слѣда ихъ нѣтъ, и вообще многое навязавшіе мнѣ.

Прадѣдъ мой по отцу былъ богатъ. У дѣда была земля въ Орловской губерніи (въ Елецкомъ уѣздѣ), въ Тамбовской и Воронежской. Дѣда братья его обдѣляли. Онъ былъ не совсѣмъ нормальный человекъ. Наслѣдство осталось отъ него небольшое, отецъ же и того не пощадилъ. Безпеченъ и расточителенъ онъ былъ необыкновенно. А крымская кампанія, въ которой онъ участвовалъ добровольцемъ, «охотникомъ», снарядивъ за свой счетъ собственную дружину, а потомъ переѣздъ въ Воронежъ для воспитанія моихъ старшихъ братьевъ, Юлія и Евгенія, способствовали нашему разоренію особенно. Въ Воронежѣ прошли первые три года моей жизни. (Очень слабо, но все-таки помню кое-что изъ того времени). Но расти въ городѣ мне не пришлось. Страсть къ клубу, къ вину и картамъ заставили отца черезъ три съ половиной года возвратиться въ Елецкій уѣздъ, гдѣ онъ поселился на своемъ хуторѣ Бутырки. Тутъ, въ глубочайшей полевой тишинѣ, среди богатѣйшей по чернозему и бѣднѣйшей по виду природы, лѣтомъ среди хлѣбовъ, подступавшимъ къ самымъ нашимъ порогамъ, а зимой

среди сугробовъ, и прошло все мое дѣтство, полное поэзіи печальной и своеобразной.

Отецъ, человѣкъ необыкновенно сильный и здоровый физически, былъ до самаго конца своей долгой жизни и духомъ почти столь же здоровъ и бодръ. Уныніе овладѣвало имъ въ самыхъ тяжелыхъ положеніяхъ на минуту, гнѣвъ — онъ былъ очень вспыльчивъ — и того меньше. До тридцати лѣтъ, до похода въ Крымъ, онъ не зналъ вкуса вина. Затѣмъ сталъ пить и пилъ временами ужасно, хотя не имѣлъ ни одной типической черты алкоголика, совсѣмъ не пилъ иногда по нѣсколько лѣтъ, — я рожденъ какъ разъ въ одинъ изъ такихъ свѣтлыхъ промежутковъ. Учился онъ недолго (въ Орловской гимназіи), ученья терпѣть не могъ, но читалъ всегда много и съ большой охотой. Умъ его, живой и образный, — онъ и говорилъ всегда удивительно энергичнымъ и картиннымъ языкомъ, — не переносилъ логики; характеръ, порывистый, рѣшительный, открытый и великодушный, — преградъ. Все его существо было столь естественно полно ощущеніемъ своего барскаго происхожденія, что я не представляю себѣ круга, въ которомъ онъ смутился бы. А его крѣпостные говорили, что «во всемъ свѣтѣ нѣтъ проще и добрѣй» его. То, что было у матери, онъ тоже прожилъ, частью даже раздарилъ, ибо у него была какая-то неутолимая жажда раздавать. Постоянная охота, постоянная жизнь на воздухѣ много помогли тому, что этотъ хорошій, интересный и по натурѣ очень даровитый человѣкъ умеръ восьмидесяти лѣтъ, легко и спокойно.

Мать ни въ чемъ не походила на него — кромѣ доброты и здоровья, въ силу котораго она прожила тоже

долго, несмотря на всѣ горести своей жизни, на астму, на тяжкій постъ, который она, по своей горячей религіозности, возложила на себя и съ рѣдкой стойкостью переносила лѣтъ двадцать пять, вплоть до самой кончины. Характеръ у нея былъ нѣжный, — что не исключало большой твердости при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, — самоотверженный, склонный къ грустнымъ предчувствіямъ, къ слезамъ и печали. Преданность ея семьѣ, дѣтямъ, которыхъ у нея было девять человекъ и изъ которыхъ она пятерыхъ потеряла, была изумительна, разлука съ ними — невыносима. Въ пору же моего дѣтства старшіе мои братья были вдали отъ нея, отецъ все отлучался въ тамбовское имѣніе, пропадалъ на охотѣ, жилъ не по средствамъ, и, значитъ, не мало было и существенныхъ поводовъ для ея слезъ.

Неизмѣнная бодрость отца и вообще нѣкоторыя его черты стали дѣйствовать на меня, въ противовѣсъ ея вліянію, и сказываться во мнѣ наследственно лишь позднѣе. Росъ же я въ грусти, въ одиночествѣ. Дворянства наша невелика была, съ сосѣдями и родственниками мы въ ту пору общались мало, сверстниковъ я не имѣлъ, — сестра Маша была еще совсѣмъ ребенокъ, — впечатлителенъ былъ чрезвычайно. . . Отъ дворовыхъ и матери я въ ту пору много наслушался пѣсень, сказокъ, преданій, слышалъ, между прочимъ, «Аленькій цвѣточекъ», «О трехъ старцахъ», — то, что потомъ читалъ у Аксакова, у Толстого. Имъ же я обязанъ и первыми познаніями въ народномъ и старинномъ языкѣ.

Гувернеромъ моимъ былъ престранный человекъ — сынъ предводителя дворянства, учившійся въ Лаза-

ревскомъ институтѣ восточныхъ языковъ, одно время бывший гдѣ-то преподавателемъ, потомъ превратившійся въ скитальца по деревнямъ и усадьбамъ. Онъ неожиданно привязался ко всѣмъ намъ, а ко мнѣ особенно, и этой привязанностью и своими безконечными разсказами, — онъ не мало наглядѣлся, бродя по свѣту, и былъ пачитанъ, владѣя тремя языками, — вызвалъ и во мнѣ горячую любовь къ себѣ. Онъ игралъ на скрипкѣ, рисовалъ акварелью, а съ нимъ вмѣстѣ иногда по цѣлымъ днямъ не разгибался и я, до тошноты насасываясь съ кисточки водой, смѣшанной съ красками, — и на всю жизнь запомнилъ то несказанное счастье, которое принесъ мнѣ первый коробокъ этихъ красокъ: на мечтѣ стать художникомъ у меня было довольно долгое помѣшательство. Онъ писалъ стихи, и вотъ однажды написалъ стихотвореніе и я — о какихъ-то духахъ въ горной долиנѣ, въ лунную полночь. Мнѣ было тогда лѣтъ восемь, но я до сихъ поръ такъ ясно вижу эту долину, точно вчера видѣлъ ее наяву.

Училъ меня мой гувернеръ, однако, очень небрежно, чему попало и какъ попало. Изъ языковъ онъ больше всего налегалъ почему-то на латынь.

Года за два до поступления въ гимназію (елецкую) я испыталъ еще одну страсть — къ житіямъ святыхъ, и началъ поститься, молиться. . . Страсть эта, вначалѣ сладостная, превратилась затѣмъ, благодаря смерти моей маленькой сестры Нади, въ ужасную, мучительную, длившуюся цѣлую зиму.

Читалъ я въ дѣтствѣ мало и не скажу, чтобы ужъ такъ жаждалъ книгъ, но, вѣроятно, прочиталъ почти все, что было у насъ въ домѣ и что еще не пошло на

цыгарки нашимъ приживальщикамъ и старымъ слу-гамъ. Въ гимназiи многое изъ того, что обычно чита-ется въ такiе годы, мнѣ совсѣмъ не нравилось. (Изъ того, что произвело на меня въ первые гимназическiе годы особенно поэтическое впечатлѣнiе, вспоминается Андерсенъ). И стиховъ въ гимназiи я почти не пи-салъ, хотя до чужихъ былъ жаденъ и отличался спо-собностью запоминать наизусть чуть не цѣлую стра-ницу даже гекзаметра, только разъ, два пробѣжавъ ее.

Зато необыкновенно много исписалъ я бумаги и про-челъ за тѣ четыре года, что прожилъ послѣ гимназiи (бросивъ ее съ четвертаго класса) въ елецкой дерев-нѣ Озеркахъ, въ имѣнiи, перешедшемъ къ намъ отъ умершей бабушки Чубаровой. Тутъ какъ разъ на цѣ-лыхъ три года выслали къ намъ брата Юлiя, уже кон-чившаго университетъ и пробывшаго годъ въ тюрьмѣ по политическимъ дѣламъ, и онъ прошелъ со мной почти весь остальной гимназическiй курсъ.

Писалъ я въ отрочествѣ сперва легко, такъ какъ по-дражалъ то одному, то другому, — больше всего Лер-монтову, отчасти Пушкину, которому подражалъ да-же въ почеркѣ, — потомъ, въ силу потребности вы-сказать уже кое-что свое, труднѣе. О писателяхъ мыс-лилъ какъ о существахъ какого-то необыкновеннаго, высочайшаго порядка. (Помню, какъ поразилъ меня рассказъ моего гувернера о Гоголѣ — онъ однажды видѣлъ его). Самому мнѣ, кажется, и въ голову не приходило быть меньше Пушкина, Лермонтова, благо лермонтовское Кропотово было въ двадцати верстахъ отъ насъ и вообще чуть не всѣ большiе писатели ро-дились по близости, въ нашемъ быту, въ нашемъ со-

словіи. Но это не исключало страстнаго интереса вообще къ писателямъ, даже къ такимъ, какимъ былъ, на примѣръ, нѣкто Назаровъ. Озерскій кабатчикъ какъ-то сказалъ мнѣ, что въ Елецѣ появился «авторъ». И я тотчасъ же поѣхалъ въ Елецъ и съ восторгомъ познакомился въ базарномъ трактирѣ съ этимъ Назаровымъ, самоучкой-стихотворцемъ изъ мѣщанъ (съ котораго списанъ отчасти Кузьма въ моей «Деревнѣ»).

Въ апрѣлѣ 87 г. я отправилъ въ петербургскій еженедѣльный журналъ «Родина» стихотвореніе, которое и появилось въ одномъ изъ майскихъ номеровъ.

Въ сентябрѣ 88 г. мои стихи появились въ «Книжкахъ Недѣли», издаваемой П. А. Гайдебуровымъ, гдѣ часто печатались вещи Щедрина, Гл. Успенскаго, Л. Толстого, Полонскаго.

Между тѣмъ благосостояніе наше, по милости отца, снова ухудшилось. Братъ Юлій переселился въ Харьковъ. Весной 89 г. отправился и я туда и попалъ въ кружки революціонеровъ, «радикаловъ», какъ выражались тогда, а поживъ въ Харьковѣ, побывавъ въ Крыму, о которомъ у меня еще въ дѣтствѣ составилось самое поэтическое представленіе, благодаря рассказамъ отца. Съ осени сталъ работать при «Орловскомъ Вѣстникѣ», то бросая работу и уѣзжая домой или въ Харьковъ, то опять возвращаясь къ ней, и былъ всѣмъ, чѣмъ придется, — и корректоромъ, и переводчикомъ, и театральнымъ критикомъ.

Къ болѣе правильной литературной и образовательной работѣ я возвратился только года черезъ два, переселившись въ Полтаву, гдѣ братъ Юлій завѣдывалъ статистическимъ бюро губернскаго земства. Въ Полтавѣ я былъ бібліотекаремъ земской управы и тоже

статистикомъ, ѣздилъ и ходилъ по Малороссіи, — служба у меня была легкая и свободная, — затѣмъ, увлеченный толстовскою проповѣдью, сталъ навѣщать «братьевъ», жившихъ подъ Полтавою, учиться бондарному ремеслу, торговалъ изданіями «Посредника». Но самъ же Толстой и отклонилъ меня «опроцаться» до конца.

За работой при «Орловскомъ Вѣстникѣ» я писалъ урывками, печатаясь въ «Сѣверномъ Вѣстникѣ», въ «Наблюдатель» и въ иллюстрированныхъ журналахъ. Въ Полтавѣ я впервые приступилъ болѣе или менѣе серьезно къ прозѣ и первый же рассказъ (безъ заглавія) послалъ въ «Русское Богатство», руководимое тогда Кривенко и Михайловскимъ. Михайловскій написалъ, что изъ меня выйдетъ «большой писатель», и рассказъ, подъ чьимъ-то ужаснымъ заглавіемъ («Деревенскій эскизъ»), былъ напечатанъ въ апрѣлѣ 94 г. Въ то же время рѣдкое участіе принялъ во мнѣ поэтъ А. М. Жемчужниковъ, вступившій со мной въ переписку и проводившій меня въ «Вѣстникъ Европы».

Въ январѣ 95 г., бросивъ службу, я впервые попалъ въ Петербургъ и видѣлъ нѣкоторыхъ извѣстныхъ писателей. Въ этомъ же году я познакомился въ Москвѣ съ Чеховымъ, съ Бальмонтомъ, съ Эртелемъ, съ Брюсовымъ, тогда еще студентомъ, встрѣчалъ Коневского и Александра Добролюбова.

Въ октябрѣ 95 г. въ «Новомъ Словѣ», которое редактировалъ тогда Кривенко, разошедшійся съ «Русскимъ Богатствомъ», а издавала О. Н. Попова, появился мой рассказъ «На край свѣта», очень хорошо встрѣченный. Слѣдующей осенью я съ удовольствіемъ согласился на предложеніе Поповой издать мои

разказы. Вышли они въ свѣтъ (въ январѣ 97 г.) среди почти единодушныхъ похвалъ (очень странныхъ для меня теперь). Но тутъ я надолго исчезъ изъ Петербурга, да не только исчезъ, а и замолчалъ на нѣсколько лѣтъ. Жилъ я тогда особенно скитальчески и разнообразно — то въ Орловской губернии, то въ Малороссіи, снова былъ въ Крыму, бывалъ въ Москвѣ, все чаще встрѣчался и со старыми и съ молодыми писателями, посѣщалъ «Посредникъ», куда захаживалъ Толстой. . . Самъ чувствуя свой ростъ и въ силу многихъ душевныхъ переломовъ, уничтожалъ я тогда то небольшое, что писалъ прозой, безпощадно; изъ стиховъ кое-что (то, что было наименѣе интимно) печаталъ; довольно много переводилъ — чужое было легче передавать.

Въ 98 г. я женился (на А. Н. Цакни, гречанкѣ, дочери революціонера и эмигранта Н. П. Цакни). Женившись, жилъ въ Одессѣ. Затѣмъ разошелся съ женой и установилъ въ своихъ скитаніяхъ, уже не мѣшавшихъ мнѣ работать въ извѣстной мѣрѣ правильно, нѣкоторый порядокъ: зимой — столицы и деревня, иногда поѣздка за границу, весной — югъ Россіи, лѣтомъ чаще всего — деревня. Съ 907 г. жизнь со мной дѣлитъ В. Н. Муромцева. Съ этихъ поръ жажда странствовать и работать овладѣла мною съ особенной силой. За послѣднія восемь лѣтъ я написалъ двѣ трети всего изданнаго мною. Видѣлъ же за эти годы очень много.

Въ 98 г. вышла вторая моя книга — переводъ «Пѣсни о Гайаватѣ». Въ 900 г. издалъ книгу моихъ стиховъ «Скорпіонъ», съ которымъ я однако очень скоро разошелся, не возымѣвъ охоты играть съ моими новыми

ми сотоварищами въ аргонавтовъ, въ демоновъ, въ маговъ. Въ 902 г. я сталъ ближайшимъ сотрудникомъ «Знанія» (тоже довольно чуждаго мнѣ по духу).

Большинство тѣхъ, что писали о моихъ первыхъ книгахъ, не только спѣшили разъ навсегда установить размѣры моего дарованія, но характеризовали и мою натуру. И выходило такъ, что нѣтъ писателя болѣе тишайшаго («пѣвецъ осени, грусти, дворянскихъ гнѣздъ») и челоѣка болѣе опредѣлившагося и умиротвореннаго, чѣмъ я. А между тѣмъ челоѣкъ я былъ какъ разъ не тишайшій и очень далекій отъ какой бы ни было опредѣленности: напротивъ, во мнѣ было самое рѣзкое смѣшеніе очень разныхъ свойствъ и вообще гораздо сложнѣе и острѣе я жилъ, чѣмъ это выразилось въ томъ немногомъ, что я печаталъ тогда. Бросивъ черезъ нѣкоторое время прежнія клички, нѣкоторые изъ писавшихъ обо мнѣ обратились къ совершенно противоположнымъ — «декадентъ», «парнасецъ», «холодный мастеръ» — въ то время, какъ прочіе все еще твердили: «пѣвецъ осени, изящное дарованіе, прекрасный русскій языкъ, любовь къ природѣ, любовь къ челоѣку, есть что-то тургеневское, есть что-то чеховское» (хотя рѣшительно ничего ни тургеневского ни чеховскаго у меня никогда не было).

Послѣднее время моей литературной дѣятельности еще у всѣхъ въ памяти. Тутъ отношеніе ко мнѣ, какъ извѣстно, измѣнилось, во вниманіи ко мнѣ недостатка не было. Отмѣчу только то, какъ нѣкоторые отнеслись къ моей «Деревнѣ», къ «Ночному разговору», къ «Суходолу». Иные унижались даже до того, что говорили, что я былъ просто испуганъ революціей 1905 г. какъ помѣщикъ (каковымъ на самомъ дѣлѣ я никогда не

былъ), корили меня моимъ происхожденіемъ — точно я былъ первый и единственный «дворянинъ» въ русской литературѣ, — увѣряли, что я для деревни только «пришлый интеллигентъ», высмѣивали мои «повѣзки въ Индію», хотя повѣзки эти могли принести мнѣ, конечно, только пользу, ибо справедливо сказалъ Шекспиръ, что «недалеко ушла отъ глупости домосѣдная мудрость». Въ угоду традиціямъ и благодаря незнанію народной жизни, нѣкоторые неизмѣнно прибавляли, говоря о моихъ произведеніяхъ, касавшихся народа: «а все таки это не такъ» — и, никогда не приводя никакихъ доказательствъ, отдѣльвались «отрадными» частностями, ссылками на Достоевскаго, Тютчева или Гл. Успенскаго и Чехова, хотя Успенскаго тоже упрекали въ «хмуромъ и желчномъ пессимизмѣ» и «полномъ незнаніи народа», хотя, укоряя меня Чеховымъ, почти слово въ слово повторяли то самое, что говорили Чехову, укоряя его предшественниками его. Все это, конечно, въ порядкѣ вещей. О «Мертвыхъ душахъ» и о «Ревизорѣ» кричали: «это клевета, это невозможность». Гончарову пришлось выслушать, что онъ «совершенно не понимаетъ и не знаетъ русскаго народа». «Преступленіе и наказаніе» называли (и не гдѣ-нибудь, а въ «Современникѣ») «клеветой на молодое поколѣніе», «дребеденью», «глупымъ и позорнымъ измышленіемъ, произведеніемъ самымъ жалкимъ»...

Москва, 1915.

III

Изъ записей.

Разсказъ моего гувернера о Гоголѣ:

— Я его однажды видѣлъ. Это было въ одномъ московскомъ литературномъ домѣ. Когда мнѣ его показали, я былъ такъ пораженъ, точно увидѣлъ что-то сверхъестественное. Подумать только: Гоголь! Я смотрѣлъ на него съ неописуемой жадностью, но запомнилъ только то, что онъ стоялъ въ толпѣ, тѣсно окружавшей его, что голова у него была какъ то театраль-но закинута назадъ и что панталоны на немъ были необыкновенно широки, а фракъ очень узокъ. Онъ что то говорилъ, и всѣ его почтительно и внимательно слушали. Я же слышалъ только одну его фразу — очень закругленное изрѣченіе о законахъ фантастическаго въ искусствѣ. Точно этой фразы не помню. Но смыслъ ея былъ таковъ, что, молъ, можно писать о яблонѣ съ золотыми яблоками, но не о грушахъ на вербѣ.

Помню жуткія, необыкновенныя чувства, которыя испыталъ однажды (въ молодости), стоя въ церкви Страстнаго монастыря возлѣ сына Пушкина, не сводя глазъ съ его небольшой и очень сухой, легкой старческой фигуры въ нарядной гусарской генеральской формѣ, съ его бѣлой курчавой головы, рѣзко бѣлыхъ чрезвычайно худыхъ рукъ съ костлявыми, тонкими пальцами и длинными, острыми ногтями.

Чьи-то замѣчательныя слова:

— Въ литературѣ существуетъ тотъ же обычай, что у жителей Огненной Земли: молодые, подрастая, убиваютъ и сѣдаютъ стариковъ.

То же и въ языкѣ. Поглощается одинъ другимъ. Многое уже исчезло на моей памяти.

Мой отецъ обычно говорилъ прекраснымъ русскимъ языкомъ, простымъ и правильнымъ. Но иногда вдругъ начиналъ говорить въ такомъ родѣ:

— Я не червонецъ, чтобъ быть любезну всѣмъ.

— Я въ тотъ вечеръ былъ монтированъ, игралъ отчаянно.

— Мы съ нимъ встрѣтились на охотѣ. Онъ самъ рекомендовалъ себя въ мое знакомство.

Въ этомъ же родѣ пѣли наши бывшіе дворовые:

— Вздыхаешь о другой: должна ли я-то зрѣть?

Досады таковой должна ли я стерпѣть?

— Я часто наслаждаюсь

Любовныхъ словъ твоихъ. . .

— Ужъ сколько дѣнь все *мышлю* о тебѣ. . .

— Любовь сердцамъ угодна,

Страсть нѣжная природна,

Нельзя спастись любви. . .

Старые дворовые употребляли много церковно-славянскихъ словъ. Они говорили:

— Ливанъ (ладанъ), Краніево Мѣсто (Голгофа), дщица (малая дощечка), орлій (орлиный), сѣдатый (сѣдой), пядница (маленькая иконка, въ пядь), кампанъ (колоколь), село (въ смыслѣ: поле) . . .

Они употребляли вообще много странныхъ и старинныхъ словъ: не надобѣ (такъ писалось еще въ Русской Правдѣ: «не надобѣ дѣлать того»), Египеть-градъ,

младшіе (меньшіе) колокола, стоячіе образа (писанные во весь ростъ), оплечные образа, многоградный край, средидневный варъ (зной), водоводъ (водопроводъ), паучина (паутина), безлѣтно (вѣчно), дивій (дикій, лѣсной), лжа (ложь), присельникъ (пришлецъ, иноземецъ)...

Было это и въ крестьянскомъ языкѣ. Мужика лѣнтя и нищаго называли:

— Пустой малый! Изгой, неудѣльный!

Изгоемъ-же, какъ извѣстно, назывался безмѣстный удѣльный князь.

А не то кто-нибудь, бывало, говорить:

— Хочу въ *Кыевъ* сходить, Богу помолиться...

И невольно вспоминаешь: «Бяше возлѣ града *Кыева* лѣсъ и боръ великъ...»

— Вѣдь, что-жъ, она мнѣ не чужая, а жена *води-мая*...

Или (когда нанимались въ работники):

— Ну, когда такое дѣло, давайте, баринъ, рядиться... .

Опять какъ въ Удѣльной Руси:

«Зачали рядиться, кому пригоже на большомъ княженіи быти... .

Потомъ — рядиться въ смыслѣ наряжаться:

— Тебѣ теперь нечего рядиться, ты вдова Божья, носить тебѣ надо одни смирные (темные) цвѣта... .

И еще вспоминаю:

— Къ намъ такъ-то одна страннй (странствующій) старичекъ приходилъ. Смотрѣть любо! Въ ручкѣ костыликъ, за плечикомъ — дерюжное влагалище (сума, кошель)...

А какая нелѣпая и чудесная образность была въ языкѣ деревни!

Идетъ босая дѣвка — подтянуто-стройно, виляя только кострецами: на правомъ плечѣ тяжелое коромысло, по концамъ котораго лежитъ мокрое бѣлье.

— Куда-й-то ты?

— На рѣчку, бѣлье полоскать.

— Да въдь нынче праздникъ, грѣхъ работать.

— Конечно, грѣхъ, кабы я дома была. А то какой-же грѣхъ, когда я тутъ у родныхъ гощу?

— Тебя, говорятъ, просватали. Что-жъ хорошъ твой женихъ?

— Какой тамъ чортъ, хорошъ! *Ротъ толстый, въ носъ гудитъ...*

То, что я сталъ писателемъ, вышло какъ-то само собой, опредѣлилось такъ рано и незамѣтно, какъ это бываетъ только у тѣхъ, кому что-нибудь «на роду написано». «Человѣкъ дѣлается тѣмъ, о чемъ онъ думаетъ.» Но все таки: почему одинъ думаетъ объ одномъ, а другой о другомъ? Отъ нѣкоторыхъ писателей я не разъ слышалъ, что они стали писателями случайно. Не думаю, что это совсѣмъ такъ, но все таки могу представить себѣ ихъ и не писателями, а вотъ самого себя не представляю. Были во мнѣ съ дѣтства большія склонности къ музыкѣ, къ живописи, къ ваянію. Мой гувернеръ игралъ на скрипкѣ, рисовалъ акварелью — и я и до сихъ поръ помню то особенное волненіе, съ которымъ я бралъ въ руки его скрипку или пачкалъ бумагу красками. Въ Ельцѣ, гимназистомъ, я одно

время жилъ у ваятеля всего того, что требуется для кладбищенскихъ памятниковъ, — и цѣлую зиму, каждую свободную минуту мялъ глину, лѣпилъ изъ нея то ликъ Христа, то черепъ Адама и достигъ такихъ успѣховъ, что хозяинъ иногда пользовался моими черепами, и они попадали на чугунные кресты въ изножья Распятій, гдѣ, вѣрно, и теперь еще пребываютъ, — гдѣ то тамъ, на монастырскомъ кладбищѣ въ Ельцѣ! Почему же все таки не сталъ я ни музыкантомъ, ни ваятелемъ, ни живописцемъ?

Кстати: въ старину изъ нашего рода вышло два знаменитыхъ гравера.

Изъ писателей «народниковъ» во времена моей ранней молодости еще были живы Николай Успенскій, Глѣбъ Успенскій, Златовратскій, Засодимскій, Наумовъ, Нефедовъ. Всѣ они еще пользовались большой извѣстностью и очень читались, — особенно Глѣбъ Успенскій и Златовратскій; читались и нѣкоторые изъ болѣе раннихъ, уже умершихъ — Омуревскій, Левитовъ. . . Большого различія между ними ихъ почитатели не дѣлали. А межъ тѣмъ различіе было огромное: Левитовъ и оба Успенскихъ были столь талантливы, что можно и теперь перечитывать ихъ. Прочіе «народники» были бездарны и забыты вполне справедливо.

Нѣкоторые изъ рассказовъ Левитова поразили меня въ ту пору, — особенно «Горбунъ», — поразили тѣмъ болѣе, что связывались съ его несчастнымъ образомъ. Теперь о Левитовѣ никто не знаетъ, не пом-

нить, а онъ былъ когда-то въ первыхъ рядахъ русской литературы и былъ не случайно, а съ полнымъ основанiемъ, хотя талантъ его не развился даже и въ десятой долѣ должной мѣры, душа съ дѣтства была надломлена всяческимъ убожествомъ той среды, въ которой онъ родился и росъ, — онъ былъ сынъ сельскаго дьячка, — потомъ бродяжничествомъ, пьянствомъ. Участь его была участью многихъ его современниковъ изъ числа писателей «разночинцевъ»: въ ранней молодости пѣшкомъ ушелъ изъ своей тамбовской губернии въ Петербургъ, чтобы учиться и писать, «жить въ центрѣ умственныхъ интересовъ», а въ Петербургѣ жилъ только жизнью нищей и пьяной богемы, писалъ наспѣхъ, какъ попало, впалъ въ пьянство уже безпробудное, въ бродяжничество и босячество постоянное, полное душевнаго ожесточенiя, ѣдкой сердечной горечи, и погибъ въ концѣ концовъ отъ бѣлой горячки. Какъ многихъ, подобныхъ ему, не разъ пытались добрые люди спасти его, устроить — и, конечно, напрасно. Я зналъ одного изъ этихъ людей, и онъ мнѣ рассказывалъ:

— Я однажды подобралъ Левитова въ такой грязи, въ такой нищетѣ, которой вы и представить себѣ не можете. Онъ у меня отдышался, отъѣлся, я его одѣлъ, обулъ, предоставилъ ему прекрасную комнату, снабдилъ карманными деньгами, — молъ, живи, сколько хочешь, поправляйся, работай. И чѣмъ же онъ отплатилъ мнѣ за все это? Выхожу разъ утромъ, а онъ ходитъ по гостиной, куда только что поставили новую шелковую мебель, и мочится на кресла, ни диваны: «Вотъ вамъ, говоритъ, полюбуйтесь, благодѣтель, на свою мѣщанскую роскошь!» А затѣмъ вышелъ въ

прихожую, взялъ картузь и палку — и исчезъ. . . Настоящій русскій человекъ былъ!

Увлекался я въ молодости и Николаемъ Успенскимъ, и опять не только въ силу его дарованія, но въ силу и личной судьбы его, во многомъ схожей съ судьбой Левитова: страшныя загадки русской души уже волновали, возбуждали мое вниманіе.

Онъ тоже когда-то занималъ въ литературѣ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ. Однако онъ тоже сдѣлалъ, кажется, все возможное, чтобы погубить и свою извѣстность, и талантъ. Онъ бросилъ работать, сталъ пьяницей и бродягой и кончилъ свое существованіе еще хуже, чѣмъ Левитовъ: умеръ въ Москвѣ на улицѣ, перерѣзалъ себѣ горло бритвой. Существованіе его было ужасное и позорное. Я, еще будучи почти мальчикомъ, много о немъ слышалъ въ Ефремовѣ, а потомъ кое-что узналъ отъ его тестя и тещи. Эти послѣдніе (духовнаго званія) жили отъ насъ верстахъ въ тридцати. Узнавъ о смерти Успенскаго, я, съ мальчишеской горячностью, тотчасъ же поскакалъ къ нимъ. Батюшка принялъ меня ласково, но отъ разговоровъ о зятѣ уклонился, поспѣшилъ уйти на пасѣку. Зато матушка, — очень необычная матушка, — проявила полную откровенность, даже призналась, что была нѣсколько лѣтъ въ связи съ Успенскимъ.

— Да, сказала она, это все правда, что говорятъ и говорили о Николаѣ Васильевичѣ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ явился къ намъ босякомъ, поселился у насъ, жилъ какъ членъ семьи, а затѣмъ увлекъ и обезчестилъ мою дочь, — на зло мнѣ, какъ самъ онъ выразился. На зло за что? Затѣмъ онъ на ней женился, быстро свелъ ее въ гробъ, а дѣвочку, прижитую съ

ней, увелъ съ собой, уходя отъ насъ. Жилъ онъ тѣмъ, что потѣшалъ купцовъ, мѣщанъ и мужиковъ всякимъ шутовствомъ, игрой на гармоникѣ, тѣмъ, что заставлялъ своего несчастнаго ребенка плясать и приговаривать похабщину. Онъ иногда даже бралъ ее, какъ щенка, за шиворотъ и, на забаву мужикамъ, бросалъ въ рѣку, въ прудъ. Вотъ, говорилъ онъ, вы сейчасъ увидите, православные, образецъ раціональнаго воспитанія, — и трахъ ребенка въ воду! Богъ ему судья, замѣчательный, но ужасный былъ человѣкъ. Тургеневъ, желая его спасти, цѣлое имѣніе ему подарилъ. Такъ нѣтъ — онъ и имѣнье бросилъ. Оскорбилъ ни за что ни про что, изругалъ самыми послѣдними словами Тургенева и опять ушелъ шататься. А чѣмъ кончилось все это — вы знаете: зарѣзался въ Москвѣ на Кузнецкомъ Мосту. А какой умъ, какой талантъ былъ! Знаете-ли вы, что нѣкоторыя страницы Глѣба Успенскаго написаны не самимъ Глѣбомъ, а имъ? Вѣдь Глѣбъ (его двоюродный братъ) очень высоко цѣнилъ его и не разъ просилъ: «Помоги-ка мнѣ вотъ такой-то или такой-то мужицкій или мѣщанскій разговоръ написать — ты это гораздо лучше сдѣлаешь, чѣмъ я...»

Первое литературное разочарованіе, — первое литературное знакомство: съ писательницей Шабельской.

Мнѣ было семнадцать лѣтъ, когда я впервые пріѣхалъ въ Харьковъ. Тамъ я бывалъ у жены писателя Нефедова. Я уже читалъ тогда этого писателя и хорошо понималъ, сколь онъ скученъ и бездаренъ. Но все равно — онъ былъ все таки «настоящій» и очень

извѣстный въ то время писатель, и вотъ я даже на жену его смотрѣлъ чуть не съ восторгомъ. Легко представить себѣ послѣ этого, что я почувствовалъ, узнавъ однажды, что въ Харьковѣ живетъ писательница Шабельская, та самая, которая когда-то сотрудничала въ «Отечественныхъ Запискахъ»! Я изъ всѣхъ ея произведеній читалъ только одно: «Наброски углемъ и карандашемъ». Произведеніе это было скучнѣе даже Нефедова и, казалось бы, ужъ никакъ не могло воспламенить желаніемъ знакомиться съ его авторомъ. Но я воспламенился: тотчасъ рѣшилъ бѣжать хоть на домъ Шабельской взглянуть, и такъ и сдѣлалъ: въ тотъ же день пробѣжалъ нѣсколько разъ взадъ и впередъ мимо этого замѣчательнаго дома на Сумской улицѣ. Домъ былъ какъ домъ, — какихъ сколько угодно въ каждомъ русскомъ губернскомъ городѣ.

Братъ смѣялся, узнавъ о моемъ намѣреніи нанести визитъ въ этотъ домъ:

— Не совѣтую, — она совершенно неинтересна. И при томъ необыкновенно безтолкова. Познакомившись со мной, стала хвалить твои стихи въ «Недѣль», приписывая ихъ мнѣ. Я говорю: «Покорно благодарю, но только это не мои стихи, а моего младшаго брата.» Не понимаетъ: «Да, да, а все таки вы не скромничайте, — стихи ваши мнѣ очень понравились...» Я еще разъ говорю, что это не мои стихи, а твои, — опять не понимаетъ!

Я, конечно, все таки пошелъ. Пришелъ, робко позвонилъ, попросилъ горничную доложить, стою и съ трепетомъ жду въ прихожей, примутъ-ли? Прихожая большая, сумрачная, тихая. Вышелъ рыжій господинъ въ толстыхъ золотыхъ очкахъ, — профессоръ, мужъ

писательницы, — строго и недоумѣнно взглянулъ на меня, надѣлъ пальто, шляпу, взялъ трость съ серебрянымъ набалдашникомъ и молча вышелъ. А затѣмъ появилась горничная и почему-то очень поспѣшно и даже какъ будто радостно пригласила меня войти въ гостиную, а изъ гостиной раздался еще болѣе поспѣшный и радостный, слегка шепелявый голосъ какой-то маленькой старушки:

— Милости прошу, милости прошу!

Точно-ли она была старушка? Ничуть — ей было, я думаю, лѣтъ сорокъ пять, не болѣе. Помню, однако, именно старушку, очень милую, съ испуганнымъ взоромъ, видимо, чрезвычайно польщенную, что къ ней явился поклонникъ. Ужъ на что я былъ смущенъ, а все таки не могъ не замѣтить, что она смущена еще болѣе. Она даже не могла удержать счастливой и растерянной улыбки:

— Такъ, такъ, — бормотала она. — Такъ вы, значить, читали меня? Какъ это пріятно, какъ мило съ вашей стороны! А я вотъ читала стихи вашего брата. . .

Я мягко, но очень настойчиво повторилъ то самое, что уже говорилъ ей братъ: это не его стихи. Но безтолковость ея, видимо, не имѣла предѣла. Она нѣжно улыбулась и опять закивала головой:

— Да, да, вашъ братъ прекрасно пишетъ! И какая удача: уже попалъ въ «Недѣлю»!

Мы въ молодости были вообще очень скромны.

Одна молодая писательница, моя сверстница, придя съ рукописью въ редакцію «Вѣстника Европы», къ Михаилу Матвѣвичу Стасюлевичу, такъ оробѣла, такъ залилась краской и задохнулась, что стала бормотать:

— Вотъ я... Вотъ я принесла... Принесла вамъ,
Матвѣй Стасюлеичъ... Стасюлей Матвѣичъ...

Лѣтъ двадцати я въ первый разъ попалъ въ Москву и рѣшилъ воспользоваться случаемъ хоть на минуту заглянуть въ литературный мѣръ. Заглянуть было трудно, — пойти къ кому-нибудь изъ извѣстныхъ писателей я стѣснялся; спросить: что вамъ угодно, молодой человѣкъ? — и что я тогда отвѣчу? Подумавъ, я рѣшилъ ограничиться посѣщеніемъ редакціи «Русской Мысли». Но и тутъ мнѣ не повезло. Шелъ я, конечно, не очень спокойно, однако вошелъ въ прихожую довольно смѣло и даже излишне громко предложилъ слугѣ передать мою визитную карточку «господину редактору», какъ вдругъ изъ пріемной почти выбѣжалъ прямо на меня какой-то бородатый, плотный господинъ: въ поднятой рукѣ у него торчало перо, поднятыя ноздри зіяли, очки блестѣли грозно и въ то же время испуганно:

— Стихи? — крикнулъ онъ, не давши мнѣ даже слова вымолвить, — и замоталъ на меня своими обѣими короткими руками, точно лапами: — нѣтъ, нѣтъ, у насъ запасъ стиховъ на цѣлыхъ девять лѣтъ!

Почему запаслась тогда «Русская Мысль» стихами на девять лѣтъ, а не на десять, напримѣръ, до сихъ поръ не понимаю.

Въ Москвѣ была лавка горбатаго старика букиниста. Помню: зима, лавка ледяная, паръ отъ дыханія. Сидя на корточкахъ въ углу, передъ грудой сваленныхъ на полу книгъ, неловко роюсь въ нихъ, чувствуя на своей спинѣ острый взглядъ хозяина, сидящаго въ старомъ креслѣ и отрывисто отхлебывающаго изъ стакана кипяткоу, жидкій чай.

— А вы что-жъ, тоже, значить, пишете, молодой человекъ?

— Пишу. . .

— И что-жъ, ужъ печатались?

— Да, немного. . .

— А гдѣ именно, позвольте спросить?

— Въ «Книжкахъ Недѣли». . . въ «Вѣстникѣ Европы». . .

— Стихи, разумѣется?

— Да, стихи. . .

— Что-жъ, и стихи не плохо. Но только и тутъ надо порядочно головой поработать. Надо, собственно говоря, въ жертву себя принести. Читали ли вы «Гюлистанъ» Саади? Я вамъ эту книжечку подарю на память. Въ ней есть истинно золотыя слова. Вы-же должны особенно запомнить слѣдующія: «У всякаго клада лежитъ стерегущій оный кладъ стоглавый змѣй.» Это надо хорошенько понять. И пусть это и будетъ вамъ моимъ напутствіемъ на литературномъ поприщѣ. Писатель пошелъ теперъ ничтожный. А почему? Онъ думаетъ, что клады берутся голыми руками и съ превеликой легкостью. Анъ нѣтъ. Тутъ борьба не на животъ, а на смерть. Вѣчная и безконечная, до гробовой доски. И знаете, кто высказалъ эту мысль и именно въ связи съ вышеприведенными словами Саади? Самъ

Александръ Сергѣвичъ Пушкинъ. Слышалъ же я это все отъ букиниста Богомолова, его современника и пріятеля. Торговаль съ ларька у Лубянской стѣны. . .

Въ первый свой пріѣздъ въ Москву я познакомился только съ московскими поэтами «самоучками».

Это былъ жалкій трогательный народъ. Бѣдность и рѣдкая одержимость въ смыслѣ любви къ литературѣ. Воспѣвали они, конечно, больше всего эту бѣдность, горько оплакивали свою долю, несправедливость, царящую въ мірѣ. . . Одинъ съ горечью восклицалъ:

Дуракъ катается въ каретѣ,
А ты летишь на ломовомъ!

Такихъ поэтовъ было несмѣтное количество, и о другихъ, кажется, и слуху не было. Потомъ сразу разразилась революція: Брюсовъ, Коневской, Александръ Добролюбовъ. . .

Справедливость требуетъ упомянуть еще Емельянова-Коханскаго. Это онъ первый поразилъ Москву: выпустилъ въ одинъ прекрасный день книгу своихъ стиховъ, посвященныхъ самому себѣ и Клеопатрѣ, — такъ на ней и было напечатано: «Посвящается Миѣ и египетской царицѣ Клеопатрѣ» — а затѣмъ самолично появился на Тверскомъ бульварѣ: въ подштанникахъ, въ буркѣ и папахѣ, въ черныхъ очкахъ и съ длинными собачьими когтями, привязанными къ пальцамъ правой руки. Конечно, его сейчасъ же убрали съ бульвара,

увели въ полицію, но все равно: дѣло было сдѣлано, слава перваго русскаго символиста прогремѣла по всей Москвѣ. Всѣ прочіе пришли уже позднѣе, — такъ сказать, на готовое.

Совершенно забылъ, никогда не вспоминалъ — и вотъ вдругъ вспомнилъ: давнымъ давно, бесконечно давно была въ Полтавѣ лавочка, внутри которой очень хорошо пахло новыми тесовыми полками и лежащими на нихъ новыми книжками и брошюрками толстовскаго «Посредника», а надъ входомъ висѣла небольшая вывѣска съ моимъ именемъ: книжный магазинъ тако-го-то... Очень странно, но такъ: у меня былъ когда-то книжный магазинъ. Я считалъ себя тогда толстовцемъ, но жилъ все-таки «въ міру», а не въ «кельѣ подъ елью», какъ острили мои «мірскіе» друзья, говоря о толстовцахъ. Я служилъ въ полтавской земской управѣ, былъ ея бібліотекаремъ, сидѣлъ въ сводчатомъ полуподвальномъ залѣ, въ глубокія окна котораго глядѣлъ старый садъ управы. Тамъ я, одинъ, въ тиши, читалъ, писалъ стихи, порой работалъ надъ составленіемъ очерковъ (о борьбѣ съ вредными насѣкомыми, объ урожаѣ хлѣбовъ и травъ), которые мнѣ заказывало статистическое бюро, бывшее при управѣ, и составилъ, кстати сказать, столько, что, если-бы собрать ихъ теперъ, къ сочиненіямъ моимъ прибавилось бы еще три-четыре порядочныхъ тома. Такъ я проводилъ время до обѣда. А послѣ обѣда шелъ въ свой книжный магазинъ и ждалъ тамъ покупателей, жаждущихъ толстовскаго просвѣщенія. Покупателей однако не было,

и вотъ я, чтобы хоть какъ-нибудь способствовать распространенію этого просвѣщенія, сталъ бесплатно раздавать нѣкоторыя брошюрки «Посредника» управскимъ сторожамъ. Когда-же и изъ этого не вышло ничего путнаго, — наприимѣръ, одинъ сторожь, которому я далъ брошюрку о вредѣ куренія, сказалъ мнѣ вскорѣ послѣ того, что вся брошюрка эта пошла у него на тютюнь, — я рѣшился на болѣе смѣлое дѣло: сталъ иногда, пользуясь свободой своей службы, отправляться въ странствія по губерніи, торговать «Посредникомъ» по ярмаркамъ, по базарамъ, гдѣ и былъ однажды (подъ Кобеляками) задержанъ урядникомъ «на предметъ составленія протокола за торговлю безъ законнаго на то разрѣшенія», каковой протоколъ, конечно, повлекъ за собой черезъ нѣкоторое время судебное преслѣдованіе. Преслѣдованіе оказалось довольно сурово: меня приговорили къ тремъ мѣсяцамъ тюремнаго заключенія, и я былъ, понятно, очень радъ, что наконецъ-то и мнѣ удастся «пострадать». Однако и тутъ преслѣдовала меня неудача: сидѣть въ тюрьмѣ мнѣ не пришлось, — я попалъ подъ всемилостивѣйшій манифестъ по случаю восшествія на престолъ новаго императора и такимъ манеромъ отъ страданій былъ насильственно избавленъ.

До 94-го года я не видѣлъ ни одного настоящаго писателя. Зато начались мои встрѣчи съ ними не болѣе, не менѣе, какъ съ Толстого. Я увидѣлъ его впервые въ январѣ 94-го года. И съ того времени литературныя знакомства мои стали быстро увеличивать-

ся. Черезъ годъ послѣ того я поѣхалъ въ Петербургъ и познакомился тамъ съ Михайловскимъ, Кривенко, то есть съ редакціей «Русскаго Богатства», уже печатавшаго тогда мои первые рассказы, побывалъ у поэта Жемчужникова и даже видѣлъ живого Григоровича, а пріѣхавъ изъ Петербурга въ Москву, сдѣлалъ еще много знакомствъ: съ Златовратскимъ, Эртелемъ, Чеховымъ, Бальмонтомъ, Брюсовымъ, Емельяновымъ-Коханскимъ, Коневскимъ, Добролюбовымъ, Лохвицкой... Смѣсь вышла удивительная. Я увидѣлъ сразу цѣлыхъ четыре литературныхъ эпохи: съ одной стороны Григоровичъ, Жемчужниковъ, Толстой; съ другой — редакція «Русскаго Богатства», Златовратскій; съ третьей — Эртель, Чеховъ; а съ четвертой — тѣ, которые, по слову Мережковскаго, уже «преступали всѣ законы, нарушали всѣ черты».

Все это повело къ тому, что какъ-то сразу связалась съ тѣхъ поръ моя жизнь съ жизнью литературной среды, а вскорѣ — во второй пріѣздъ въ Петербургъ — эта связь еще болѣе упрочилась, кругъ моихъ литературныхъ знакомствъ и впечатлѣній еще болѣе расширился. Тутъ я узналъ еще много новыхъ лицъ: познакомился съ нѣкоторыми молодыми поэтами изъ плеяды Фофанова, съ Сологубомъ, съ редакціей «Современнаго Мира», иначе говоря, съ домою А. А. Давыдовой, издательницы этого журнала, у которой когда-то совсѣмъ своими людьми были и многіе знаменитые писатели, — въ числѣ ихъ самъ Гончаровъ, — и нѣкоторые либеральные великіе князья, и Крамской, и Рубинштейны, потомъ съ ея зятемъ Туганъ-Барановскимъ, входившимъ тогда въ большую славу, съ Маминымъ-Сибирякомъ, съ Немировичемъ-

Данченко, со столпомъ народничества Воронцовымъ, вѣдшимъ тогда ожесточенную борьбу со Струве и съ Туганомъ-Барановскимъ, котораго Воронцовъ въ своихъ статьяхъ неизмѣнно называлъ съ самой язвительной вѣжливостью: «Господинъ Туганъ», съ тощимъ и удивительно страстнымъ Волинскимъ, яримъ врагомъ Михайловскаго, какъ разъ въ эту пору возвѣстившимъ нарожденіе въ мірѣ «новыхъ мозговыхъ линий», надъ которыми Михайловскій всячески и жестоко издѣвался. . . Среди всѣхъ этихъ лицъ, кажется, одинъ неумоимо-жизнерадостный Немировичъ-Данченко не принадлежалъ ни къ какой партіи, на всѣхъ и на все поглядывалъ любезно и благодушно. Ужъ на что былъ спокоенъ, не склоненъ къ спорамъ вѣчно сошавшій свою трубочку Маминъ, а и тотъ не чуждъ былъ нѣкоторыхъ пристрастій и довольно ядовито пускалъ иногда про Волинскаго:

— Что съ него взять, — это, мнѣ кажется, именно про него говоритъ одна купчиха у Лейкина: миазма мелкопитающая. . .

Или про всю редакцію «Сѣвернаго Вѣстника»:

Тамъ на невѣдомыхъ дорожкахъ
Слѣды невиданныхъ звѣрей. . .

Одинъ Немировичъ не язвилъ, не беспокоился.

— Все вздоръ, — сказалъ онъ мнѣ однажды. — Одно не вздоръ; надо писать и еще писать. Вотъ вы, молодые писатели, — на васъ просто смотрѣть жалко: прикасаетесь къ бумагѣ съ такой робостью, точно кошка перебѣгаетъ черезъ дорогу послѣ дождя. А надо

такъ: купилъ 480 листовъ, то есть полную дестъ этой самой бумаги, свѣль — и ни съ мѣста, пока не исписаль до единого.

Первое мое выступленіе на литературныхъ вечерахъ было въ началѣ зимы 95 г., въ Петербургѣ, въ знаменитомъ залѣ Кредитнаго Общества.

Незадолго передъ этимъ, въ первой книжкѣ народническаго журнала «Новое Слово» подъ редакціей С. Н. Кривенко, одного изъ бывшихъ столповъ «Отечественныхъ Записокъ», я напечаталъ рассказъ «На край свѣта», — о переселенцахъ. Рассказъ этотъ критики такъ единодушно расхвалили, что прочіе журналы стали приглашать меня сотрудничать, а петербургское «Общество попеченія о переселенцахъ» даже обратилось ко мнѣ съ просьбой пріѣхать въ Петербургъ и выступить на литературномъ вечерѣ въ пользу какого-то переселенческаго фонда. И вотъ я въ Петербургѣ, — въ первый разъ въ жизни, — и отправляюсь на этотъ вечеръ. Беру почему-то лихача и несусь среди огней и блеска великолѣпнаго морознаго Невскаго. Возлѣ огромнаго дома «Кредитнаго Общества» блескъ еще пуще: ослѣпительный электрической свѣтъ подѣзда, конные городовые съ сѣдыми отъ мороза усами, кареты и несмѣтная толпа студентовъ и курсистокъ. Пробираюсь какими-то особыми лѣстницами куда-то наверхъ, гдѣ-то раздѣваюсь — и сразу попадаю въ общество знаменитостей, прочихъ участниковъ вечера, уже собравшихся въ артистической: «самъ» Михайловскій, «самъ» Потапенко, — онъ тогда гремѣлъ на

всю Россію, — затѣмъ Засодимскій, Маминъ, Минскій, Баранцевичъ, — онъ славился какъ отличный чтець, — и «самъ» Петръ Исаевичъ Вейнбергъ, душа всѣхъ литературныхъ вечеровъ Петербурга, въ старомодномъ фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ, съ острымъ и голымъ сіяющимъ черепомъ, съ юношескими глазами и душистой серебряной бородой, столь длинной и узкой, что его звали Черноморомъ. Когда я вошелъ, онъ держалъ къ присутствующимъ какую-то торжественно-комическую рѣчь, воздѣвъ руки надъ большимъ столомъ, загроможденнымъ цвѣтами, фруктами и винами, — и вдругъ повернулся и съ воздѣтыми руками съ размаху упалъ на одно колѣно: въ артистическую, мѣрно и томно прихрамывая, шурша сѣрымъ шелковымъ платьемъ, въ сопровожденіи двухъ франтовъ студентовъ изъ числа распорядителей вечера, всплыла М. Г. Савина, а за нею, не въ мѣру щурясь, медленно вошло какъ бы нѣкое райское видѣніе, удивительной худобы ангель въ бѣлоснѣжномъ одѣяніи и съ золотистыми распущенными волосами, вдоль обнаженныхъ рукъ котораго падало до самаго полу что-то вродѣ не то рукавовъ, не то крыльевъ: З. Н. Гипсіусъ, сопровождаемая сзади Мережковскимъ.

— Божественная! — воскликнулъ все съ тѣмъ же торжественно-комическимъ жаромъ Вейнбергъ, возводя глаза къ потолку и цѣлуя руку Савиной. — А мы ужъ тутъ съ ногъ до головы трепетали: а вдругъ вы не пожалуете!

И тотчасъ же вслѣдъ затѣмъ начался вечеръ, и тутъ я впервые увидѣлъ всю бездну человѣческаго честолюбія и самолюбія. Въ тишинѣ, сразу наступившей послѣ третьяго звонка и въ артистической и въ залѣ,

почти всѣ участники вечера, при всей своей славѣ и привычкѣ къ публичнымъ выступленіямъ, вдругъ поблѣднѣли отъ волненія, отъ близости своего выхода на эстраду, — даже Михайловскій сталъ какъ то не въ мѣру строгъ и серьезенъ, — и многіе тотчасъ же стали, шопотомъ и вполголоса, наизусть и по книжкамъ, твердить то, что надо было читать, — особенно большоголовой Минскій: тотъ поблѣднѣлъ какъ смерть и затвердилъ со страстностью полоумнаго. Не проявили никакого видимаго волненія только Вейнбергъ да Баранцевичъ, бодро пошедшій на эстраду первымъ.

Я, конечно, читалъ «На край свѣта» и опять, благодаря этимъ несчастнымъ переселенцамъ (да и новизнѣ своего имени), имѣлъ большой успѣхъ. Баранцевичъ, какъ человѣкъ многоопытный, этотъ успѣхъ заранѣе предвидѣлъ и потому «по товарищески» предупредилъ меня:

— Не читайте, дорогой Иванъ Васильевичъ, громко. Эта зала странная: громкій голосъ гудитъ въ ней, какъ въ бочкѣ. Читайте ровно и ничуть не поднимая голоса.

Но я, къ счастью, тотчасъ же понялъ, выйдя на эстраду, цѣну этой товарищеской заботливости: въ залѣ было тысячи три человѣкъ, она была набита сверху до низу, читать въ ней «ровно и ничуть не поднимая голоса» значило осрамить себя до девятой пуговицы, — никто бы и звука не слыхалъ.

Про успѣхъ прочихъ и говорить нечего — они хорошо знали свое дѣло.

Вейнбергъ потрясалъ залу своимъ громовымъ, театрално-вдохновеннымъ полосомъ, читая то, что чи-

талъ, какъ я узналъ впоследствии, неизмѣнно, на каждомъ такомъ вечерѣ, — свои стихи «Къ морю», которое, конечно, втайнѣ означало всякія конституціонныя свободы:

Безконечной пеленою
Развернулось предо мною
Старый другъ мой, — море!
Сколько мощи необъятной,
Сколько воли благодатной
Въ царственномъ просторѣ!

Засодимскій, страшный зайка, отрывисто выпаливалъ тоже свое неизмѣнное — изъ Некрасова:

Жизни вольнымъ впечатлѣніямъ
Душу вольную отдай!
Человѣческимъ стремленіямъ
Въ ней проснуться не мѣшай!

Что читалъ Потапенко, не помню. Да и не важно было, что именно онъ читаетъ, — для публики было вполне достаточно того, что это Потапенко, авторъ знаменитой повѣсти «На дѣйствительной службѣ». Кромѣ того, былъ онъ тогда кумиромъ еще и потому, что былъ красивъ — красотой немного дурного тона, но весьма яркой и лихой какой-то.

А Гиппіусъ вызвала цѣлую бурю и негодующихъ криковъ и рукоплесканій: она читала стихи о томъ, что она любитъ себя «какъ Бога».

Я видѣлъ однажды Григоровича: былъ какъ то въ магазинѣ Суворина, разглядывалъ новыя книжки — и вдругъ услышалъ возлѣ себя свѣжій и крѣпкій запахъ чудеснаго одеколона, поднялъ голову — и обомлѣлъ: Григоровичъ!

Это было незадолго до его смерти, онъ былъ уже очень старъ. Но свѣжъ и бодръ, какъ этотъ запахъ. Глаза веселые, живые и ласковые. Очень высокъ и довольно худощавъ. Маленькая, породистая, нѣсколько гордо откинутаая назадъ серебряная голова. Бѣлоснѣжныя бакенбарды. Бѣлоснѣжное кашнѣ и превосходная енотовая шуба до пятъ... Не было предѣла моему страху, радости и удивленію: «Антонъ Горемыка»!

Жемчужниковъ былъ не менѣе Григоровича изящень, душистъ, свѣжъ и бодръ, несмотря на всю слабость здоровья. Я бывалъ у него довольно часто, и меня поражала его неизмѣнная ласковость ко мнѣ, чисто отеческая заботливость къ каждому стихотворенію, которое я печаталъ при его содѣйствіи въ «Вѣстникѣ Европы».

Онъ подарилъ мнѣ «Кузьму Пруткова» и разсказалъ происхожденіе этой книги:

— Мы — я и Алексѣй Константиновичъ Толстой — были тогда молоды и непристойно проказливы. Жили вмѣстѣ и каждый день сочиняли по какой-нибудь глупости въ стихахъ. Потомъ рѣшили собрать и издать эти глупости, приписавъ ихъ нашему камердинеру Кузьмѣ Пруткову, и такъ и сдѣлали, и что же вышло? Обидѣли старика такъ, что онъ не могъ простить намъ этой шутки до самой смерти! Хотѣли мило пошутить, а обидѣли кровно.

Однажды онъ сказалъ:

— Я поэтъ не Богъ вѣсть какой, а все таки, думаю, не хуже, напримѣръ, Надсона или Минскаго. Кромѣ того, могу смѣло сказать, я достаточно своеобразень, — даже болѣе: совершенно оригиналень, что вѣдь что-нибудь да значить и само по себѣ, силенъ въ стихѣ... А вотъ подите-же, почти никто и знать меня не хочетъ, а если и хочетъ, то только какъ Кузьму Пруткова. Въ чемъ тутъ причина, мой молодой другъ? Думаю, что ужъ очень я разныхъ кровей со многими теперешними. Вѣдь это совсѣмъ недаромъ говорятъ мужики о томъ, что даже у людей существуютъ разныя «кровя», и вѣдь что такое кровь, какъ не душа?

Я вспомнилъ это недавно, прочтя о томъ, что теперь научныя работы насчетъ переливанія крови съ точностью установили, что многочисленныя неудачи и смертельные случаи, сплошь и рядомъ происходящія при этомъ переливаніи, чаще всего зависятъ отъ «индивидуальной несомѣстимости кровей кроводателя и получателя»: оказывается, далеко не у всѣхъ людей одинакова кровь, что «человѣчество раздѣляется по крови на цѣлыхъ четыре группы и что каждой изъ этихъ группъ можно безнаказанно переливать лишь кровь группы соответствующей».

Такъ что Жемчужниковъ былъ правъ. Въ самомъ дѣлѣ, какъ пенять на равнодушнаго читателя, на враждебнаго критика! Что съ него взять, когда у него даже кровь, можетъ быть, совсѣмъ другая, чѣмъ у тебя?

Жемчужниковъ былъ свѣтски очарователень въ обращеніи, говорливъ, какъ говорливы многіе красивые

старики высшаго круга, привыкшіе блистать въ гостиныхъ и неизмѣнно бодрящіеся на людяхъ.

— Вотъ всѣ теперь говорятъ о новой поэзіи, — сказалъ онъ однажды съ заигравшими вдругъ глазами. — Теперь всѣ стараются писать какъ-то по новому. Васъ, по вашей молодости, это вѣроятно, тревожить, искушаетъ. Что-жъ, тревога полезная. Я ничего не имѣю противъ новаго, избавь Богъ переписывать сто разъ написанное. Но вотъ все таки позвольте рассказать вамъ одинъ старинный нѣмецкій анекдотъ, — можетъ быть, вы его не знаете. Студентъ приходитъ къ своему профессору и говорить:

— Господинъ профессоръ, я хочу создать новое солнце.

— Что-же можетъ быть лучше, мой дорогой другъ? — отвѣчаетъ профессоръ. — Отъ души радуюсь за васъ и желаю успѣха.

— Да, но мнѣ, господинъ профессоръ, необходимо знать, что именно нужно знать для этого? — говоритъ студентъ.

— О, пустяки! — отвѣчаетъ профессоръ. — Прежде всего необходимо изучить солнечныя пятна.

— Пятна? Зачѣмъ?

— А затѣмъ, мой другъ, чтобы обойтись безъ нихъ.

Мои впечатлѣнія отъ петербургскихъ встрѣчъ были разнообразны, рѣзки. Какія крайности! Отъ Григоровича и Жемчужникова до Сологуба, напимѣръ! И то же было и въ Москвѣ, гдѣ я встрѣчалъ то Гольце-

ва и прочихъ членовъ редакція «Русской Мысли», то Златовратскаго, то декадентовъ и символистовъ. Когда я заходилъ къ Златовратскому, онъ, по толстовски хмуря свои косматые брови, — онъ вообще игралъ немного подъ Толстого, благодаря своему нѣкоторому сходству съ нимъ, — съ шутливой ворчливостью говорилъ порой: «Миръ-то, друзья мои, все таки спасается только лаптемъ, что-бы тамъ ни говорили господа марксисты!» Златовратскій изъ года въ годъ жилъ въ Гиршахъ въ маленькой квартиркѣ съ неизмѣнными портретами Бѣлинскаго, Чернышевскаго; онъ ходилъ, по медвѣжьей покачиваясь, по своему прокуренному кабинету въ стоптанныхъ войлочныхъ туфляхъ, въ ситцевой косовороткѣ, въ низко спустившихся толстыхъ штанахъ, на ходу дѣлалъ машинкой папиросы, втыкая ее въ грудь себѣ, и бормоталъ:

— Да, вотъ мечтаю нынѣшнимъ лѣтомъ опять поѣхать въ Апрѣлевку, — знаете, это по Брянской дорогѣ, всего часъ ѣзды отъ Москвы, а благодать... Богъ дастъ, опять рыбки половлю, по душамъ поговорю со старыми пріятелями, — тамъ у меня есть чудеснѣйшіе мужики-сосѣди... Всѣ эти марксисты, деканденты какіе то, все это, милый, эфемериды, накишь!

А «деканденты» бредили альбатросами, Явой, Шотландіей, гордо скандировали:

Мы — путники ночи беззвѣздной,
Искатели смутнаго рая!

Въ Москвѣ они появились особенно внезапно и скандализировали публику гораздо рѣзче, чѣмъ въ Петер-

бургъ. Москву поразилъ первый Емельяновъ-Коханскій. Послѣ него Брюсовъ, — «о, закрой свои блѣдныя ноги!» Емельяновъ-Коханскій вскорѣ добровольно сошелъ со сцены: женился на купеческой дочери и сказалъ: «Довольно дурака валять!» Это былъ рослый, плотный малый, рыжій, въ веснушкахъ, съ очень неглупымъ и наглымъ лицомъ. Дурака валялъ онъ совсѣмъ не такъ ужъ плохо, какъ это можетъ показаться сначала. Мнѣ думается, что онъ имѣлъ на начинающаго Брюсова значительное вліяніе. А впослѣдствіи ближайшими соратниками Брюсова были Коневской и Добролюбовъ. Коневской такъ и остался никому неизвѣстенъ. Брюсовъ иначе не называлъ его, какъ геніемъ. А на дѣлѣ это былъ просто больной и несчастный юноша. Вытертая студенческая тужурка, худыя и совершенно деревянные плечи, испитое лицо, стоячіе бѣлесые глаза, рыжеватые слабыя волосы. Говорилъ онъ мало и крайне невразумительно. Писалъ что-то очень напряженное, но еще болѣе невразумительное. Не знаю, что изъ него вышло-бы, — онъ внезапно умеръ отъ разрыва сердца, купаясь.

Такъ же внезапно погибъ для литературы и Добролюбовъ. Но о немъ нѣкоторые помнятъ и до сихъ поръ. Блокъ писалъ о немъ:

Изъ неживого тумана
Вышло больное дитя. . .

Но что за «туманъ неживой» былъ въ Москвѣ въ ту пору? Да и на дитя Добролюбовъ былъ не похожъ. Это былъ сутулый и широкоплечій молодой человекъ съ большимъ лицомъ, имѣвшимъ совершенное сходство

съ бѣлой маской, изъ которой жутко чернѣли какіе-то сказочно-восточные глаза. Одинъ изъ друзей его дѣтства рассказываетъ: «Мы вмѣстѣ съ нимъ росли и учились въ Варшавѣ. По матери онъ былъ полуполякъ, полуфранцузъ. Въ дѣтствѣ былъ помѣшанъ на играхъ въ индѣйцевъ, былъ необыкновенно живъ, страстенъ. Юношей страшно измѣнился: сталъ какой-то мертвый, худой. Злоупотреблялъ наркотиками — курилъ опиумъ, жевалъ гашишъ, прыскался какимъ-то острымъ индѣйскимъ бальзамомъ. Основалъ «кружокъ декадентовъ», издалъ книгу своихъ стиховъ: «Изъ книги Невидимой или Натура Натурансъ» съ совершенно нечеловѣческими строками какого-то четвертого измѣренія. . .» На меня Добролюбовъ сразу произвелъ вполне опредѣленное впечатлѣніе: помѣшанный. Достаточно было взглянуть на него, когда онъ шелъ по улицѣ: опасно пробирается возлѣ самой стѣны, глядитъ вкось, вся фигура тоже перекошенная, руки въ черныхъ перчаткахъ, выставлены впередъ. . . Какъ извѣстно, онъ куда-то скрылся, — ушелъ странствовать по Россіи, въ армякѣ, въ лаптяхъ, — и навсегда гдѣ-то пропалъ. Брюсовъ и его называлъ гениальнымъ. Блокъ тоже. Почему? Брюсовъ, со свойственной ему жаждой архива, описей, сдѣлалъ опись всѣхъ его изданныхъ и неизданныхъ сочиненій. Опись вышла очень невелика. Но въ числѣ этихъ сочиненій есть, напримѣръ, такое: «Опроверженіе Шопенгауэра и всѣхъ философовъ.»

Брюсова я узналъ еще въ студенческой тужуркѣ. Поѣхалъ къ нему въ первый разъ съ Бальмонтомъ. Онъ жилъ на Цвѣтномъ бульварѣ, въ домѣ своего отца, торговца пробками. Домъ былъ небольшой, двухэтажный, толстостѣнный, — настоящій уѣздный, третьей гильдіи купеческій, съ высокими и всегда запертыми на замокъ воротами, съ калиткой, съ собакой на цѣпи во дворѣ. Мы Брюсова въ тотъ день не застали. Но на другой день Бальмонтъ получилъ отъ него записку: «Очень буду радъ видѣть Васъ и Бунина, — онъ настоящій поэтъ, хотя и не символистъ.» Поѣхали снова — и я увидѣлъ молодого чело­вѣка съ довольно толстой и тугой гостиннодворческой (и широкоскуло азіатской) фізіономіей. Говорилъ этотъ гостиннодворецъ однако очень изысканно, высокопарно, съ отрывистой и гнусавой четкостью, точно лаялъ въ свой дудкообразный носъ, и все время сентенціями, тономъ поучительнымъ, не допускающимъ возраженій. Все было въ его словахъ крайне революціонно (въ смыслѣ искусства), — да здравствуетъ только новое и долой все старое! Онъ даже предлагалъ всѣ старыя книги до тла сжечь на кострахъ, «вотъ какъ Омаръ сжегъ Александрійскую бібліотеку!» — воскликнулъ онъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ для всего новаго у него уже были жесточайшія, непоколебимыя правила, уставы, узаконенія, за малѣйшія отступленія отъ которыхъ онъ, видимо, готовъ былъ тоже жечь на кострахъ. И аккуратность у него, въ его низкой комнатѣ на антресоляхъ, была удивительная. Я попросилъ у него на нѣсколько дней какую-то книгу. Онъ странно сверкнулъ на меня изъ своихъ твердыхъ скулъ своими раскосыми, бессмысленно блестящими, какъ у

птицы, черными глазами и съ чрезвычайной галантно-стью, но и весьма рѣзко отчеканилъ:

— Никогда и никому не даю ни одной изъ своихъ книгъ даже на часъ!

Первая встрѣча моя съ Тетерниковымъ (Сологубомъ) была въ декабрь 96 г. (въ Петербургѣ). Зашелъ однажды утромъ къ одному молодому писателю и увидалъ за чайнымъ столомъ хозяина и какого-то незнакомаго господина въ учительскомъ фракѣ. Хозяинъ, человекъ отъ природы очень живой, что-то громко и весело говорилъ. Господинъ сидѣлъ молча, съ мертвой важностью поднявъ ничего не выражающее лицо, тупо глядя сквозь пенснэ и полуоткрывъ ротъ. Хозяинъ познакомилъ насъ — онъ молча подалъ мнѣ большую и очень блѣдную руку, довольно продолжительно и безцеремонно поглядѣлъ на меня съ тѣмъ-же тупымъ вниманіемъ. Лѣтъ онъ былъ неопредѣленныхъ, хотя уже почти лысъ. Фракъ, панталоны, сапоги — все было у него провинціальное, бѣдно-чиновниче. Общій видъ тоже довольно захолустный, свидѣтельствующій о скудныхъ достаткахъ и простомъ происхожденіи: песочно-рыжеватые усы и такая-жа бородка, нечистый цвѣтъ желто-сѣраго слегка одуловатаго и удлиненнаго лица, удлиненная картофелина носа и большая бородавка возлѣ него, выраженіе лишено осмысленности. Это и былъ Сологубъ. И вотъ что произошло при этой первой нашей встрѣчѣ: уходя, онъ вдругъ задержалъ мою руку въ своей и неожиданно

ухмыльнулся, на мой же вопросъ о причинѣ этого смѣха глухо отвѣтилъ:

— Я тому смѣюсь, что все гадаю: любите ли вы мальчиковъ?

Послѣдній разъ я видѣлъ его въ 16 году, у него на дому, на большомъ званомъ вечерѣ. Онъ уже давно былъ славенъ, жилъ въ достаткѣ и, кажется, нерѣдко устраивалъ такіе вечера — собиралъ у себя литературныхъ знаменитостей. Въ этотъ вечеръ знаменитостей собралось много, были Горькій, Андреевъ. Но хозяйинъ почему-то долго не выходилъ, предоставивъ принимать гостей Чеботаревской. Когда же вышла, то я глазамъ своимъ не повѣрилъ: на немъ былъ смокингъ, смятыя и вытянутыя въ колѣнкахъ панталоны, зеленые шерстяные носки и лакированныя туфли со сбитыми каблуками.

Одно изъ самыхъ пріятныхъ литературныхъ воспоминаній — о Миррѣ Александровнѣ Лохвицкой.

Она умерла еще молодой и вскорѣ послѣ смерти была забыта. Но при жизни пользовалась извѣстностью, слыла «русской Сафо» (какъ, впрочемъ, многія русскія поэтессы). Воспѣвала она любовь, страсть, и всѣ поэтому воображали ее себѣ чуть не вакханкой, со всѣмъ не подозрѣвая, что она, при всей своей молодости, уже давно замужемъ, — мужъ ея былъ одинъ изъ московскихъ французовъ, по фамиліи Жиберъ, — что она мать нѣсколькихъ дѣтей, большая демосѣдка, по восточному лѣнива: часто даже гостей принимаетъ, лежа на софѣ въ капотѣ, и никогда не говоритъ съ

ними съ поэтической томностью, а напротивъ болта-
еть очень здраво, просто, съ большимъ остроуміемъ,
наблюдательностью и чудесной насмѣшливостью, —
все, очевидно, родовыя черты, столь блестяще раз-
вившіяся у ея сестры, Н. А. Тэффи. Такой по край-
ней мѣрѣ зналъ ее я, а я зналъ ее довольно долго, по-
сѣщаль ея домъ нерѣдко, былъ съ ней въ пріятель-
ствѣ, — мы даже называли другъ друга уменьшитель-
ными именами, хотя всегда какъ-будто иронически, съ
шутками другъ надъ другомъ.

— Миррочка, дорогая, опять лежите?

— Опять.

— А гдѣ же ваша лира, тирсъ, тимпанъ?

Она заливалась смѣхомъ:

— Лира гдѣ-то тамъ, не знаю, а тирсъ и тимпанъ
куда-то заташили дѣти. . .

Съ особеннымъ удовольствіемъ вспоминаю нашу
первую встрѣчу. Мы случайно сошлись въ редакціи
«Русской Мысли», — оба принесли туда стихи, —
познакомились и вмѣстѣ вышли. Все было очень бѣ-
ло, валилъ крупный снѣгъ, впереди ничего не было
видно, — только очаровательная бѣлизна. Она тот-
часъ же весело начала:

— Послушайте, а про мужиковъ это тоже вы пи-
шете?

— Я не про однихъ мужиковъ пишу.

— Но все таки — вы?

— Я.

— Зачѣмъ?

— А почему-же не писать и про мужиковъ?

— Ну вотъ! Пусть себѣ живутъ и пашутъ, намъ-то что до нихъ? Удивительнѣе всего то, что за нихъ тоже, говорятъ, платятъ. Вамъ сколько платятъ?

— Рублей семьдесятъ пять, восемьдесятъ за листь.

— Боже мой! А за стихи сколько?

— Полтинникъ за строчку.

Она даже приостановилась:

— Какъ? А почему же мнѣ всего четвертакъ?

— Не знаю.

— Значить, я хуже васъ?

— Помилуй Богъ, что вы!

— Но въ чемъ же тогда дѣло? Вамъ сколько лѣтъ?

— Двадцать четыре.

— Ну тогда, очевидно, только потому, что я по сравненію съ вами еще ребенокъ. . .

И все въ ней было прелестно — звукъ голоса, живость рѣчи, блескъ глазъ, эта милая, легкая шутиливость. . . Она и правда была тогда совсѣмъ молоденькая и очень хорошенькая. Особенно прекрасенъ былъ цвѣтъ ея лица, — матовый, ровный, подобный цвѣту крымскаго яблока. На ней было что-то нарядное, изъ сѣраго мѣха, шляпка тоже мѣховая. И все это было въ сѣбѣ, въ крупныхъ бѣлыхъ хлопьяхъ, которыя валили, свѣжо тая на ея щекахъ, на губахъ, на рѣсницахъ. . .

Первую книгу рассказовъ я издалъ въ концѣ 1896 г. у Поповой (извѣстной въ то время петербургской издательницы).

Первый сборникъ стиховъ — въ «Скорпіонѣ», въ 99 г. «Скорпіонъ» существовалъ (подъ редакціей Брюсова) на деньги нѣкоего Полякова, богатаго московскаго купчика, изъ тѣхъ, что уже кончали университеты и тянулись ко всякимъ искусствамъ, человека еще молодого, но истрепаннаго, лысѣющаго, съ желтыми и почему-то всегда мокрыми усами. Кутилъ этотъ Поляковъ чуть не каждую ночь напропалую и весьма сытно кормилъ-поилъ по ресторанамъ и Брюсова и всю прочую братію московскихъ декадентовъ, символистовъ, «маговъ», «аргонавтовъ», искателей «золотого руна». Однако, со мной онъ оказался скупѣе Плюшкина: пришелъ ко мнѣ съ Брюсовымъ для переговоровъ чуть не утромъ, а ушелъ только вечеромъ — все торговался, все сбивалъ цѣну и таки добился того, что я махнулъ рукой и отдалъ ему книгу всего за триста рублей. А потомъ вынулъ изъ кармана и сталъ показывать жемчужное ожерелье, которое только что купилъ въ подарокъ своей невѣстѣ:

— Правда хорошо? По случаю купилъ и совсѣмъ за грошъ — за двадцать пять тысячъ. . .

«Скорпіонъ» вообще не баловалъ своихъ сотрудниковъ гонорарами. Помню, какъ однажды горестно пѣлъ Вячеславъ Ивановъ:

— Знаете, сколько получилъ я отъ Полякова за свою послѣднюю книгу? Увы, всего пятьдесятъ рублей!

Зато издавалъ Поляковъ великолѣпно. И, конечно, поступалъ умно. Изданія «Скорпіона» расходились весьма скромно, — «Вѣсы», напримѣръ, достигли (на четвертый годъ своего существованія) тиража всего на

всего въ триста экземпляровъ, — но внѣшностью весьма много способствовали своей славѣ. А потомъ — названія поляковскихъ изданій: «Скорпіонъ», «Вѣсы» или, напримѣръ, названіе перваго альманаха, выпущеннаго «Скорпіономъ»: «Сѣверные цвѣты, альманахъ первый, ассирійскій.» Всѣ недоумѣвали: почему «Скорпіонъ»? И что за «Скорпіонъ» — гадъ или созвѣдіе? И отчего эти «Сѣверные цвѣты» вдругъ оказались ассирійскими? Однако это недоумѣніе вскорѣ смѣнилось у многихъ почтеніемъ, восхищеніемъ. Такъ что, когда вскорѣ послѣ того Брюсовъ даже и самого себя объявилъ ассирійскимъ магомъ, всѣ уже свято вѣрили, что онъ магъ. Это вѣдь не шутка — ярлыкъ. «Чѣмъ себя наречешь, тѣмъ и прослывешь».

А какъ обмѣривали, какъ обвѣшивали эти «Вѣсы»? Всѣ «своихъ» всегда оказывался огромный, всѣ чужихъ — смѣхотворный. Напримѣръ, всѣ участники «Знанія» назывались въ «Вѣсахъ» неизмѣнно «все-россійскими бездарностями». Про меня, — я вскорѣ почелъ за благо удалиться изъ этого литературнаго лабаза, — было однажды сказано такъ: «Произведенія Бунина подобны солдатскимъ сапогамъ, поставляемымъ интендантствами, — сапогамъ съ бумажными подошвами». Это написалъ молодой поэтъ Сергій Соловьевъ, который, впрочемъ, вскорѣ послѣ того вдругъ прислалъ мнѣ письмо: «Простите мнѣ ради Бога мою низость — я написалъ о Васѣ по приказу, то, что буквально продиктовали мнѣ. . .»

О Горькомъ, какъ это ни удивительно, до сихъ поръ никто не имѣетъ точнаго представленія. Сказочна вообще судьба этого человѣка. Вотъ уже цѣлыхъ 40 лѣтъ міровой славы, основанной на безпримѣрно счастливомъ для ея носителя степеніи не только политическихъ, но и весьма многихъ другихъ обстоятельствъ. Конечно, талантъ, но вотъ до сихъ поръ не нашлось никого, кто сказалъ бы наконецъ о томъ, какого рода этотъ талантъ, создавшій, на примѣръ, такую вещь, какъ «Пѣсня о соколѣ» — пѣсня о томъ, какъ «высоко въ горы вползъ ужъ и легъ тамъ», а затѣмъ, ничуть не будучи отъ природы смертоноснымъ гадомъ, все таки ухитрился на смерть ужалить за что-то сокола, тоже почему-то очутившагося въ горахъ. Молва твердитъ: «Босякъ, поднялся со дна моря народнаго. . .» А въ словарь Брокгауза другое: «Горькій-Пѣшковъ, Алексѣй Максимовичъ. Родился въ 69 году, въ средѣ вполне буржуазной: отецъ — управляющій большой паровой конторы, мать — дочь богатаго купца красильщика. . .» Дальнѣйшее основано только на автобіографіи Горькаго: «Грамотѣ учился я у дѣда по псалтырю, потомъ, будучи поваренкомъ на пароходѣ, у повара См ураго, человѣка сказочной силы и грубости и — нѣжности. . . Смурый привилъ мнѣ, до толѣ люто ненавидѣвшему всякую печатную бумагу, свирѣпую страсть къ чтенію, и я до безумія сталъ зачитываться Некрасовымъ, журналомъ «Искра», Успенскимъ, Дюма. . . Изъ поварятъ попалъ я въ садовники, поглощалъ классиковъ и литературу лубочную. Въ пятнадцать лѣтъ возымѣлъ свирѣпое желаніе учиться, поѣхалъ въ Казань, простодушно полагая, что науки желающимъ даромъ преподаются. Но оказалось,

что оно не принято, вслѣдствіе чего и поступилъ въ крендельное заведеніе. Работая тамъ, свелъ знакомство со студентами. . . А въ девятнадцать лѣтъ пустилъ въ себя пулю и, прохворавъ, сколько полагается, ожилъ, дабы приняться за коммерцію яблоками. . . Въ свое время былъ призванъ къ отбыванію воинской повинности, но, когда обнаружилось, что дырявыхъ не берутъ, поступилъ въ письмоводители къ адвокату Ланину, однако же вскорѣ почувствовалъ себя среди интеллигенціи совсѣмъ не на своемъ мѣстѣ и ушелъ бродить по югу Россіи. . .»

Въ 92-омъ году Горькій напечаталъ въ газетѣ «Кавказъ» свой первый разсказъ «Макаръ Чудра», который начинается такъ: «Вѣтеръ разносилъ по степи задумчивую мелодію плеска набѣгавшей на берегъ волны. . . Мгла осенней ночи пугливо вздрагивала и пугливо отодвигалась отъ насъ при вспышкахъ костра, надъ которымъ возвышалась массивная фигура Макара Чудры, стараго цыгана. Полулежа въ красивой, свободной и сильной позѣ, методически потягивалъ онъ изъ своей громадной трубки, выпускалъ изъ рта и носа густые клубы дыма и говорилъ: — Вѣдома-ли рабу воля широкая? Ширь степная понятна-ли? Говоръ морской волны веселить ли ему сердце? Эге! Онъ, парень, рабъ!» А черезъ три года послѣ того появился знаменитый «Челкашъ». Уже давно шла о Горькомъ молва, уже многіе зачитывались и «Макаромъ» и послѣдующими созданіями: «Емельянъ Пилляй», «Дѣдъ Архипъ и Ленъка». . . Уже славился, кромѣ того, Горькій сатирами — напримѣръ, «О чижѣ, любителѣ истины, и о дятлѣ, который лгалъ», — былъ извѣстенъ какъ фельетонистъ, ибо писалъ и фельето-

ны (въ «Самарской газетѣ»), подписываясь: Іегудіиль Хламида. Но вотъ появился «Челкашъ»...

Какъ разъ въ этой порѣ и относятся мои первыя свѣдѣнія о немъ. Въ Полтавѣ прошелъ вдругъ слухъ: «Подъ Кобеляками поселился молодой писатель Горькій. Фигура удивительно красочная. Ражій дѣтина въ широчайшей крылаткѣ, въ шляпѣ вотъ съ этакими полями и съ суковатой дубинкой въ рукѣ...» А познакомились мы весной 99 года. Пріѣзжаю въ Ялту, иду какъ-то по набережной и вижу: навстрѣчу идетъ съ кѣмъ-то Чеховъ, закрывается газетой, не то отъ солнца, не то отъ этого кого-то, идущаго рядомъ съ нимъ, что-то басомъ гудящаго и все время высоко взмахивающаго руками изъ своей крылатки. Здравуюсь съ Чеховымъ, онъ говоритъ: «Познакомьтесь, Горькій.» Знакомлюсь, гляжу и убѣждаюсь, что въ Полтавѣ описывали его отчасти правильно: и крылатка, и вотъ этакая шляпа. Подъ крылаткой ярко-желтая шелковая рубаша, подпоясанная толстымъ и длиннымъ шелковымъ жгутомъ кремоваго цвѣта, вышитая разноцвѣтными шелками по подолу и вороту. Только не дѣтина и не ражій, а просто высокій и нѣсколько сутуловатый рыжій парень съ зеленоватыми, быстрыми и уклончивыми глазками, веснущатый, съ желтыми усиками, которые онъ, покашливая, все поглаживаетъ большими пальцами: немножко поплюетъ на нихъ и погладить. Пошли дальше, онъ закурилъ, крѣпко затянулся и тотчасъ же опять загудѣлъ и сталъ взмахивать руками. Быстро выкуривъ папиросу, пустилъ въ ея мундштукъ слюны, чтобы загасить окурокъ, бросилъ его и продолжалъ говорить, изрѣдка зорко взглядывая на Чехова. Говорилъ онъ громко, съ жаромъ и все об-

разами и все съ героическими, грубоватыми восклицаніями. Это былъ разсказъ о какихъ-то волжскихъ богачахъ изъ купцовъ и мужиковъ, которые всѣ были совершенно былинные исполины. . .

У него былъ тогда братъ. Я видѣлъ его въ Ялтѣ той же весной. Онъ работалъ при какомъ то винномъ складѣ, мылъ бутылки. У него была чахотка, ему нуженъ былъ южный климатъ. И вотъ онъ добрался откуда-то съ Волги въ Ялту. Онъ былъ очень худой, высокій, темноликій, — типичный пожилой мастеровой и по виду и по одеждѣ, изъ тѣхъ, что страдаютъ запоями, какъ это и было на самомъ дѣлѣ, очень молчаливый, какъ бы всегда стыдящійся своихъ разбитыхъ сапогъ и своей слабости на счетъ спиртнаго искушенія.

Альфонсъ XIII былъ однажды очень обезпокоенъ судьбой Горькаго. Это было тогда, когда Горькій былъ арестованъ и посаженъ въ рижскую тюрьму. За что былъ онъ арестованъ и почему именно въ Ригѣ, не помню. Но помню, что во многія европейскія газеты были послѣ того тотчасъ посланы извѣщенія, что Горькому грозитъ смертная казнь. И вотъ тутъ-то Альфонсъ и далъ телеграмму Николаю II. Всѣ тогда увѣряли другъ друга, что только это и спасло Горькаго отъ повѣшенія.

Заглавіе пьесы «На днѣ» принадлежитъ Андрею. Авторское заглавіе было хуже: «На днѣ жизни».

Однажды, выпивши, Андреевъ говорилъ мнѣ, усмѣхаясь, какъ всегда въ подобныхъ случаяхъ, гордо, весело и мрачно, ставя точки между короткими фразами твердо и настойчиво:

— Заглавіе — все. Понимаешь? Публику надо бить въ лобъ и безъ промаху. Вотъ написалъ человекъ пьесу. Показываетъ мнѣ. Вижу: «На днѣ жизни». Глупо, говорю. Плоско. Пиши просто: «На днѣ». И все. Понимаешь? Спасъ человекъ. Заглавіе штука тонкая. Что было бы, напримѣръ, если бы я вмѣсто «Жизнь человекъ» брякнулъ: «Человѣческая жизнь»? Ерунда была бы. Пошлость. А я написалъ: «Жизнь человекъ». Что, не правду я говорю? Я люблю, когда ты мнѣ говоришь, что я «хитрый на голову». Конечно, хитрый. А вотъ что ты похвалилъ мою самую элементарную вещь, «Дни нашей жизни», никогда тебѣ не прощу. Почему похвалилъ? Хотѣлъ унижить мои прочія вещи. Но и тутъ: плохо развѣ придумано заглавіе? На пять съ плюсомъ.

Послѣ перваго представленія «На днѣ» публика, стоя, вызвала автора ровно девятнадцать разъ. Онъ всякій разъ появлялся на сценѣ только послѣ очень долгаго крика, стука и всякихъ прочихъ восторговъ зрительной залы, выходилъ въ своей блузѣ и сапожкахъ съ короткими голенищами какъ-то внезапно, бокомъ, со стиснутыми зубами, блѣдный до зелени, горбясь и не кланяясь, только зло кидая назадъ свои длинные красно-желтые волосы. Когда же наконецъ зала почти опустѣла и занавѣсъ рѣшительно опустился,

онъ, послѣшно и все съ тѣмъ же ожесточеннымъ видомъ надѣвая за кулисами пальто, сталъ отрывистымъ басомъ командовать тѣмъ изъ своихъ друзей и почетелей, которые набились туда и тѣснились передъ входомъ:

— Айда къ Тѣстову — жрать будемъ!

Ужинъ давалъ онъ самъ, назвавъ кромѣ актеровъ Художественнаго театра еще человѣкъ полтора. И, какъ только явился къ Тѣстову, быстро вошелъ подъ новый громъ аплодисментовъ въ уже полную народомъ и блиставшую огнями залу, снова освирипѣлъ, густо крикнулъ:

— Рыбы первымъ дѣломъ и какой-нибудь этакой такой, чортъ ее дери совсѣмъ, чтобы не рыба была, а лошадь!

Среди гостей былъ Ключевскій. Гости, въ ожиданіи Горькаго и ужина, толпились въ залѣ съ обычнымъ въ такихъ случаяхъ возбужденіемъ. Одинъ Ключевскій былъ безпечно-спокоенъ, мирно-веселъ, стоялъ въ сторонкѣ, чистенькій, аккуратный, въ застегнутомъ сюртучкѣ, слегка склонивъ голову на бокъ и искоса поблескивая очками и своимъ лукавымъ окомъ. Когда Горькій наконецъ появился и, нетерпѣливо переждавъ аплодисменты, отдалъ приказаніе насчетъ лошади-рыбы, онъ чуть-чуть развелъ руками съ любезной усмѣшкой:

— Лошадь! — сказалъ онъ. — Это, конечно, по величинѣ приятно. Но немножко и обидно. Почему-же непременно лошадь? Развѣ мы всѣ ломовые?

Одно время, особенно на Капри, гдѣ я прожилъ три зимы, мы съ Горькимъ дружили. Лично ко мнѣ онъ всегда выказывалъ большое расположеніе, вниманіе, даже нѣжность. Я не могъ на это не отзываться. Кроме того, былъ въ немъ и другой человекъ, иногда чрезвычайно милый. И разстались мы съ нимъ дружески, — въ Петербургѣ 17 г., — расцѣловались на прощанье — навсегда, какъ оказалось...

Чеховъ говорилъ про Найденова:

— Какіе мы драматурги! Единственный настоящій драматургъ — Найденовъ: прирожденный драматургъ, съ самой что ни на есть драматической пружиной внутри! Онъ долженъ теперь, послѣ «Дѣтей Ванюшина», еще десять пьесъ написать и девять разъ съ трескомъ провалиться, а на десятый опять такой успѣхъ сорвать, что только ахнешь!

Предсказаніе его не сбылось. Послѣ «Дѣтей Ванюшина» Найденовъ написалъ еще нѣсколько пьесъ, которыя шли и въ Маломъ театрѣ, и въ Художественномъ, но успѣха не имѣлъ и черезъ нѣкоторое время какъ-то затерялся: новыхъ пьесъ больше не ставилъ, — да, можетъ быть, и не писалъ ихъ, — изъ литературныхъ круговъ исчезъ, жить сталъ гдѣ-то подъ Москвой, потомъ переселился въ Крымъ, безвыѣздно сидѣлъ тамъ нѣсколько лѣтъ, дождался революціи, большевиковъ — и умеръ, переживъ все, что полагается, сокрушенный пережитымъ, въ нищетѣ, въ забвеніи и, насколько мнѣ извѣстно, въ высокомъ рели-

гіозномъ подъемѣ... Странная судьба и странный былъ человекъ, истинно російское порожденіе!

Мы познакомились съ нимъ вскорѣ послѣ того, какъ на него свалилась слава, — именно свалилась — быстро стали пріятелями, часто видѣлись, часто вмѣстѣ ѣздили — то въ Петербургъ, то на югъ, то за границу... Въ немъ была смѣсь чрезвычайной скрытности и чисто дѣтской откровенности, простоты и даже наивности, и вотъ что слышалъ я отъ него въ такія откровенныя минуты:

— Кто я? — мрачно, басомъ начиналъ онъ, звѣрски двигая челюстью, неловко запуская тонкіе пальцы въ черные волосы, закидывая ихъ назадъ, поправляя криво висящее на тонкомъ восточномъ носу пенсне, набирая въ грудь воздуху, надуваясь, высоко и съ усиліемъ поднимая правое плечо, и, надувшись, принявъ эту нелѣпую, напряженную позу, ставъ похожимъ на злого ворона, медленно выпускалъ воздухъ и понемногу мѣнялъ звѣрское выраженіе на удивленное, отклонялъ голову назадъ и долго глядѣлъ черезъ пенсне пристально и бессмысленно своими карими рачьими глазами. — Кто я? — спрашивалъ онъ съ удивленіемъ, и вдругъ лицо его начинало все больше и больше озаряться радостью, милой и наивной улыбкой: — да самъ чортъ не разберетъ, кто я! — говорилъ онъ уже тонкимъ голосомъ, уже смѣясь и дѣтски-вопросительно глядя на меня. — Я вѣдь самъ изъ «Дѣтей Ванюшина»! Татарская кровь? Да, конечно, она во мнѣ есть, мы вѣдь казанскіе, хотя и была наша семья ухъ какая русская, старозавѣтная! Учиться я, конечно, не доучился, торговалъ образами... Тутъ мнѣ выдѣлили нѣкоторую часть, я поѣхалъ по дѣламъ на Кавказъ

— и вдругъ встрѣтилъ на пароходѣ одну особу. . . Встрѣтилъ — и, конечно, все полетѣло къ чорту. Свя-
зались мы съ ней, и черезъ недолгое время не оста-
лось у меня въ карманѣ буквально ни гроша. А что
было потомъ — долго рассказывать. Было, между про-
чимъ, то, что достукался я до приказчика въ парши-
вой московской лавченкѣ готоваго платья. Жилъ въ
мерзкомъ номеришкѣ на Тверской, вставалъ въ седь-
момъ часу, пилъ чай, просматривалъ «Московскій Ли-
стокъ», шелъ на службу. По вечерамъ иногда писалъ и,
написавъ этихъ самыхъ «Дѣтей Ванюшина», вдругъ
взялъ да и послалъ ихъ въ Петербургъ, на конкурсъ,
объявленный Суворинскимъ театромъ, послалъ, конечно,
совершенно такъ, ни съ того, ни съ сего, безъ вся-
кихъ надеждъ, какъ какой-нибудь пьяный, вдругъ
вздумавшій позвонить въ богатый подъѣздъ. Послалъ
— и забылъ. А въ одинъ прекрасный день развернулъ
«Московскій Листокъ» и вдругъ вижу: премія въ ты-
сячу рублей присуждена въ Суворинскомъ театрѣ ав-
тору «Дѣтей Ванюшина»! Что жъ мнѣ оставалось послѣ
этого дѣлать? Покидалъ въ чемоданъ свой убогій
скарбъ — и въ Петербургъ. Даже и не зашелъ въ ма-
газинъ, не сказалъ, что, молъ, мѣсто я бросаю. А че-
резъ нѣкоторое время — слава и куча денегъ. Недур-
но? — спрашивалъ онъ, заливаясь радостнымъ смѣ-
хомъ и удивленно и вопросительно выпучивая свои
рачы глаза.

За Горькимъ пришелъ Скиталецъ, Андреевъ. А
тамъ, въ другомъ лагерѣ, появился Блокъ, Бѣлый,

расцвѣлъ Бальмонтъ. . . Скиталець, — нѣкое подобіе соборнаго пѣвчаго «выпивакомъ», — притворялся гусяромъ, ушкуйникомъ, рычалъ на интеллигенцію: «Вы — жабы въ гниломъ болотѣ!» — упивался своей неожиданной, негаданной славой и все позировалъ передъ фотографами: то съ гусями, — «ой ты гой еси, ты дѣтинушка, воръ-разбойничекъ!» — то обнявшись съ Горькимъ, то сидя на одномъ стулѣ съ Шаляпинымъ; однажды, послѣ литературнаго вечера въ Благородномъ Собраніи, гдѣ онъ имѣлъ совершенно бѣшеный успѣхъ именно за этихъ «жабъ», онъ спросилъ себя въ Большомъ Московскомъ щей и тарелку зернистой икры, зачерпнулъ по ложкѣ того и другого и бросилъ салфетку въ щи: «Нѣтъ, и ѣсть не хочу! Больно великъ аплодисментъ сорвалъ!» Андреевъ все крѣпче и все мрачнѣе блѣднѣлъ во хмелю, стискивалъ зубы отъ своихъ тоже головокружительныхъ успѣховъ и тѣхъ идейныхъ безднъ и высотъ, пребываніе среди которыхъ онъ счелъ своей спеціальностью. И всѣ ходили въ поддевкахъ, въ шелковыхъ рубахахъ на выпускъ, въ ременныхъ поясахъ съ серебрянымъ наборомъ, въ длинныхъ сапогахъ — я однажды встрѣтилъ ихъ всѣхъ сразу среди толпы въ фойе Художественнаго Театра во время антракта и не удержался, спросилъ дурацкимъ тономъ Коко изъ «Плодовъ Просвѣщенія», увидавшего на кухнѣ мужиковъ:

— Э-э-э. . . Вы охотники?

А тамъ, въ другомъ лагерѣ, рисовался образъ кудряваго Блока, его классическое мертвое лицо, тяжелый подбородокъ, мутно-сонный взоръ. Тамъ Бѣлый «запускалъ въ небеса ананасомъ», вопилъ о наставшемъ преобразеніи міра, весь дергался, присѣдалъ, подбѣ-

галъ, отбѣгалъ, безсмысленно-весело озирался по сторонамъ съ какими-то странно вкрадчивыми ужимками, ярко, блаженно-радостно блестя глазами и все сыпалъ новыми и новыми мыслями. . . . Недавно онъ выпустилъ въ Москвѣ книгу: «Ритмъ какъ діалектика», въ которой говоритъ о Пушкинѣ такъ: «Мѣдный Всадникъ написанъ какъ бы октябремъ 1917 года. Передъ смертью Пушкинъ слеталъ въ люмпень-пролетаріатъ. . . .»

Въ одномъ лагерѣ рвали изданія «Знанія»; были книги «Знанія», въ мѣсяцъ, въ два расхोдившіяся въ ста тысячахъ экземпляровъ, какъ говорилъ Горькій. А тамъ тоже одна ударная книга смѣняла другую, — Гамсунъ, Пшебышевскій, Верхарнъ, «Urbi et Orbi», «Будемъ какъ Солнце», «Кормчія Звѣзды», одинъ журналъ слѣдовалъ за другимъ: за «Вѣсами» — «Переваль», за «Міромъ Искусства» — «Аполлонъ», «Золотое Руно», — слѣдовалъ триумфъ за триумфомъ Художественнаго Театра, на сценѣ котораго были то древнія кремлевскія палаты, то кабинетъ «дяди Вани», то Норвегія, то «Дно», то Метерлинковскій островъ, на которомъ грудями лежали какія-то тѣла, глухо стоявшія: «Намъ стра-ашно!» — то тульская изба изъ «Власти Тьмы», вся загроможденная телѣгами, дугами, колесами, хомутами, вожжами, корытами и мисками, то самыя настоящія римскія улицы съ настоящимъ голоногимъ плебсомъ. Потомъ начались триумфы «Шиповника». Ему и Художественному Театру суждено было много способствовать объединенію этихъ двухъ лагерей. «Шиповникъ» сталъ печатать Серафимовича, «Знаніе» — Бальмонта, Верхарна. Художественный Театръ соединилъ Ибсена съ Гамсуномъ, царя

Федора съ «Дномъ», «Чайку» съ «Дѣтьми Солнца». Много способствовалъ этому объединенію и конецъ 905 г., когда въ газетѣ «Борьба» появился рядомъ съ Горькимъ Брюсовъ, рядомъ съ Ленинымъ Бальмонтъ. . . Потомъ запѣлъ Игорь Сѣверянинъ:

Въ сирень, шофферъ, въ сирень. . .

Дальше возникли мистическій анархизмъ, мистическій реализмъ, адамизмъ, акмеизмъ, футуризмъ:

О засмѣйтесь усмѣхательно
Смѣхомъ смѣйнымъ смѣхачи. . .

И пиръ всѣхъ искусствъ шелъ и по домамъ, и по редакціямъ, и у «Яра» въ Москвѣ, и въ петербургской «Башнѣ» Вячеслава Иванова, и въ ресторанѣ «Вѣна», и въ подвалѣ «Бродячей Собаки»:

Всѣ мы бражники здѣсь, блудницы. . .

Объ этомъ времени писалъ Блокъ (вполнѣ серьезно):

«Мятежъ лиловыхъ міровъ стихаетъ. Скрипки, хвалившія призракъ, обнаруживаютъ свою истинную природу. Лиловый сумракъ разсѣивается. . . И въ разрѣженномъ воздухѣ горькій запахъ миндаля. . . Въ лиловомъ сумракѣ необъятнаго міра качается огромный катафалкъ, а на немъ лежитъ мертвая кукла съ лицомъ, смутно напоминающимъ то, которое сквозило среди небесныхъ розъ. . .»

Парижъ, 1927 г.

СТИХИ

Въ полночь выхожу одинъ изъ дома,
Мерзло по землѣ шаги стучать,
Звѣздами осыпанъ черный садъ
И на крышахъ — бѣлая солома:
Трауры полночные лежать.

Ноябрь, 1888 г.

Пустыня, грусть въ степныхъ просторахъ.
Синѣютъ тучи. Скоро снѣгъ.
Лѣса на дальнихъ косогорахъ
Какъ желтокрасный лисій мѣхъ.
Подъ небомъ низкимъ, синеватымъ
Вся эта сумрачная ширь
И пестрота лѣсовъ по скатамъ
Угрюмы, дики какъ Сибирь.
Я перейду луга и доли,
Гдѣ сѣросизый, неживой
Осыпался осинникъ голый
Лимонной мелкою листвою.
Я поднимусь къ лѣсной сторожкѣ —
И съ грустью глянуть на меня
Ея подслѣпья окошки
Подъ вечеръ сумрачнаго дня.
Но я увижу на порогѣ
Дочь молодую лѣсника:
Малы ея босыя ноги,
Мала корявая рука.
Отъ вырѣза льняной сорочки
Ея плечо еще круглѣй,
А подъ сорочкою — двѣ точки
Стоячихъ дѣвичьихъ грудей.

1888.

Какъ все вокругъ сурово, снѣжно,
Какъ этотъ вечеръ сизъ и хмуръ!
Въ морозной мглѣ краснѣютъ окна нѣжно
Изъ деревенскихъ нищенскихъ конуръ.

Ночь сѣверная медленно и грозно
Возноситъ косное величїе свое.
Какъ сладко мнѣ во мглѣ морозной
Мое звѣриное жильѣ!

1889.

Подъ органъ душа тоскуеть,
Плачетъ и поеть,
Торжествуетъ, негодуеть,
Горестно зоветъ:

О, Благій и Скорбный! Буди
Милостивъ къ землѣ!
Скудны, нищи, жалки люди
И въ добръ и въ злѣ!

О, Иусе, въ крестной мукѣ
Преклонившій ликъ!
Есть святыя въ сердцѣ звуки, —
Дай для нихъ языкъ!

1889.

На поднебесномъ утесѣ, гдѣ бури
Свищутъ въ слѣпящей лазури, —
Дикій, зловонный орлиный пріютъ.

Пью, какъ студеную воду,
Горную бурю, свободу,
Вѣчность, летящую тутъ.

Крымъ, 1889.

ЦЫГАНКА

Впереди большакъ, подвода,
Старый песь у колеса, —
Впереди опять свобода,
Степь, просторъ и небеса.

Но притворища отстала,
Ловко сѣмечки грызеть,
Говорить, что въ сердцѣ жало,
Ядъ горючій унесеть.

Говорить... А что-жь играетъ
Яркій угольный зрачекъ?
Солнцемъ, золотомъ сіяетъ,
Но безстрастенъ и далекъ.

Сколько юбокъ! Ногу стройно
Облегаеть башмачекъ,
Станъ струится безпокойно
И жемчужна смуглость щекъ...

Впереди большакъ, подвода,
Старый песь у колеса,
Счастье, молодость, свобода,
Солнце, степи, небеса.

1889.

Не видно птицъ. Покорно чахнетъ
Лѣсъ, опустѣвшій и больной.
Грибы сошли, но крѣпко пахнетъ
Въ оврагахъ сыростью грибной.

Глушь стала ниже и свѣтлѣе,
Въ кустахъ сваялася трава
И, подъ дождемъ осеннимъ тлѣя,
Чернѣетъ темная листва.

А въ полѣ вѣтеръ. День холодный
Угрюмъ и свѣжъ — и цѣлый день
Считаюсь я въ степи свободной,
Вдали отъ селъ и деревень.

Тѣсняются тучи небосводомъ,
Синѣетъ рѣзко даль подъ нимъ,
И бодро конь идетъ по всходамъ,
По взметамъ, вязкимъ и сыримъ.

И, убаюканъ шагомъ коннымъ,
Съ отрадной грустью внемлю я,
Какъ вѣтеръ звономъ однотоннымъ
Гудить-поетъ въ стволы ружья.

1889.

Съдое небо надо мной
И лѣсъ раскрытый, обнаженный.
Внизу, вдоль просѣвки лѣсной
Чернѣть грязь въ листьѣ лимонной.

Вверху идетъ холодный шумъ,
Внизу молчанье увяданья...
Вся молодость моя — скитанья
Да радость одинокихъ думъ!

1889.

Въ тучѣ, солнце заступающей,
Прокатился гулкій громъ,
Ангель, радугой сіяющій,
Золотымъ взмахнулъ крестомъ —
И сорвался бурей, холодомъ,
Унося въ пыли бурьянъ,
И помчался шумно, молодо
Дымнымъ ливнемъ ураганъ.

1891.

Ту звѣзду, что качалася въ темной водѣ
Подъ кривою ракитой въ заглохшемъ саду, —
Огонекъ, до разсвѣта мерцавшій въ прудѣ,
Я теперь въ небесахъ никогда не найду.

Въ то селенье, гдѣ шли молодые года,
Въ старый домъ, гдѣ я первыя пѣсни слагалъ,
Гдѣ я счастья и радости въ юности ждалъ,
Я теперь не вернусь никогда, никогда.

1891.

Что въ томъ, что гдѣ-то, на далекомъ
Морскомъ прибрежьи, валуны
Блестятъ на солнцѣ мокрымъ бокомъ
Изъ набѣгающей волны?

Не я-ли самъ, по чьей-то волѣ,
Вообразилъ тотъ край морской,
Осенній вѣтеръ, запахъ соли
И бѣлыхъ чашекъ шумный рой?

О, сколько ихъ — невыразимыхъ,
Ненужныхъ міру чувствъ и сновъ,
Душою въ сладкой мукѣ зримыхъ, —
И чтó они? И чей въ нихъ зовъ?

1895.

Въ окошко изъ темной каюты
Я высунуль голову. Ночь.
Кипящее черное море
Потопомъ уносится прочь.

Надъ моремъ — тупая громада
Стальной пароходной стѣны.
Торчу изъ нея и пьянью
Отъ зыбка бѣгущей волны.

И все забираетъ налѣво
Покатая къ носу стѣна,
Хоть долженъ я вѣрить, что прямо
Свой путь пролагаетъ она.

Все вкось чья-то сила уводитъ
Нашъ темный полуночный гробъ,
Все будто на насъ, а все мимо
Несется кипящій потопъ.

Одно только звѣздное небо,
Одинъ небосводъ недвижимъ,
Спокойный и благостный, чуждый
Всему, что тамъ мрачно подъ нимъ.

1896.

Беру твою руку и долго смотрю на нее,
Ты въ сладкой истомѣ глаза поднимаешь несмѣло:
Вотъ въ этой рукѣ — все твое бытіе,
Я всю тебя чувствую — душу и тѣло.

Что надо еще? Возможно-ль блаженнѣе быть?
Но Ангель мятежный, весь буря и пламя,
Легящій надъ міромъ, чтобъ смертною страстью
губить,
Ужъ мчится надъ нами!

1898.

Поздно, склонилась луна,
Море къ востоку черно, тяжело,
А подь луною, на югъ,
Блещеть оно, какъ стекло.

Тамъ, подь усталой луной,
У озаренныхъ песковъ и камней,
Что-то темнѣеть, рябитъ
Въ неводѣ сонныхъ лучей.

Тамъ, подь усталой луной,
У позлащенныхъ камней и песковъ,
Чудища моря ползуть,
Движется много головъ.

Поздняя ночь, мы одни
Въ этой степной и безлюдной странѣ,
Въ мертвомъ молчаньи ея,
При заходящей лунѣ.

Поздняя ночь все свѣжѣй,
Звѣздный все глубже, синѣй небосклонъ,
Дикою пахнетъ травой,
Запахомъ древнихъ временъ.

И холодѣютъ пески,
Холодны милыя руки твои. . .
Къ югу склонилась луна.
Выпита чаша до дна,
Древняя чаша любви.

1898.

Я къ ней вошелъ въ полночный часъ.
Она спала — луна сіяла
Въ ея окно — и одѣяла
Свѣтился спущенный атласъ.

Она лежала на спинѣ,
Нагія раздвоивши груди, —
И тихо, какъ вода въ сосудѣ,
Стояла жизнь ея во снѣ.

1898.

При свѣтъ звѣздъ померкшихъ глазъ сіянье,
Косящій блескъ межъ гробовыхъ рѣсницъ,
И сдавленное внонное дыханье,
И это сердце — сердце дикихъ птицъ.

1898.

Враждебныхъ полонъ тайнъ на взгорьѣ спящій лѣсъ.
Но мирно розовый мерцаетъ Антаресъ
На южныхъ небесахъ, куда прозрачнымъ дымомъ
Нисходитъ Млечный Путь къ лугамъ необозримымъ.
Съ опушки на луга гляжу изъ-подъ вѣтвей,
И дышетъ ночь тепломъ и сердце вѣрить ей, —
Колосьямъ Божьихъ нивъ, на гнѣздахъ смолкшимъ
птицамъ,
Мерцанью кроткихъ звѣздъ и ласковымъ зарницамъ,
Играющимъ огнемъ вокругъ нѣмой земли
Предъ взоромъ путника, звенящаго вдали
Валдайскимъ серебромъ, напѣвомъ беззаботнымъ
Въ просторѣ полевомъ, спокойномъ и дремотномъ.

1900.

Затрепетали звѣзды въ небѣ,
И отъ зари, изъ-за аллеи,
Повѣялъ чистый, легкій вѣтеръ
Весенней свѣжестью полей.

Къ закату, точно окрыленный,
Спѣшу за нимъ, и жадно грудь
Его вечерней ласки ищетъ
И счастья въ жизни потонуть.

Не вѣрю, что умру, устану,
Что навсегда въ землѣ усну, —
Нѣтъ, — упоенный счастьемъ жизни,
Я лишь до солнца отдохну!

1900.

Нѣтъ солнца, но свѣтлы пруды,
Стоять зеркалами литыми,
И чаши недвижной воды
Совсѣмъ бы казались пустыми,
Но въ нихъ отразились сады.

Вотъ капля, какъ шляпка гвоздя,
Упала — и, сотнями иголъ
Затоны прудовъ бороздя,
Сверкающій ливень запрыгаль —
И садъ зашумѣлъ отъ дождя.

И вѣтеръ, играя листвою,
Смѣшалъ молодя березки,
И солнечный лучъ, какъ живой,
Зажегъ задрожавшія блески,
А лужи налилъ синевою.

Вотъ радуга. . . Весело жить
И весело думать о небѣ,
О солнцѣ, о зрѣющемъ хлѣбѣ
И счастьемъ простымъ дорожить:

Съ открытой бродить головою,
Глядѣть, какъ разсыпали дѣти
Въ бесѣдкѣ песокъ золотой. . .
Иного нѣтъ счастья на свѣтѣ.

1900.

ЛИСТОПАДЪ

Лѣсъ, точно теремъ расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Веселой, пестрою стѣной
Стоить надъ свѣтлою поляной.

Березы желтою рѣзьбой
Блестятъ въ лазури голубой,
Какъ вышки, елочки темнѣютъ,
А между кленами синѣютъ
Та тамъ, то здѣсь, въ листьѣ сквозной,
Просвѣты въ небо, что оконца.
Лѣсъ пахнетъ дубомъ и сосной,
За лѣто высохъ онъ отъ солнца,
И Осень тихую вдовой
Вступаетъ въ пестрый теремъ свой.

Сегодня на пустой полянѣ,
Среди широкаго двора,
Воздушной паутины ткани
Блестятъ, какъ сѣтъ изъ серебра.
Сегодня цѣлый день играетъ
Въ дворѣ послѣдній мотылекъ
И, точно бѣлый лепестокъ,
На паутинѣ замираетъ,
Пригрѣтый солнечнымъ тепломъ;
Сегодня такъ свѣтло кругомъ,
Такое мертвое молчанье
Въ лѣсу и въ синей вышинѣ,
Что можно въ этой тишинѣ

Разслышать листика шуршанье.
Лѣсъ, точно теремъ расписной,
Лиловый, золотой, багряный,
Стоитъ надъ солнечной поляной
Завороженный тишиной;
Заквохчетъ дроздъ, перелетая
Среди подсъда, гдѣ густая
Листва янтарный отблескъ льетъ;
Играя, въ небѣ промелькнетъ
Скворцовъ разсыпанная стая —
И снова все кругомъ замретъ.

Послѣднiя мгновенья счастья!
Ужъ знаетъ Осень, что такой
Глубокій и нѣмой покой
Предвѣстникъ долгаго ненастья.
Глубоко, странно лѣсъ молчалъ
И на зарѣ, когда съ заката
Пурпурный блескъ огня и злата
Пожаромъ теремъ освѣщаль.
Потомъ угрюмо въ немъ стемнѣло.
Луна восходитъ, а въ лѣсу
Ложатся тѣни на росу. . .
Вотъ стало холодно и бѣло
Среди полянъ, среди сквозной
Осенней чащи помертвѣлой,
И жутко Осени одной
Въ пустынной тишинѣ ночной.

Теперь ужъ тишина другая:
Прислушайся — она растетъ,
А съ нею, блѣдностью пугая,

И мѣсяць медленно встаетъ.
Всѣ тѣни сдѣлалъ онъ короче,
Прозрачный дымъ навелъ на лѣсъ
И вотъ ужъ смотритъ прямо въ очи
Съ туманной высоты небесъ.
О, мертвый сонъ осенней ночи!
О, жуткѣй часъ ночныхъ чудесъ!
Въ сребристомъ и сыромъ туманѣ
Свѣтло и пусто на полянѣ;
Лѣсъ, бѣлымъ свѣтомъ залитой,
Своей застывшей красотой
Какъ будто смерть себѣ пророчить;
Сова и та молчить: сидитъ
Да тупо изъ вѣтвей глядитъ,
Порою дико захохочетъ,
Сорвется съ шумомъ съ высоты,
Взмахнувши мягкими крылами,
И снова сядетъ на кусты
И смотритъ круглыми глазами,
Вода ушастой головой
По сторонамъ, какъ въ изумленьи;
А лѣсъ стоитъ въ оцѣпенѣньи,
Наполненъ блѣдной, легкой мглой
И листьевъ сыростью гнилой. . .

Не жди: на утро не проглянетъ
На небѣ солнце. Дождь и мгла
Холоднымъ дымомъ лѣсъ туманять, —
Не даромъ эта ночь прошла!
Но Осень затаитъ глубоко
Все, что она пережила
Въ нѣмую ночь, и одиноко

Запрется въ теремъ своемъ:
Пусть боръ бушуетъ подъ дождемъ,
Пусть мрачны и ненастны ночи
И на полянѣ волчьи очи
Зеленымъ свѣтятся огнемъ!
Лѣсъ, точно теремъ безъ призора,
Весь потемнѣлъ и полинялъ,
Сентябрь, кружась по чащамъ бора,
Съ него мѣстами крышу снялъ
И входъ сырой листвою усыгаль;
А тамъ зазимокъ ночью выпалъ
И таять сталъ, все умертвивъ. . .

Трубятъ рога въ поляхъ далекихъ.
Звенить ихъ мѣдный переливъ,
Какъ грустный вопль, среди широкихъ
Ненастныхъ и туманныхъ нивъ.
Сквозь шумъ деревьевъ, за долиной,
Теряясь въ глубинѣ лѣсовъ,
Угрюмо воетъ рогъ туриный,
Склика на добычу псовъ,
И звучный гамъ ихъ голосовъ
Разноситъ бури шумъ пустынный.
Льетъ дождь, холодный, точно ледъ,
Кружатся листья по полянамъ,
И гуси длиннымъ караваномъ
Надъ лѣсомъ держать перелетъ.
Но дни идутъ. И вотъ ужъ дымы
Встаютъ столбами на зарѣ,
Лѣса багряны, недвижимы,
Земля въ морозномъ серебрѣ,
И въ горностаевомъ шугаѣ,

Умывши блѣдное лицо,
Послѣдній день въ лѣсу встрѣчая,
Выходитъ Осень на крыльцо.
Дворъ пусть и холодень. Въ ворота,
Среди двухъ высохшихъ осинъ,
Видна ей синева долинъ
И ширь пустыннаго болота,
Дорога на далекій югъ:
Туда отъ зимнихъ бурь и вьюгъ,
Отъ зимней стужи и мятели
Давно ужъ птицы улетѣли;
Туда и Осень поутру
Свой одинокій путь направитъ
И навсегда въ пустомъ бору
Раскрытый теремъ свой оставитъ.

Прости же, лѣсъ! Прости, прощай,
День будетъ ласковый, хорошій,
И скоро мягкою порошей
Засеребрится мертвый край.
Какъ будутъ странны въ этотъ бѣлый,
Пустынный и холодный день
И боръ, и теремъ опустѣлый,
И крыши тихихъ деревень,
И небеса, и безъ границы
Въ нихъ уходящія поля!
Какъ будутъ рады соболя
И горностаи и куницы,
Рѣзвись и грѣясь на бѣгу
Въ сутробахъ мягкихъ на лугу!
А тамъ, какъ буйный плясъ шамана,
Ворвутся въ голую тайгу

Вѣтры изъ тундры, съ океана,
Гудя въ крутящемся снѣгу
И завывая въ полѣ звѣремъ.
Они разрушаютъ старый теремъ,
Оставляютъ колья и потомъ
На этомъ островѣ пустомъ
Повѣсятъ инеи сквозные,
И будутъ въ небѣ голубомъ
Сіять чертоги ледяные
И хрусталемъ и серебромъ.
А въ ночь, межъ бѣлыхъ ихъ разводовъ,
Взойдутъ огни небесныхъ сводовъ,
Заблещетъ звѣдный щитъ Стожаръ —
Въ тотъ часъ, когда среди молчанья
Морозный свѣтитса пожаръ,
Расцвѣтъ Полярнаго Сіанья.

1900.

Былъ поздній часъ — и вдругъ надъ темнотою,
Высоко надъ уснувшею землею,
Прорѣзавъ ночь оранжевой чертой,
Взвилась ракета бѣшеной змѣею.

Стремительный порывъ ее вознесъ.
Но мигъ одинъ — и въ темноту, въ забвенье
Уже текутъ алмазы крупныхъ слезъ
И медленно ихъ тихое паденье.

1901.

Зеленый цвѣтъ морской воды
Сквозить въ стеклянномъ небосклонѣ,
Алмазь предутренней звѣзды
Блестить въ его прозрачномъ лонѣ.

И, какъ ребенокъ послѣ сна,
Дрожитъ звѣзда въ огнѣ денницы,
А вѣтеръ дуетъ ей въ рѣсницы,
Чтобъ не закрыла ихъ она,

1901.

Раскрылось небо голубое
Межъ облаковъ въ апрѣльскій день.
Въ лѣсу все сѣрое, сухое,
И паутиной пала тѣнь.

Змѣя, шурша листвою дубовой,
Зашевелилася въ дуплѣ
И въ лѣсъ пошла, блестя лиловой,
Пятнистой кожей по землѣ.

Сухіе листья, запахъ пряный,
Атласный блескъ березняка...
О мигъ счастливый, мигъ обманный,
Стократъ блаженная тоска!

1901.

Зарницы ликъ, какъ сновидѣнье
Блеснулъ — и въ темнотѣ исчезъ.
Но увидалъ я на мгновенье
Всю даль и глубину небесъ.

Тамъ, въ горнемъ свѣтѣ, встали горы
Изъ розоватыхъ облаковъ,
Тамъ градъ и райскіе соборы —
И снова черный палъ покровъ.

Вотъ задрожалъ и вспыхнулъ снова —
И снова блещущій восторгъ,
Вновь мракъ томленія земнаго
Господь десницею расторгъ.

Не такъ же ль въ радости случайной
Мечта взмахнетъ порой крыломъ —
И вдругъ блеснетъ небесной тайной
Все потонувшее въ быломъ?

1901.

На глазки синіе, прелестные
Нисходитъ сумеречный хмѣль:
Качайте, ангелы небесные,
Все тише, тише колыбель.

Въ зарѣ сгорѣли тучки вешнія
И поле мирное темно:
Свѣтите, дальніе, нездѣшніе,
Огни въ открытое окно.

Усни, усни, дитя любимое,
Цвѣтокъ, свернувшій лепестки,
Лампадка, бережно хранимая
Заботой Божеской руки.

1901.

Передъ закатомъ набѣжало
Надъ лѣсомъ облако — и вдругъ
На взгорье радуга упала
И засверкало все вокругъ.

Стеклянный, рѣдкій и ядреный,
Съ веселымъ шорохомъ спѣша,
Промчался дождь, и лѣсъ зеленый
Затихъ, прохладою дыша.

Вотъ день! Ужъ это не впервые:
Прольется — и уйдетъ изъ глазъ...
Какъ эти ливни золотые,
Пугая, радовали насъ!

Едва лишь добѣжимъ до чащи —
Все стихнетъ... О, росистый кустъ!
О, взоръ, счастливый и блестящій
И холодокъ покорныхъ устъ!

1902.

Багряная печальная луна
Виситъ вдали, но степь еще темна.
Луна во тьму свой теплый отблескъ съветъ
И надъ болотомъ красный сумракъ рветъ.
Ужъ поздно — и какая тишина!

Мнѣ кажется, луна оцѣпенѣтъ:
Она какъ будто выросла со дна
И допотопной лиліей краснѣтъ.

Но меркнуть звѣзды. Даль озарена.
Равнина водъ на горизонтѣ млѣтъ,
И въ ней луна столбомъ отражена.
Склонивъ лицо прозрачное, свѣтлѣтъ
И грустно въ воду смотрится она.

Поетъ комарь. Тепломъ и гнилью вѣтъ.

1902.

ЖЕНА АЗИСА

Невѣрную мѣняй на рись.

Уличивъ меня въ измѣнѣ,
Мой Али, — онъ былъ Азись,
Божій праведникъ, — съ Сюрени
Промѣнялъ меня на рись.

Умеръ новый мой хозяинъ,
А недавно и Али,
И на гробъ его съ окраинъ
Всѣ калѣки поползли.

Шли и женщины толпами,
Побрела и я шутя,
Розу красную губами
Подведенными крутя.

Вотъ и роща, и пригорокъ,
Гдѣ зарытъ онъ. . . Ахъ, Азись!
Ты бы долженъ былъ разъ сорокъ
Промѣнять меня на рись.

1903.

КОВСЕРЬ

Мы дали тебѣ Ковсерь.
Корань.

Здѣсь царство сновъ. На сотни версть безлюдны
Солончаковъ нагіе берега.
Но воды въ нихъ — небесно-изумрудны
И шелкъ песковъ бѣлѣе, чѣмъ снѣга.

Въ шелкахъ песковъ лишь сизыя полыни
Раститъ Аллахъ для кочевыхъ отаръ,
И небеса здѣсь несказанно сини,
И солнце въ нихъ — какъ адскій огонь, Сакаръ.

И въ знойный часъ, когда миражъ зеркальный
Сольетъ весь міръ въ одинъ великій сонъ,
Въ безбрежный блескъ, за грань земли печальной,
Въ сады Джиннатъ уносить душу онъ.

А тамъ течетъ, тамъ льется за туманомъ
Рѣка всѣхъ рѣкъ, лазурная Ковсерь,
И всей землѣ, всѣмъ племенамъ и странамъ
Сулитъ покой. Терпи, молись — и вѣрь.

1908.

Звѣзды горять надъ безлюдной землею,
Царственно блещетъ святое созвѣздіе Пса:
Вдругъ потемнѣло — и огненно-красной змѣею
Кто-то прорѣзалъ надъ темной землей небеса.

Путникъ, не бойся! Въ пустынь чудеснаго много.
Это не вихри, а джины тревожатъ ее,
Это архангель, слуга милосердаго Бога,
Въ демоновъ ночи метнулъ золотое копье.

1903 .

НОЧЬ АЛЬ-КАДРА

Въ эту ночь ангелы сходятъ съ неба.

Коранъ.

Ночь Аль-Кадра. Сошлись, слились вершины
И выше къ небесамъ воздвиглись ихъ чалмы.
Пѣль муэззинъ. Еще алѣютъ льдины,
Но изъ тѣснинъ, съ долинъ ужъ дышитъ холодъ тьмы.

Ночь Аль-Кадра. По темнымъ горнымъ склонамъ
Еще спускаются, слоятся облака.
Пѣль муэззинъ. Передъ Великимъ Трономъ
Уже течетъ, дымясь, Алмазная Рѣка.

И Гавріиль — неслышно и незримо —
Обходитъ спящій міръ. Господь, благослови
Незримый путь святого пилигрима
И дай землѣ Твоей ночь мира и любви!

1908.

Далеко на сѣверѣ Капелла
Блещетъ семицвѣтнымъ огонькомъ,
И оттуда, съ поля, тянетъ ровнымъ,
Ласковымъ полуночнымъ тепломъ.
За окномъ по лопухамъ чернѣетъ
Тѣнь отъ крыши; дальше, на кусты
И на жнивье, лунный свѣтъ ложится
Какъ льняные бѣлые холсты.

1908.

Проснулся я внезапно, безъ причины.
Мнѣ снилось что-то грустное — и вдругъ
Проснулся я. Сквозь голая осины
Въ окно глядѣлъ туманный лунный кругъ.

Усадьба по-осеннему молчала.
Весь домъ былъ мертвъ въ полночной тишинѣ,
И, какъ ребенокъ брошенный, кричала
Ушастая пустушка на гумнѣ.

1903.

Старикъ у хаты вѣялъ, подкидывалъ лопату,
Какъ разъ къ святому Спасу покончивъ съ молотъбой.
Старуха въ черной плахтѣ бѣлила мѣломъ хату
И обводила окна каймою голубой.

А солнце, розовѣя, въ степную пыль садилось —
И тѣни ногъ столбами ложились на гумно,
А хата молодѣла — зардѣлась, застыдилась —
И празднично блестяло протертое окно.

1903,

Ужъ подсыхаетъ хмель на тынѣ.
За хуторами, на бахчахъ,
Въ нежаркихъ солнечныхъ лучахъ
Краснѣютъ бронзовыя дыни.

Ужъ хлѣбъ свезенъ, и вдалекѣ,
Надъ старою степною хатой,
Сверкаетъ золотой заплатой
Крыло на сѣромъ вѣтрякѣ.

1908.

Тамъ, на припекѣ, спятъ рыбацкіе ковши;
Тамъ низко надъ водой склоняются кистями
Темнозеленые густые камыши;
Полдневный вѣтерокъ змѣистыми струями

Порой зашелеститъ въ ихъ потайной глуши,
Да чайка вдругъ блеснетъ сребристыми крылами
Съ плаксивымъ возгласомъ тоскующей души —
И снова плавни спятъ, сіяя зеркалами.

Надъ тонкимъ ихъ стекломъ, гдѣ тонетъ небесводъ,
Нерѣдко облако восходитъ и глядится
Блισταющимъ столбомъ въ зеркальный сонъ болотъ —

И какъ свѣтло тогда въ бездонной чашѣ водѣ!
Какъ дѣтски вѣрится, что въ безднѣ ихъ таится
Какой-то дивный міръ, что только въ дѣтствѣ снится!

1903.

Первый утренникъ, серебряный морозъ!
Тишина и звонкій холодъ на зарѣ.
Свѣжимъ глянецъ зеленѣтъ слѣдъ колесъ
На серебряномъ просторѣ, на дворѣ.

Я въ холодный обнаженный садъ пойду —
Весь разсѣянъ по землѣ его нарядъ.
Бирюзой сіяетъ небо, а въ саду
Краснымъ пламенемъ настурціи горять.

Первый утренникъ — предвѣстникъ зимнихъ дней.
Но сіяетъ небо ярче съ высоты,
Сердце стало и трезвѣй и холоднѣй.
Но какъ пламя рдѣютъ поздніе цвѣты.

1903.

Обрывъ Яйлы. Какъ руки фурий,
Торчитъ надъ бездною изъ скалъ
Колючій, искривленный бурей,
Сухой и звонкій астрагаль.

И на зарѣ сѣдой орленокъ
Шипитъ въ гнѣздѣ, какъ василискъ,
Завидѣвъ за моремъ спросонокъ
Въ туманѣ сизомъ красный дискъ.

1903.

КАНУНЪ КУПАЛЫ

Не туманъ бѣлѣть въ темной рошѣ,
Ходить въ темной рошѣ Богоматерь,
По зеленымъ взгорьямъ, по долинамъ
Собираетъ къ ночи Божьи травы.

Только вечеръ имъ остался сроку,
Да и то ужъ солнце на исходѣ:
Застыть ели черной хвоей западъ,
Золотой иконостасъ заката.

Ужъ въ долинахъ сыро, пали тѣни,
Ужъ луга синѣютъ, пали росы,
Пахнетъ подъ рососою медуница,
Золотой вѣнецъ по рошѣ свѣтитъ.

Какъ туманъ, бѣла Ея одежда,
Голубья очи точно звѣзды.
Соберетъ Она цвѣты и травы
И снесетъ ихъ къ Божьему престолу.

Скоро ночь — имъ только ночь осталась,
А на утро срѣжутъ ихъ косами,
А не срѣжутъ — солнце сгубить зноемъ.
Такъ и скажетъ Сыну Богоматерь:

«Погляди, возлюбленное Чадо,
Какъ земля цвѣла и красовалась!
Да недологъ вѣкъ земнымъ утѣхамъ:
Въ мирѣ Смерть, она и Жизнью править.»

Но Христось Ей молвить: «Мать! не солнцѣ,
Только землю тьма ночная кроеть:
Смерть не сѣмя губить, а срѣзаетъ
Лишь цвѣты отъ сѣмени земного.

И земное сѣмя не изсякнетъ.
Скосить Смерть — Любовь опять посѣетъ.
Радуйся, Любимая! Ты будешь
Утѣшаться до скончанья вѣка!»

1908.

ПОЛЯРНАЯ ЗВЪЗДА

Свой дикій чумъ среди снѣговъ и льда
Воздвигла Смерть. Надъ чумомъ — ночь полгода.
И блѣдная Полярная Звѣзда
Горитъ недвижно въ безднѣ небосвода.

Вглядись въ туманный призракъ. Это Смерть.
Она сидитъ близъ чума, устремила
Незрячій взоръ въ полуночную твердь —
И навсегда Звѣзда надъ ней застыла.

1904.

Осень. Чащи лѣса.
Мохъ сухихъ болотъ.
Озеро бѣлесо.
Блѣденъ небосводъ.

Отцвѣли кувшинки
И шафранъ отцвѣлъ.
Выбиты тропинки,
Лѣсъ и пусть и голь.

Только ты красива,
Хоть давно суха,
Въ кочкахъ у залива
Старая ольха.

Женственно глядишься
Въ воду въ полуснѣ —
И засеребришься
Прежде всѣхъ къ веснѣ.

1905.

Бѣгутъ, бѣгутъ листы раскрытой книги,
Бѣгутъ, струятся къ небу тополя,
Гуль молотбы слышнѣй идетъ изъ рити,
Дохнули вѣтромъ рощи и поля.
Помѣщикъ всталъ и, окна закрывая,
Глядитъ на югъ... Но туча дождевая
Уже прошла. Опять покой и лѣнь.
Въ горячемъ свѣтѣ весело и сухо
Блеститъ листвою подъ окнами сирень;
Зажглась рѣвка, какъ золото; старуха
Несетъ сажать махотки на плетень;
Кричитъ пѣтухъ; въ крапиву за насѣдкой
Спѣшитъ десятокъ желтенькихъ цыплятъ...
И тѣни шторъ узорной легкой свѣткой
По конскому лечебнику пестрятъ.

1905.

РУССКАЯ ВЕСНА

Скучно въ лощинахъ березамъ,
Туманная муть на поляхъ,
Конскимъ размокшимъ навозомъ
Въ туманѣ чернѣется шляхъ.

Въ сонной степной деревушкѣ
Пахучіе хлѣбы пекутъ.
Медленно двѣ побирušки
Съ мѣшками къ деревнѣ бредутъ.

Тамъ, среди улицы, лужи,
Зола и весенняя грязь,
Въ избахъ угаръ, а снаружи
Завалинки тлѣютъ, дымясь.

Жмурясь, сидитъ у амбара
Овчарка на ржавой цѣпи.
Въ избахъ — темно отъ угара,
Туманно и тихо — въ степи.

Только пѣтухъ беззаботно
Весну воспѣваетъ весь день.
Въ полѣ тепло и дремотно,
А въ сердцѣ счастливая лѣнь.

1905.

Мы встрѣтились случайно, на углу.
Я быстро шелъ — и вдругъ какъ свѣтъ зарницы
Вечернюю прорѣзалъ полумглу
Сквозь черныя лучистыя рѣсницы.

На ней былъ креплъ, — прозрачный легкій газъ
Весенній вѣтеръ взвѣялъ на мгновенье,
Но на лицѣ и въ яркомъ блескѣ глазъ
Я уловилъ бывшее оживленье.

И ласково кивнула мнѣ она,
Слегка лицо отъ вѣтра наклонила
И скрылась за угломъ. . . Была весна. . .
Она меня простила — и забыла.

1905.

ОГОНЬ НА МАЧТѢ

И сладостно и грустно видѣть ночью
На кораблѣ далекомъ въ темномъ морѣ
Въ ночь уходящей топовый огонь.
Когда все спитъ на дачѣ и сквозь сумракъ
Однѣ лишь звѣзды свѣтятся, я часто
Сажу на старой каменной скамейкѣ,
Надъ скалами обрыва. Ночь тепла
И такъ темно, такъ тихо все, какъ будто
Нѣтъ ни земли, ни неба — только мягкій
Глубокій мракъ. И вотъ вдали, во мракѣ,
Идетъ огонь — какъ свѣчечка. Ни звука
Не слышно на прибрежѣ, — лишь сверчки
Звенятъ въ горѣ чуть уловимымъ звономъ,
Будя въ душѣ задумчивую нѣжность,
А онъ уходитъ въ ночь и одиноко
Виситъ на горизонтѣ, въ темной безднѣ
Межъ небомъ и землею. . . Пойте, пойте,
Сверчки, мои товарищи ночные,
Баюкайте мою ночную грусть!

1905.

Все море — какъ жемчужное зеркало,
Сирень съ отливомъ млечно-золотымъ.
Въ дождѣ закатномъ радуга сіяла.
Теперь душистъ надъ саблей тонкій дымъ.

Вонь чайка съла въ бухточкѣ скалистой, —
Какъ поплавокъ. Взлетаетъ иногда
И видно, какъ струею серебристой
Сбѣгаетъ съ лапокъ розовыхъ вода.

У береговъ въ водѣ застыли скалы,
Подъ ними свѣтитъ жидкій изумрудъ,
А тамъ, вдали — и жемчугъ и опалы
По золотистымъ яхонтамъ текутъ.

1905.

Въ лѣсу, въ горѣ родникъ, живой и звонкій,
Надъ родникомъ старинный голубецъ
Съ лубочной почернѣвшею иконкой,
А въ родникѣ березовый корецъ.

Я не люблю, о, Русь, твоей несмѣлой,
Тысячелѣтней, рабской нищеты.
Но этотъ крестъ, но этотъ ковшикъ бѣлый...
Смиренныя, родимыя черты!

1905.

Черныя ели и сосны сквозятъ въ палисадникѣ темномъ:
Въ черномъ узорѣ вѣтвей — мѣсяца рогъ золотой.

Слышу поютъ пѣтухи. Узнаю по напѣвамъ печальнымъ
Поздній, таинственный часъ. Выйду на снѣгъ, на
крыльцо.

Замерло все и застыло, лучатся жестокия звѣзды,
Но до костей я готовъ въ легкомъ промезнуть мѣху,

Только бы видѣть тебя, умирающій въ золотѣ мѣ-
сяцъ,

Золотомъ блещущій снѣгъ, легкія тѣни березъ

И самоцвѣты небесъ: янтарно-зеленый Юпитеръ,
Сириусъ, дерзкій сапфиръ, синимъ горящій огнемъ,

Альдебарана рубинъ, алмазную цѣпь Оріона
И уходящій въ моря призракъ сребристый — Арго.

1905.

Густой зеленый ельникъ у дороги,
Глубокіе пушистые снѣга.
Въ нихъ шель олень, могучій, тонконогій,
Къ спинѣ откинувъ тяжкіе рога.

Вотъ слѣдъ его. Здѣсь натопталь тропинокъ,
Здѣсь елку гнулъ и бѣлымъ зубомъ скребъ —
И много хвойныхъ крестиковъ, остинокъ
Осыпалось съ макушки на сугробъ.

Вотъ снова слѣдъ, размѣренный и рѣдкій,
И вдругъ — прыжокъ! И далеко въ лугу
Теряется собачій гонъ — и вѣтки,
Обитыя рогами на бѣгу...

О, какъ легко онъ уходилъ долиной!
Какъ бѣшено, въ избыткѣ свѣжихъ силъ,
Въ стремительности радостно-звѣриной,
Онъ красоту отъ смерти уносилъ!

1905.

СТАМБУЛЬ

Облѣзлые худые кобели
Съ печальными, молящими глазами —
Потомки тѣхъ, что изъ степей пришли
За пыльными скрипучими возами.

Былъ побѣдитель славенъ и богатъ
И затопилъ онъ шумною ордою
Твои дворцы, твои сады, Царьградъ,
И предался, какъ сытый левъ, покою.

Но дни летять, летять быстрѣе птицъ!
И вотъ уже въ Скутари на погостѣ
Чернѣетъ лѣсъ, и тысячи гробницъ
Бѣлѣютъ въ кипарисахъ, точно кости.

И прахъ вѣковъ упалъ на прахъ святынь,
На славный городъ, нынѣ полудикій,
И вой собакъ звучить тоской пустынь
Подъ византійской ветхой базиликой.

И пусть Сераль, и смолкъ его фонтанъ,
И высохли столѣтнія деревья. . .
Стамбуль, Стамбуль! Послѣдній мертвый станъ
Послѣдняго великаго кочевья!

1905.

Тонетъ солнце, рдянымъ углемъ тонетъ
За пустыней сизой. Дремлетъ, клонитъ
Головы баранта. Близокъ часъ:

Мы проводимъ солнце, обувь скинемъ
И свершимъ подъ звѣзднымъ, темно-синимъ
Милосердымъ небомъ свой намазъ.

Пастухи пустыни, что мы знаемъ!
Мы, какъ сказки дѣтства, вспоминаемъ
Минареты нашихъ отчихъ странъ.

Разверни же, Вѣчный, надъ пустыней
На вечерней тверди темно-синей
Книгу звѣздъ небесныхъ — нашъ Коранъ!

И, склонивъ колѣни, мы закроемъ
Очи въ сладкомъ страхѣ, и омоемъ
Лица холодѣющимъ пескомъ,

И возвысимъ голосъ, и съ мольбою
Въ прахъ разольемся предъ Тобою,
Какъ волна на берегу морскомъ.

1905.

Въ гостиную, сквозь садъ и пыльныя гардины,
Струится изъ окна веселый лѣтній свѣтъ,
Хрустальнымъ золотомъ ложась на клавишины,
На ветхіе ковры и выцвѣтшій паркетъ.

Вкругъ дома глушь и дичь. Тамъ клены и осины,
Приюты горленокъ, шиповникъ, бересклетъ...
А въ домѣ рухлядь, тлѣнь: повсюду паутины,
Всѣ дѣри заперты... И такъ ужъ много лѣтъ.

Въ глубокой тишинѣ, таинственно сверкая,
Какъ мелкій перламутръ, беззвучно моль плыветъ.
По стекламъ радужнымъ, какъ бархатка сухая,
Тревожно бабочка лиловая снуетъ.

Но фортки нѣтъ въ окнѣ, и рама въ немъ — глухая.
Тутъ даже моль недолго наживетъ!

29. VII. 05

Старикъ сидѣлъ, покорно и уныло
Поднявши брови, въ креслѣ у окна.
На столикѣ, гдѣ чашка чаю стыла,
Сигара нагорѣвшая струила
Полоски голубого волокна.

Былъ зимній день, и на лицо худое,
Сквозь этотъ легкій и душистый дымъ,
Смотрѣло солнце вѣчно молодое,
Но ужъ его сянье золотое
На западъ шло по комнатамъ пустымъ.

Часы въ углу своею четкой мѣрой
Отмѣривали время... На закатъ
Смотрѣлъ старикъ съ безпомощною вѣрой...
Росъ на сигарѣ пепель сѣрый,
Струился сладкій аромать.

23. VII. 05

Ра-Озирисъ, владыка дня и свѣта,
Хвала тебѣ! Я, богъ пустыни, Сеть,
Горжусь врагомъ: ты, побѣждая Сета,
Въ его странѣ царилъ пять тысячъ лѣтъ.

Ты славенъ былъ, твоя ладья воспѣта
Была стократъ. Но за ладьей вослѣдъ
Шель богъ пустынь, богъ древняго завѣта —
И вотъ, о, Ра, плоды твоихъ побѣдъ:

Безносый сфинксъ среди полей Гизеха,
Лѣнивый Нилъ да глыбы пирамидъ,
Руины Фивъ, гдѣ гулко бродить эхо,
Да письма въ куски разбитыхъ плитъ,

Да обелискъ въ блестящей политурѣ,
Да пыль песковъ на пламенной лазури.

1905.

ЗА ГРОБОМЪ

Я не тушилъ священнаго огня.

Книга Мертвыхъ.

Въ подземный міръ введетъ на судъ Отца
Сынъ, Ястребъ-Горь. Шакаль-Анубисъ будетъ
Класть на вѣсы и взвѣшивать сердца:
Богъ Озирисъ, богъ мертвыхъ, строго судить.

Я погребенъ, какъ рабъ, въ песокъ пустынь.
Пройдутъ вѣка — и Сириусъ, надъ Ниломъ
Теперь огнемъ горящій, станетъ синь,
Да свѣтитъ онъ спокойнѣе могиламъ.

И міръ забудетъ, темнаго, меня.
И на вѣсахъ потянетъ сердце мало.
Но я страдалъ. Я не тушилъ огня.
И я взгляну безъ страха въ ликъ Шакала.

1906.

МАГОМЕТЪ ВЪ ИЗГНАНІИ

Духи надъ пустыней пролетали
Въ сумерки, надъ каменистымъ логомъ.
Скорбныя слова Его звучали,
Какъ источникъ, позабытый Богомъ.

На песокъ, босой, съ раскрытой грудью,
Онъ сидѣлъ и говорилъ, тоскуя:
«Преданъ я пустынь и безлюдью,
Отрѣшенъ отъ всѣхъ, кого люблю я!»

И сказали Духи: «Недостойно
Быть Пророку слабымъ и усталымъ.»
И Пророкъ печально и спокойно
Отвѣчалъ: «Я жаловался скаламъ.»

1906.

Огромный, красный, старый пароходъ
У мола сталь, вернувшись изъ Сиднея.
Бѣлѣть моль и, радостно синѣя,
Безоблачный сіяетъ небосводъ.

Въ тиши, въ теплѣ, на солнцѣ, въ изумрудной
Сквозной водѣ, склонясь на лѣвый бортъ,
Гигантъ уснулъ. И спитъ пахучій портъ,
Спятъ грузчики. Бѣлѣть моль безлюдный.

Въ водѣ прозрачной виденъ узкій киль,
Весь въ ракушкахъ. Ихъ слой зелено-ржавый
Наросъ давно. . . У Суматры, у Явы,
Въ великомъ океанѣ. . . въ зной и штиль.

Мальчишка негръ въ турецкой грязной фескѣ
Виситъ въ бадѣ, по борту, краситъ бакъ —
И отъ воды на свѣжій красный лакъ
Зеркальные восходятъ арабески.

И лакъ блеститъ подъ черною рукой,
Слѣпитъ глаза. . . И мальчикъ-обезьяна
Сквозь сонъ поетъ. . . Простой напѣвъ Судана
Звучитъ въ тиши всѣмъ чуждою тоской.

1906.

Люблю цвѣтныя стекла оконъ
И сумракъ отъ столѣтнихъ липъ,
Звенящей люстры сѣрый коконъ
И половищу прогнившихъ скрипь.

Люблю неясный винный запахъ
Изъ шифоньерокъ и отъ книгъ
Въ стеклянныхъ невысокихъ шкапахъ,
Гдѣ рядомъ Сю и Патерикъ.

Люблю ихъ синія странички,
Ихъ четкій шрифтъ, простой наборъ,
И серебро иконъ въ божничкѣ,
И въ горкѣ матовый фарфоръ,

И вась, и вась, дагеротипы,
Черты давно поблекшихъ лицъ,
И сумракъ отъ столѣтней липы,
И скрипь прогнившихъ половищу.

1906.

Луна еще прозрачна и блѣдна.
Чуть розовѣтъ пепель небосклона
И золотится берегъ. Ужъ видна
Тѣнь кипариса у балкона.

Пойдемъ къ обрывамъ. Млѣющей волной
Вода переливается. И вскорѣ
Изъ края въ край подъ золотой луной
Затеплится и засіяетъ море.

Ночь будетъ ясная, веселая. Вдали,
На рейдѣ, двѣ турецкихъ бригадины.
Вотъ поднимаютъ парусъ. Вотъ зажгли
Сигналы — изумруды и рубины.

Но вѣтра нѣтъ. И будутъ до зари
Онѣ дремать и медленно качаться,
И будутъ въ лунномъ свѣтѣ фонари
Глазами утомленными казаться.

1906.

И скрипъ и визгъ надъ бухтой, наводненной
Буграми влаги пѣнисто-зеленой:
Какъ въ забытьѣ, шатаются надъ ней
Кресты нагихъ запутанныхъ снастей,
А чайки съ крикомъ падаютъ межъ ними,
Сверкая въ реяхъ крыльями тугими,
Иль бѣлою яичной скорлупой
Скользятъ въ волнѣ зелено-голубой.
Еще бѣгутъ поспѣшно и высоко
Лохмотья тучъ, но вѣтеръ отъ востока
Ужъ далъ горамъ лиловые цвѣта,
Чеканить грани снѣжнаго хребта
На синемъ небѣ, свѣжемъ и блестящемъ,
И сыплеть въ море золотомъ кипящимъ.

1906.

Проснусь, проснусь — за окнами, въ саду,
Все тотъ же снѣгъ, все тотъ же блескъ полярный.
А въ залѣ сумракъ. Слушаю и жду:
И вотъ опять — таинственный, коварный,
Чуть слышный трескъ. . . Конечно, полъ иль мышь.
Но какъ насторожишься, какъ слѣдишь
За кѣмъ-то, притаившимся у двери
Въ повисшей безъ движенія портьерѣ!
Но онъ молчить, онъ замеръ. Тюль гардинъ
Сквозить въ голубоватомъ лунномъ блескѣ
Да чуть мерцаютъ — искорками льдинъ —
Подъ люстрою стеклянная подвѣски.

1906.

ПЕТРОВЪ ДЕНЬ

Дѣвушки-русалочки,
Нынче нашъ послѣдній день!
Свѣтъ за лѣсомъ занимается,
• Пoblѣднѣли небеса,
Собираются съ дубинами
Мужики изъ деревень
На опушку, къ морю сизому
Холоднаго овса. . .
Мы изъ рѣчки — на долину,
Изъ долины — по отвѣсу,
По березовому лѣсу —
На равнину,
На востокъ, на ранній свѣтъ,
На серебряный разсвѣтъ,
На овсы,
Вдоль по жемчугу
По сизому росы!
Дѣвушки-русалочки,
Звонко стало по лугамъ.
Забѣлѣла рѣчка въ сумракѣ,
Въ алѣющемъ пару,
Пнями пахнетъ лѣсъ березовый
По откосамъ, берегамъ, —
Густъ и зеленъ онъ, кудрявый,
Поутру. . .
Поутру вода тепла,
Холодна трава сѣдая,
Вся медовая, густая,
Да идутъ на насъ съ дрекольемъ изъ села.

Что жъ! Мы стаей на откосы,
На опушку — изъ березъ,
На бѣгу растреплемъ косы,
Упадемъ съ разбѣга въ росы
И до слезъ
Щекотать другъ друга будемъ,
Хохотать и, на зло людямъ,
Мять овесъ!
Дѣвушки-русалочки,
Сойте, поглядите на разсвѣтъ:
Бѣль-востокъ алѣетъ, ширится, —
Широко зарей въ поляхъ,
Ни души-то нѣту, милыя,
Только ранній алый свѣтъ
Да холодный крупный жемчугъ
На стебляхъ...
Мы, нагя,
Всѣмъ чужія,
На опушкѣ, на полянѣ,
Блѣдны, по поясъ въ пару, —
Намъ пора, сестрицы, къ нянѣ,
Ко двору!
Жарко въ небѣ солнце Божье
На Петровъ играетъ день,
До Ильи сулитъ бездожде,
Пыль, сухмень —
Будутъ знойныя зарницы
Зарить хлѣбъ,
Будетъ омутъ нашъ, сестрицы,
Темень, слѣпы!

1906.

Ограда, крестъ, зеленая могила,
Роса, просторъ и тишина полей...
— Благоухай, звенящее кадило,
Дыханіемъ рубиновыхъ углей!

Сегодня годъ. Послѣдніе напѣвы,
Послѣдній вздохъ, послѣдній фиміамъ...
— Цвѣтите, зрѣйте, новые посѣвы,
Для новыхъ жатвъ! Придетъ чередъ и вамъ.

1906.

Растеть, растеть могильная трава,
Зеленая, веселая, живая,
Омыла плиты влага дождевая
И мохъ покрылъ ненужныя слова.

По вечерамъ заплакала сова,
Къ моей душѣ забывчивой взывая,
И старый склепъ, руина гробовая,
Таить укорь... Но ты, земля, права!

Какъ нѣжны на албющемъ закатѣ
Кремли далекихъ синихъ облаковъ!
Какъ вырѣзаны крылья вѣтряковъ
За темною долиною на скатѣ!

Земля, земля! Весенній сладкій зовъ!
Ужель есть счастье даже и въ утратѣ?

1906.

ВАЛЬСЪ

Похолодѣли лепестки
Раскрытыхъ губъ, по-дѣтски влажныхъ —
И заль плыветъ, плыветъ въ протяжныхъ
Напѣвахъ счастья и тоски.

Сіянье люстръ и зыбь зеркаль
Слились въ одинъ миражъ хрустальный —
И вѣтъ, вѣтъ вѣтеръ бальный
Тепломъ душистыхъ опахаль.

1906.

«Мимо острова въ полночь фрегатъ проходилъ:
Слѣва мѣсяцъ надъ моремъ свѣтилъ,
Справа островъ темнѣлъ — пропадали вдали
Дюны скудной родимой земли.

Старый домъ рыбака голубою стѣной
Тамъ мерцалъ надъ кипящей волной.
Но въ завѣтномъ окнѣ не видалъ я огня:
Ты забыла, забыла меня!»

«Мимо острова въ полночь фрегатъ проходилъ:
Поздній мѣсяцъ надъ моремъ свѣтилъ,
Золотая текла по волнамъ полоса
И какъ въ сказкѣ неслись паруса.

Лебединою грудью бѣлѣли они
И мерцали на мачтахъ огни.
Но въ свѣтлицѣ своей не зажгла я огня:
Ты забудешь, забудешь меня!»

1906.

Геймдалъ искалъ родникъ божественный.
Геймдалъ, ты мудрости алкалъ —
И вотъ настала твой часъ торжественный
Въ лѣсахъ, среди гранитныхъ скалъ.

Они молчатъ, лѣса полночныя,
Ручьи, журча, едва текутъ,
И звѣзды позднія, восточныя
Ихъ вѣщій говоръ стерегутъ.

И шлемъ ты снялъ — и холодъ счастья
По волосамъ твоимъ прошелъ:
Мигъ обрученья, мигъ причастія
Какъ смерть былъ сладокъ и тяжелъ.

Теперь ты мудръ. Ты жаждалъ знанія —
И все забылъ. Великъ и простъ,
Ты слышишь мховъ произрастаніе
И дрожь земли при свѣтѣ звѣздъ.

1906.

ПРОВОДЫ

Забилъ буграми жемчугъ, заклубился,
Взрывая малахиты подъ рулемъ.
Земля плыветь. Отходить, отдѣлился
Высокій борть. И мы назадъ плывемъ.

Моль опустѣлъ. На соръ и зерна жита,
Свистя, слетѣлись голуби. А тамъ
Дрожитъ корма, и длинный жезлъ бугшприта
Отходить и чертитъ по небесамъ.

Куда теперь? Мартъ, сумерки. . . Къ вечернѣ
Звонять въ порту. . . Душа весной полна,
Полна тоской. . . Вонъ огонекъ въ тавернѣ. . .
Но нѣтъ, домой. Я пьянъ и безъ вина.

1907.

ДІЯ

Штиль въ безгранично-свѣтломъ Акъ-Денизѣ.
Зацвѣлъ миндаль. Въ аулѣ тишина
И теплый блескъ. Въ мечети на карнизѣ
Воркуя, ходять, ходять турмана.

На скатѣ подъ обрывистымъ утесомъ
Журчить фонтанъ. Идутъ оттуда внизъ
Уступы крышъ по каменнымъ откосамъ
И безграничный виденъ Акъ-Денизъ.

Она ужъ тамъ. И весель и спокоенъ
Взглядъ быстрыхъ глазъ. Легка, какъ горный джинъ.
Подъ шелковымъ бешметомъ дѣтски-строенъ
Высокій станъ. . . Она налетѣтъ кушинъ,

На камень сбросить красныя папучи
И будетъ мыть, топтать въ водѣ бѣлье. . .
— Журчи, журчи, звени, родникъ пѣвучій,
Она глядится въ зеркало твое!

1907.

ГЕРМОНЪ

Великій Шейхъ, съдой и мощный другъ,
Ты видишь все: пустыню Джаулана,
Генисареть, долины Иордана
И Божій домъ, ветхозавѣтный Лузь.

Какъ бѣлый шелкъ сіяетъ твой бурнусъ
Надъ синевою далекаго Ливана,
И самъ Христось, смиренный Исусъ,
Дышалъ тобою, радость каравана.

Въ скалистыхъ нѣдрахъ спитъ Генисареть
Подъ сѣрою стѣной Тиверіады.
Повсюду жаръ, палящій блескъ и свѣтъ
И допотопныхъ кактусовъ ограды:

На пыльную дорогу въ Назареть
Одинъ ты вѣешь сладостью прохлады.

1907.

На пути подъ Хеврономъ,
Въ каменистой широкой долинь,
Гдѣ по скатамъ и склонамъ
Вѣковыя маслины сѣрѣли на глинь,
Поздней ночью я слышалъ
Плачь ребенка — шакала.
Изъ-подъ черной палатки я вышелъ
И душа моя грустно чего-то искала,
Неподвижно свѣтили
Молчаливыя звѣзды надъ старой,
Позабытой землею. Въ могилѣ
Почивалъ Авраамъ съ Исаакомъ и Саррой.
И темно было въ древней гробницѣ Рахили.

1907.

ГРОБНИЦА РАХИЛИ

«И умерла, и схоронилъ Іаковъ
Ее въ пути. . .» И на гробницѣ нѣтъ
Ни имени, ни надписей, ни знаковъ.

Ночной порой въ ней свѣтитъ слабый свѣтъ,
И куполь гроба, выбѣленный мѣломъ,
Таинственною блѣдностью одѣтъ.

Я приближаюсь въ сумракѣ несмѣло
И съ трепетомъ цѣлую прахъ и пыль
На этомъ камнѣ, женственномъ и бѣломъ. . .

Сладчайшее изъ словъ земныхъ! Рахиль!

1907.

ІЕРУСАЛИМЪ

Это было весной. За восточной стѣной
Былъ горячій и радостный зной.
Зеленѣла трава. На припекѣ во рву
Макъ кропилъ огоньками траву.

И сказалъ проводникъ: «Господинъ! Я еврей
И, быть-можетъ, потомокъ царей.
Погляди на цвѣты по сіонскимъ стѣнамъ:
Это все, что осталось намъ.»

Я спросилъ: «На цвѣты?» И услышалъ въ отвѣтъ:
«Господинъ! Это праотцевъ слѣдъ,
Кровь погибшихъ въ бояхъ. Каждый годъ какъ весна,
Краснымъ макомъ восходитъ она.»

Въ полдень былъ я на кровлѣ. Кругомъ, подо мной,
Тоже кровлей, — единой, сплошной,
Желто-розовой, точно песокъ, — возлежалъ
Древній городъ и зносемъ дышалъ.

Одинокая пальма вставала надъ нимъ
На холмѣ опахаломъ своимъ,
И мелькали, сверлили стрижи тишину,
И далеко я видѣлъ страну.

Моремъ сѣрыхъ холмовъ разстилалась она
Въ дымокѣ сизаго мглистаго сна,
И я видѣлъ гористый Моавъ, а внизу —
Ленту Мертвой воды, бирюзу.

«Отъ Галгала до Газы, сказалъ проводникъ,
Край отцевъ нынѣ бѣденъ и дикъ.
Иудея въ гробахъ. Богъ раскинулъ по ней
Сѣмя пепельно-сѣрыхъ камней.

Врагъ разрушилъ Сіонъ. Городъ тлѣлъ и сгоралъ —
И пророкъ Іеремія собралъ
Теплый прахъ, прахъ золы, въ погасавшемъ огнѣ
И разсѣялъ его по странѣ:

Да родить край отцовъ только камень и макъ!
Да исчахнеть въ немъ всяческій знакъ!
Да пребудеть онъ голъ, изсушенъ, нелюдимъ —
До прихода Реченнаго Имъ!»

1907.

ХРАМЪ СОЛНЦА

Шесть золотистыхъ мраморныхъ колоннъ,
Безбрежная зеленая долина,
Ливанъ въ снѣгу и неба синій склонъ.

Я видѣлъ Ниль и Сфинкса-исполина,
Я видѣлъ пирамиды: ты сильнѣй,
Прекраснѣй, допотопная руина!

Тамъ глыбы желто-пепельныхъ камней,
Забытыя могилы въ океанѣ
Нагихъ песковъ. Здѣсь радость юныхъ дней.

Патріархально-царственные ткани —
Снѣговъ и скалъ продольные ряды —
Лежатъ, какъ пестрый талесъ, на Ливанѣ.

Подъ нимъ луга, зеленые сады
И сладостный, какъ горная прохлада,
Шумъ быстрой малахитовой воды.

Подъ нимъ стоянка перваго Номада.
И пусть она забвенна и пуста:
Безсмертнымъ солнцемъ свѣтитъ колоннада.

Въ блаженный міръ ведутъ ея врата.

Баальбекъ, в. V. 07

Чалма на мудроу — какъ луна
Съ ея спокойствіемъ могильнымъ.
Луна свѣтла и холодна
Надъ Акъ-Сараемъ, жаркимъ, пыльнымъ

Что для нея всѣ наши дни,
Закаты съ горестнымъ изаномъ
И эти блѣдные огни
Въ гнѣздѣ скалистомъ и туманномъ!

1907.

СМЕРТЬ

Въ апрѣльскій жаркій полдень, по кремнистой
Дорогѣ межъ цвѣтущими садами
Пришелъ монахъ, высокій францисканецъ,
Къ монастырю надъ синимъ южнымъ моремъ.
«Кто тамъ?» — сказалъ привратникъ изъ-за двери.
— «Братъ во Христѣ», — отвѣтилъ Францисканецъ.
«Кого вамъ надо?» — «Брата Габріэля». —
«Онъ нынче занятъ — пишетъ Воскресенье.»
Тогда монахъ сорвалъ съ ограды розу,
Швырнулъ во дворъ — и съ недовольнымъ видомъ
Пошелъ назадъ. А роза за оградой
Разсыпалась на мраморъ чернымъ пепломъ.

1907.

Шла сиротка пыльною дорогою,
На степи боялась заблудиться.
Встрѣтился прохожій, глянуль строго,
Къ мачехѣ велѣль ей воротиться.

Долгими лугами шла сиротка,
Плакала, боялась темной ночи.
Повстрѣчался ангель, глянуль кротко
И потушилъ ангельскія очи.

По пригоркамъ шла сиротка, стала
Подниматься тропочкой неровной.
Встрѣтился Господь у перевала,
Глянуль милосердно и любовно:

«Не трудись, сказала Онъ, не разбудишь
Матери въ ея могилѣ тѣсной:
Ты Моей, сиротка, дочкой будешь» —
И увель сиротку въ рай небесный.

1907.

СЛЪПОЙ

Вотъ онъ идетъ проселочной дорогой,
Безъ шапки, рослый, думающій, строгій,
Съ мѣшками, съ палкой, въ рваномъ армячишкѣ,
Держась рукой за плечико мальчишки.

И звонкимъ альтомъ, жалобнымъ и страстнымъ,
Поетъ, кричитъ мальчишка, — о прекрасномъ
Объ Алексѣѣ, Божьемъ человекѣ,
Подъ недовольный, мрачный басъ калѣки.

«Вы пожалѣйте, плачетъ альтъ, бездомныхъ!
Вы наградите, люди, сирыхъ, темныхъ!»
И басъ грозить: «Въ аду, въ огнѣ сгорите!
На пропитанье наше сотворите!»

И, угрожая, властнымъ, мѣрнымъ шагомъ
Идетъ къ избушкѣ ветхой надъ оврагомъ,
Надъ скудной балкой вдоль изсохшей рѣчки,
А тамъ одна старуха на крылечкѣ.

И крестится старуха и дрожащей
Рукою ищетъ грошикъ завалящій
И жалко плачетъ, сморщивая брови,
Объ окаянной грѣшницѣ Прасковѣ.

1907.

НОВЫЙ ХРАМЪ

По алтарямъ, пустымъ и бѣлымъ,
Весенній вѣтеръ дулъ на насъ,
И кто-то сверху капаль мѣломъ
На золотой иконостасъ.

И звучный гулъ бродилъ въ колоннахъ,
Среди лѣсовъ. И по лѣсамъ
Мы шли въ широкихъ балахонахъ,
Съ кистями, въ куполь, къ небесамъ.

И часто, вмѣстѣ съ малярами,
Тамъ пѣли пѣсни. И Христа,
Что слушалъ насъ въ веселомъ храмѣ,
Мы написали не спроста.

Намъ все казалось, что подъ эти
Простыя пѣсни вспомнить Онъ
Порогъ на солнцѣ въ Назаретѣ,
Верстакъ и кубовый хитонъ.

1907.

КОЛИБРИ

Трава пестритъ — какъ разглядѣть змѣю?
Зеленый лѣсъ раскинулъ въ жаркомъ свѣтѣ
Сквозную тѣнь, узорчатая сѣти, —
Онѣ живутъ въ невѣдѣннх, въ раю.

Поютъ, ликуютъ, спорятъ голосами,
Огнемъ хвостовъ... Но стоитъ не попадѣ
Взглянуть въ траву — и прынетъ пестрый гадъ:
Онѣ мѣтко бьютъ раскосыми глазами.

1907.

Кошка въ крапивѣ за домомъ жила.
Домъ обветшалый молчалъ, какъ могила.
Кошка въ него по ночамъ приходила
И замирала напротивъ стола.

Столъ обращенъ къ образамъ — позабыли,
Столъ, какъ стоялъ, такъ остался. Въ углу
Каплями воскъ ватвердѣлъ на полу —
Это горѣвшія свѣчи оплыли.

Помнишь? Лежить старичокъ-холостякъ:
Кротко закрыты рѣсницы — и кротко
Въ черненькій галстукъ воткнулась борода...
Свѣчи пылають, дрожить нависающій мракъ...

Темень теперь этотъ домъ по ночамъ.
Кошка приходитъ и свѣтитъ глазами.
Уголь мерцаетъ во тьмѣ образами.
Вѣтеръ шумитъ по печамъ.

1907.

Присѣла на могильникѣ Савурѣ
Старуха-Смерть, глядитъ на людной шляхъ.
Цвѣтушій лень полоскою лазури
Синѣть на поляхъ.

И говоритъ старуха-Смерть: «Здорово,
Прохожіе! Не надо ли кому
Лняного погребальнаго покрова?
Не дорого возьму.»

И говоритъ Савуръ-курганъ: «Не каркай.
И саванъ — прахъ. И саванъ обреченъ
Истлѣть въ землѣ, чтобъ снова выросъ яркій
Небесно-синій лень.»

1907.

Свѣжа въ апрѣлѣ ранняя заря.
Въ тѣни у хатъ хруститъ ледокъ стеклянный.
Причастницы къ стѣнамъ монастыря
Несутъ дѣтей — исполнить долгъ желанный.

Прими, Господь, счастливыхъ матерей,
Отверзи храмъ съ блистающимъ престоломъ —
И у святыхъ Своихъ дверей
Покрой ихъ звономъ благостно-тяжелымъ.

30. VI. 07

Тамъ иволга, какъ флейта, распѣвала,
Тамъ утреннее солнце пригрѣвало
Трудъ муравьевъ — живые бугорки.
Вдругъ пѣгая легавая собака,
Тропинкой добѣжавъ до буерака,
Залаяла. Я быстро взвелъ курки.

Змѣя? Барсукъ? — Плетенка съ костяницей.
А на берѣзѣ дѣвочка — и дикій
Испугъ въ лицѣ и глазкахъ: надъ ручьемъ
Дугой береза бѣлая склонилась —
И вотъ она вскарабкалась, схватилась
За стволъ и закачалась на немъ.

Поспѣшно повернулся я, поспѣшно
Пошелъ назадъ. . . Младенчески-безгрѣшно
И радостно откликнулась душа
На этотъ ужасъ милый. . . Вся пестрѣла
Березовая роща, флейта пѣла—
И жизнь была небесно хороша.

1907.

НИЩІЙ

Возноси хвалы при уходѣ звѣздъ.
Коранъ.

Всѣ сады въ росѣ, но теплы гнѣзда —
Сладокъ птичій лепетъ, полусонъ,
Возноси хвалы — уходятъ звѣзды,
За горами заалѣлъ Гермонъ.

А потомъ, счастливый, босоногій,
Съ чашкой сядь подъ ивовый плетень;
Миръ идущимъ пыльною дорогой!
Славьте, братья, новый Божій день!

Дамаскъ. 1907

Щебечуть пестрокрылыя чекканки
На глиняныхъ могильныхъ бугоркахъ.
Дорога въ Мекку. Древнія стоянки
Въ пустынь, въ зноѣ, на пескахъ.

Гдѣ вы, хаджи? Гдѣ ваши дромадеры?
Вдали слюдой блестятъ солончаки.
Кругомъ погость. Бугры рогаты, сѣры,
Какъ голыхъ сѣдель арчаки.

Дамаскъ. 1907

Въ столѣтнемъ мракѣ черной ели
Краснѣла темная заря,
И свѣтляки въ кустахъ горѣли
Зеленымъ дымомъ янтаря,

И ты играла въ темной залѣ
Съ открытой дверью на балконѣ,
И пѣла грусть твоей рояли
Про невозвратный небосклонѣ,

Что былъ надъ паркомъ, — блѣдный, ровный,
Ночной, іюньскій, — тамъ, гдѣ слѣдъ
Души счастливой и любовной,
Души моихъ далекихъ лѣтъ.

1907.

«Туть покоится ханъ, покоровшій несмѣтныя страны,
Туть стояла мечеть надъ гробницей вождя:
Учь толакъ бошь ослунъ! Эти камни бурьяны
Пахнутъ мускусомъ послѣ дождя.»

И сидѣлъ я одинъ на крутомъ и пустомъ косогорѣ.
Горы хмурились въ грудахъ синѣющихъ тучъ.
Вольный вѣтеръ съ зеленого дальняго моря
Былъ блаженно пахучъ.

1907.

ХРАМЪ СОЛНЦА

ТѢНЬ ПТИЦЫ

I

Второй день въ пустынномъ Черномъ морѣ.

Начало апрѣля, съ утра свѣжо и облачно. Воздухъ прозраченъ, краски нѣсколько дики.

Стая краснолапыхъ чаекъ долго провожала насъ вчера, долго плыла на тугихъ острыхъ крыльяхъ, косясь на длинный малахитовый слѣдъ за кормою. Низкіе, плоскіе берега Новороссіи скрылись вчера еще въ полдень. Передъ вечеромъ скрылись и чайки. . .

Quosumque adspicias nihil est nisi pontus et aer. . .

Сизо-алый закатъ былъ холоденъ и мутенъ. Огонекъ, еще при свѣтѣ заката вспыхнувшій на верхушкѣ мачты, былъ печаленъ, какъ лампада надъ могилой. Неприятный вѣтеръ, крѣпко дувшій по правому борту, рано согналъ всѣхъ съ палубъ, и тяжелая черная труба хрипѣла, распуская по вѣтру космы дыма. А ночь съ мутно-блѣдной луной и неясными тѣнями, едва начавшимися отъ вантъ и дыма, была еще холоднѣе...

Шумно и тревожно было вчера утромъ. Съ тревожнымъ и радостнымъ чувствомъ спустился я съ одесской горы въ этотъ постоянно волнующій меня міръ порта — въ этотъ 'усвященный' мечтами городъ

агентствъ, конторъ, складовъ, рельсовыхъ путей, каменнаго угля, товаровъ. По жидкой весенней грязи, среди сброда босяковъ и грузчиковъ-кавказцевъ съ ихъ чалмами изъ башлыковъ и орлиными глазами, среди извозчиковъ, воловъ, влачащихъ нагруженные тельги, и жалобно кричащихъ паровозовъ, пробрался я къ черной громадѣ нашего переполненнаго людьми и грузомъ парохода, вымпела котораго, въ знакъ скораго выхода въ море, уже трепетали въ жидкомъ, блѣдно-голубомъ небѣ. И, какъ всегда, безконечно долгими казались часы послѣднихъ торопливыхъ работъ, топотъ ногъ по сходнямъ, грохотъ лебедокъ, пронсящихъ надъ головами огромныя клады, и яростная команда капитанскихъ помощниковъ. Но затихли лебедки, сошли, какъ сѣрыя лошади, рослые жандармы на сорную пристань — и, съ грохотомъ сдвинувъ съ себя сходни, пароходъ сразу порвалъ всякую связь съ землею. Все ладно заняло на немъ свое опредѣленное мѣсто — въ наступившей тишинѣ, подъ стеклянное треньканье телеграфа, начался медленный выходъ въ море. Тяжелая корма дрожить, плавно отдѣляясь отъ пристани и выбивая изъ-подъ себя клубы кипени, чайки жалобно визжать и дерутся надъ красной рачьей скорлупой въ радужныхъ кухонныхъ помояхъ. Съ берега, изъ затихшей черной толпы, и съ лодокъ машутъ бѣлыми платками. Берегъ все отходитъ, уменьшается. По правому борту уже тянется каменная лента мола. Неожиданно выглянуло солнце — и сзади, за трубами и мачтами, рѣзче обозначился городъ, а впереди, въ зеркальныхъ бликахъ отъ зеленой качающейся воды, засіяла бѣлая маячная башня. Потомъ и маякъ прошелъ мимо, озаривъ своимъ отблескомъ, бугшпригъ

медленно и неуклонно сталъ заворачивать къ югу, огромной дугой выгнулись широкій клубящійся слѣдъ винта и черный хвостъ дыма надъ нимъ, солнечный свѣтъ и вѣтеръ перемѣнили по бортамъ мѣста. . .

Сутки прошли незамѣтно. Просыпаешься подъ топотъ матросовъ, моющихъ палубу, съ отрадной мыслью, что ночь провелъ предавшись волѣ Божьей, возлѣ тонкой желѣзной стѣнки, за которой всю ночь шумно переливались волны. Одѣваешься возлѣ открытаго иллюминатора, въ который тянетъ прохладной свѣжестью, и съ радостью вспоминаешь, что Россія уже за триста миль отъ тебя. . . Въ пути со мною Тезкиратъ Саади, «усладительнѣйшаго изъ писателей предшествовавшихъ и лучшаго изъ послѣдующихъ, шейха Саади Ширазскаго, да' будетъ священна память его!» И вотъ, въ этой свѣжести утра, весны и моря, я сижу на ютѣ и читаю:

— Рожденіе шейха послѣдовало во дни Атабека Саади, сына Зенги. . .

— Родившись, употребилъ онъ тридцать лѣтъ на пріобрѣтеніе познаній, тридцать на странствованія и тридцать на размышленія, созерцаніе и творчество. . .

— И такъ протекли дни Саади, пока не воспарилъ фениксъ чистаго духа шейха на небо — въ пятницу въ мѣсяцѣ Шеввалѣ, когда погрузился онъ, какъ водолазъ, въ пучину милосердія Божія. . .

— Какъ прекрасна жизнь, потраченная на то, чтобы обозрѣть Красоту Міра и оставить по себѣ чеканъ души своей!

— Много странствовалъ я въ дальнихъ краяхъ земли, — читаю я дальше.

— Я короталъ дни съ людьми всѣхъ народовъ и срывалъ по колоску съ каждой нивы.

— Ибо лучше ходить босикомъ, чѣмъ въ обуви узкой, лучше терпѣть всѣ невзгоды пути, чѣмъ сидѣть дома!

— Ибо на каждую новую весну нужно выбирать и новую любовь: другъ, прошлогодній календарь не годится для новаго года!

Въ круглыхъ сиренево-сѣрыхъ облакахъ все чаще начинается проглядывать живое небо. Иногда появляется и солнце, — тогда кажется, что кто-то радостно и широко раскрываетъ ласковые глаза. Мгновенно мѣняются краски далей, мгновенно оживаетъ море въ золотистомъ, тепломъ свѣтѣ. . .

— Да, да! Да, да! — твердитъ машина, мимо которой твердо прохожу я по чистой, крѣпкой палубѣ, убѣгающей и повышающейся къ носу.

Я прохожу среди наставленныхъ другъ на друга клѣтокъ, переполненныхъ мирно переговаривающимися курами, слышу странный въ морѣ запахъ птичника, оста-навливаюсь у рѣшетки борта: густымъ сине-лиловымъ масломъ свѣтитъ сквозь рѣшетку вода, бѣгущая навстрѣчу, и съ каждымъ часомъ дѣлается все болѣе тяжелой, непохожей на жидкую, желтоватую воду возлѣ береговъ Новороссіи. . . Дальше трапъ, перекинутый надъ шахтой трюма отъ спардэка къ носу. Изъ шахты глядятъ крупы лошадей и дымчатыхъ быковъ, по деревенски пахнетъ стойломъ, прѣлымъ сѣномъ. . . Потомъ я стою на носу и смотрю то на острую желѣзную грудь, грубо рѣжущую воду, то на лежащую мачту бугшприта, медленно, но упорно лѣзущую въ голубой склонъ неба. Вода стекловидными валами развалива-

ется на́ стороны и бѣжитъ назадъ широкими снѣжны-ми грядками; глубоко внизу краснѣетъ подводная часть носа, — и вдругъ изъ-подъ него стрѣлой вырывается острорылая туша дельфина, за ней другая. . . и долго-долго мелькаютъ въ водѣ ихъ летящія вперегонки спины. Моему тѣлу живо передается это буйное животное веселье, и вся душа моя содрогается отъ счастья. Черезъ нѣсколько часовъ я опять увижу святую Софію. Черезъ нѣсколько дней я буду въ Греціи. Потомъ на Нилѣ, близъ Сфинкса. . . И пойду къ Баальбеку, къ руинамъ капища, «воздвигнутаго самимъ Каиномъ въ гордости и безуміи». . .

II

Передъ вечеромъ надъ спардэкомъ появился бѣлый китель грузнаго старика-командира, противъ солнца блеснули круглые глаза бинокля: уже открываются на горизонтѣ, въ золотистомъ предвечернемъ свѣтѣ, дымчатые силуэты Мало-Азійскихъ и Балканскихъ предгорій. Хохоль, ѣдущій на Аѳонъ, старикъ въ огромныхъ сапогахъ, въ короткомъ сѣромъ казакинѣ и съ очень маленькой головою, вышелъ на трапъ надъ трюмомъ и крестится, кланяясь имъ. По трапу бѣгутъ на бакъ босые, съ подвернутыми штанами, матросы. Жадно смотрю впередъ — и наконецъ различаю, что предгорія, разступаясь, медленно открываютъ устье Босфора.

Пароходъ легко рѣжетъ заштильвшее море и какъ бы уменьшается, приближаясь къ четкимъ линиямъ

вырастающихъ впереди каменистыхъ, сѣро-зеленыхъ холмовъ Азіи и Европы.

Вотъ поднялись справа и слѣва бѣлые маяки — и потянуло тепломъ берега и знакомымъ ароматомъ какихъ-то турецкихъ цвѣтовъ, — прелестнымъ сладковатымъ ароматомъ, похожимъ на аромать сухой трухи въ дуплистомъ деревѣ.

Затихая, замедляя ходъ, въ блескѣ отраженій отъ зеркальной воды на красноватыхъ скалахъ, безшумно входимъ въ Коваки.

Первые турецкіе сады, первыя черепичныя крыши, первый минаретъ и первый кипарисъ. . .

— Отдай! — ясно слышится въ тишинѣ, наступившей на пароходѣ.

И съ грохотомъ летитъ внизъ стопудовый якорь. . .

Когда-то я купилъ въ этой странѣ руины и кладбищъ, еще до сихъ поръ именуемой на языкѣ старой Турціи «Вратами счастья», нѣсколько лубочныхъ картинъ. На одной былъ турецкій богатырь въ желтомъ тюрбанѣ, бьющійся съ кентавромъ Полканомъ возлѣ ярко-зеленаго дуба. На другой — святой городъ, состоящій изъ однихъ мечетей, минаретовъ и надгробныхъ столбиковъ. На третьей — караванъ верблюдовъ, нагруженный гробами.

— Возвѣсти народамъ о путешествіи къ дому святому, дабы приходили они туда изъ дальнихъ странъ пѣшкомъ и на быстрыхъ верблюдахъ, — были начертаны надъ гробами слова Корана.

Да, они были когда-то, эти святые города. Были благочестивые старцы, отказывавшіе по смерти своей все имѣніе свое на нищихъ, калѣкъ и стамбульскихъ собакъ, завѣщавшіе доставить гробъ свой черезъ пу-

стыню въ Мекку и восклицавшіе передъ смертью, подобно Абдъ-эль-Кадеру, молившемуся въ оградѣ Меккскаго храма:

— Господи, воскреси меня въ день общаго возстанія слѣпымъ, дабы не стыдился я предъ лицомъ праведныхъ!

Были шитыя золотомъ одежды, кривые ятаганы безцѣнной стали, тюрбаны изъ багдадскихъ шалей... Но давно уже —

Паукъ заткалъ паутиной царскіе входы,
И ночная сова кричитъ на башнѣ Афразіаба...

Черезъ полчаса пароходъ снова левіафаномъ потянулся по извивамъ Босфора — и пошли кругомъ зеленыя холмистыя побережья въ цвѣтущихъ садахъ и могильныхъ кипарисовыхъ рощахъ, въ паркахъ, мраморныхъ дворцахъ и виллахъ, въ развалинахъ крѣпостей и деревянныхъ турецкихъ домишкахъ, тѣсными уступами нагроможденныхъ среди развалинь и зелени... Ветхость, запустѣніе — какъ странны эти слова для вступающаго въ Турцію по Босфору! Ветхость — и чудовищныя руины Румели-Гисаръ, ея зубчатыхъ твердынь и допотопной башни, глядящей изъ Европы въ Азію, на красноватыя развалины Анатоли-Гисаръ, отъ которой когда-то наводилъ мосты въ Европу самъ Дарій. Запустѣніе — и роскошь султанскихъ виллъ, пороги которыхъ купаются въ зелено-голубой водѣ пролива, эти сплошные сады и селенья, каики изъ золотой лакированной ясени, устланные бархатными коврами, на которыхъ полулежатъ щеголи-греки въ фескахъ, турецкіе офицеры съ меланхолически-прек-

расными дѣвичьими глазами или гаремы, закутанные въ радужные брусские газы. . .

Свѣжѣтъ, и горы и холмы, овѣваемые морскимъ воздухомъ, принимаютъ лиловые тоны. Босфоръ вѣт-ся, холмы впереди смыкаются — кажется, что плывешь по зеркально-опаловымъ озерамъ. Но вотъ эти холмы разступились еще разъ, — и медленно принимаетъ насъ въ свою флотилію великій городъ. Налѣво, на холмистыхъ побережьяхъ Мало-Азійскихъ горъ, пестрятъ въ сплошныхъ садахъ несмѣтныя кровли и окна Скутари. Направо, въ Европѣ, громоздится по высокой горѣ тѣсная Галата съ возвышающейся надъ ней круглой громадой генуэзской Башни Христа. А впереди, на закатѣ — единственный въ мірѣ силуэтъ Стамбула, надъ которымъ — копыта минаретовъ и полусферы на султанскихъ мечетяхъ. . . При заходящемъ солнцѣ, въ тѣснотѣ судовъ, бригантинъ, барокъ и лодокъ, при стоголосыхъ крикахъ фесокъ, тюрбановъ и шляпъ, качающихся на зеленой сорной водѣ вокругъ нашихъ высокихъ бортовъ, снова кидаемъ якорь. Ревутъ вокругъ трубы отходящихъ пароходовъ, въ терцію кричатъ колесные пакеботы, гудитъ отъ топота копытъ деревянный мостъ Султанъ-Валиде на Золотомъ Рогѣ, хлопаютъ бичи, раздаются крики водоносовъ въ толпѣ, кипящей на набережной Галаты. . . Оттуда, изъ товарныхъ складовъ, возбуждающе пахнетъ ванилью и рогожами колоніальныхъ товаровъ; съ пароходовъ — смолой, кокосомъ и зерновымъ хлѣбомъ, сыплющимся въ трюмы, отъ воды, взбудораженной винтами и веслами — огуречной свѣжестью. . . Солнце межъ тѣмъ скрывается за Стамбуломъ — и багрянымъ глянцемъ загораются стекла въ Скутари, мрач-

но краснѣетъ кипарисовый лѣсъ его Великаго кладбища, въ фіолетовые тоны переходитъ сизый дымный воздухъ надъ рейдомъ и возносятся въ зеленѣющее небо печальные, медленно возрастающіе и замирающіе голоса муэззиновъ. . .

Въ старыхъ святыхъ городахъ Ислама для этихъ вечернихъ славословій еще до сихъ поръ предпочитаются глашатаи слѣпые: да не смущаетъ ихъ земная прелесть наступающей ночи! А тѣ, которыхъ Творецъ не лишилъ счастья зрѣнія, закрываютъ въ часъ изана глаза. . . Закрываютъ ли глашатаи константинопольскіе? Голоса ихъ все же звучатъ великой печалью старины и пустыни. И я вспоминаю пыль и ветхость бревчататаго моста Валидэ, черные деревянные сараи возлѣ него. . . Вспоминаю сгнившія въ труху и почернѣвшія лачуги Стамбула, его развалины, тихія кофейни и кладбища. . . Потомъ гляжу на приземистый куполь Софіи, въ которомъ есть что то непередаваемо-древнее, какъ въ куполѣ синагоги. . . Вижу, среди запущеннаго серальскаго сада, на берегу стамбульскаго мыса, остатки древнихъ стѣнъ Византіи и дворца Константина. . .

— Возвышается Софія надъ городомъ, какъ корабль на якорѣ! — говорили когда-то.

Теперь она осѣла, затерялась среди новыхъ мечетей. Издалека она кажется даже небольшою. Не великъ и дворець. Онъ изъ сѣраго камня, простъ, грубъ, какъ крѣпостная тюрьма, крыша на немъ безъ выступа, окошечки узкія, высоко пробитыя. . . И какъ чуждъ онъ всему — онъ и Софія — даже здѣсь, въ старомъ Стамбулѣ!

Солнце закатилось, на турецкихъ часахъ двѣнадцать — и меня постигаетъ участь, подобная участи турецкихъ женщинъ: женщинамъ нельзя послѣ заката выходить изъ дому, путешественникамъ — вступать въ городъ. Но, стоя возлѣ борта и глядя внизъ, на лодку аѳонскихъ монаховъ, высматривающихъ, нѣтъ ли паломниковъ, которымъ они даютъ пріютъ на своихъ подворьяхъ въ Галатѣ, я вдругъ замѣчаю среди нихъ знакомаго, проводника-грека Герасима, и радостно кричу ему по-русски, по-гречески и по-арабски:

— Герасиме! Добрый вечеръ! Калиспера! Меса бель хайръ!

Герасимъ поднимаетъ кверху очки, ищетъ меня въ толпѣ и не спѣша — ему уже за сорокъ, — улучшаетъ среди качки удобный моментъ, чтобы ухватиться за перила трапа.

Проводникъ мнѣ не нуженъ, но не проберешься одинъ послѣ семи часовъ въ городъ. И Герасимъ немедленно вступаетъ въ свои обязанности.

Бережно несетъ онъ подъ мышкой тяжелый черный зонтикъ, съ которымъ никогда не разлучается, бережно снимаетъ черную шляпу и вытираетъ ситцевымъ платкомъ свою большую, коротко стриженную, серебристо-сизую голову. . . Жарко подъ черной шляпой! Но Герасимъ является на пароходъ всегда въ шляпѣ, въ бумажныхъ отложенныхъ воротничкахъ и веткомъ черномъ галстухѣ въ видѣ летучей мыши. . .

III

Возлѣ какой-нибудь маленькой, полуразвалившейся мечети въ Скутари, — въ этомъ старинномъ ханѣ всѣхъ каравановъ Азіи, — на какомъ-нибудь пыльномъ базарѣ, окруженномъ кофейнями, изъ которыхъ несетъ чадомъ жаровень, облитыхъ кипящимъ бараньимъ саломъ, и пестрѣютъ халаты толстыхъ хозяевъ въ большихъ тюрбанахъ, не рѣдкость видѣть грязно-грифельную грудь верблюда и погонщика въ еще бѣльшемъ тюрбанѣ и овчинной курткѣ. На главной скутарійской улицѣ есть кофейни почище, гдѣ такъ сладко мечтать за чашечкой кофе на длинныхъ диванахъ въ пестромъ ситцѣ, тихо поглаживая спину кошки и опустивъ одну ногу, въ туфлѣ, на полъ, а другую, въ чулкѣ, поставивъ на сидѣнье. Въ переулкахъ Скутари, среди пекаренъ, шорныхъ мастерскихъ и лавочекъ, заваленныхъ мѣдными болванами для глаженія фесокъ, среди облѣзлыхъ собакъ, скитающихся по пыли и ослиному помету, въ жаркіе и нѣжные дни ранней приморской весны цвѣтутъ розовыми восковыми свѣчечками темнозеленые платаны, изъ-за древнихъ садовыхъ стѣнъ снѣгомъ бѣлѣютъ цвѣтушія плодовые деревья, глядитъ осыпанное кроваво-лиловымъ цвѣтомъ голое іудино дерево. . .

— Селямъ! — ласково и сдержанно говорятъ сидящіе подъ деревьями возлѣ кофеенъ крупные старики въ бѣлыхъ и зеленыхъ чалмахъ, въ мѣховыхъ безрукавкахъ и халатахъ, отороченныхъ мѣхомъ. — Селямъ! — говорятъ они подходящимъ, легко и красиво касаясь груди и лба, и опять замолкаютъ, отдаваясь дыму нергиле и спокойному созерцанію собакъ, туристовъ,

ковыляющихъ женщинъ, закутанныхъ въ розовыя и черныя фереджэ, и медленно, важно качающихся на ходу горбуновъ-верблюдовъ.

И мнѣ никогда не забыть сладкой, деревенской тишины Скутари, его стѣнъ, кладбищъ, густыхъ садовъ, запутанныхъ переулковъ, гдѣ двухъэтажные деревянные домики выступаютъ надъ пѣшеходными тропинками сѣрыми рѣшетчатыми окнами. Сколько въ этой сплошной садовой глуши, называемой Скутари, старыхъ мраморныхъ фонтановъ, въ хрустальной водѣ которыхъ моютъ загорѣлыя ноги странники, благословящіе именемъ Бога и эту воду, и легкую весеннюю тѣнь развѣсистаго дерева надъ фонтаномъ, и дремотное жужжаніе пчелъ на цвѣтущихъ абрикосахъ! Сколько тамъ, въ этой глуши, мечетей, на куполахъ которыхъ растетъ трава, а внутри воркуютъ голуби! Сколько кладбищъ, затерявшихся между садами, мечетями и стѣнами, сколько кипарисовъ съ голыми стволами тѣлеснаго цвѣта и могильныхъ бѣлыхъ столбиковъ въ чалмахъ и золотыхъ надписяхъ, гдѣ такъ мирно, ласково и съ такой трогательной вѣрой говорится о весеннихъ радостяхъ жизни, о холодныхъ вѣтрахъ рока, о соловьяхъ и розахъ въ странѣ Блаженной!

Не то Галата. Не даромъ Галату называютъ помойной ямой Европы, сравниваютъ съ Вавилономъ, Содомомъ.

Среди несмѣтныхъ каиковъ, стоящихъ возлѣ потемнѣвшихъ отъ воды и времени деревянныхъ свай, я выхожу вслѣдъ за Герасимомъ на Галатскую набережную, отдаю паспортъ турецкому чиновнику, сидящему въ сараѣ таможни, и вступаю въ Галату въ тотъ часъ,

когда замираютъ призывы муэззиновъ, день по закону ислама кончается и лавки должны запираются.

Но какое дѣло до изана Галатъ!

По пыльной и ухабистой набережной, заставленной съ одной стороны желѣзными боками гигантовъ съ разноцвѣтными знаками на трубахъ, а съ другой — сплошными кофейнями, шумными и уже ярко освѣщенными, непрерывно текутъ навстрѣчу другъ другу потоки разноязычнаго народа. Зеленоватое небо еще свѣтло надъ темнымъ и четкимъ восточнымъ силуэтомъ Стамбула, надъ сиренево-стальной водой и надъ шестью мачтъ въ Золотомъ Рогѣ. Но надъ набережной и надъ рейдомъ уже виситъ опускающійся книзу дымъ, пыль и сумракъ. Между носами и кормами пароходовъ я вижу темную Скутарійскую гору, засыпанную роями огненно-золотыхъ пчелъ. Тысячи самоцвѣтныхъ камней — крупныхъ изумрудовъ, брильянтовъ и рубиновъ — разбѣяны по кораблямъ темнѣющаго рейда. Блѣдные топовые огни, какъ лампадки, высоко висятъ на всѣхъ мачтахъ возлѣ набережной. Но это уже огни ночного отдыха. Совсѣмъ другими огнями горятъ раскрытыя настежь окна и двери въ галатскихъ домахъ, въ кофейняхъ, въ табачныхъ и фруктовыхъ лавочкахъ, въ парикмахерскихъ. Сколько тутъ этихъ огней, сколько народа, играющаго въ кости, въ шашки, пьющаго виски, мастику, кофе и воду и занявшаго своими табуретами, кальянами и столиками половину набережной! Отъ тѣсноты, отъ запаха цвѣтовъ, пыли, сигаръ и жаровень, на которыхъ уличные повара подшквариваютъ кофейныя зерна, кебабъ и лепешки, воздухъ зноенъ и душенъ. Изъ вторыхъ этажей домовъ, изъ освѣщенныхъ оконъ несутся звуки граммофоновъ,

дешевыхъ пианино. Въ толпѣ, текущей по набережной, раздаются бѣшено-сильные басы водоносовъ, звонкіе альты чистильщиковъ сапогъ и продавцовъ газетъ, сладкіе тенора греческихъ кондитеровъ, хлопають бичами худые черномазые извозчики въ фескахъ и пыльныхъ пиджакахъ. И по всѣмъ лицамъ и разноцвѣтнымъ одеждамъ то и дѣло легкими гигантскими замахами проходятъ свѣтлые столпы прожекторовъ: одинъ за другимъ бѣгутъ шумные колесные пакеботы, переполненные народомъ, съ загородныхъ гуляній. . .

IV

Ночь я провожу въ одномъ изъ аеонскихъ подворій, близъ набережной Галаты.

Позднимъ вечеромъ покидаю я набережную и вхожу въ узкіе проходы между высокими домами.

Окна верхнихъ этажей еще свѣтятъ, но лавки и склады нижнихъ давно заперты, и въ проходахъ мракъ: только бродятъ кое-гдѣ, низко надъ мостовою, фонарики нищихъ, выбирающихъ изъ уличнаго сора корки хлѣба, окурки, жестянки, бутылки изъ-подъ оливковаго масла. Поминутно натыкаюсь на спящихъ собакъ, на сторожей, звонко бьющихъ на ходу желѣзными дубинками въ мостовую, на огоньки сигаръ, на разговоры мелькающихъ мимо матросовъ и другихъ ночныхъ гулякъ. Изъ освѣщенныхъ оконъ тоже слышится говоръ и смѣхъ или прыгающіе звуки шарманокъ съ позвонками. . . Но домъ подворья тихъ и темень.

Привратникъ, спящій въ прохладныхъ сѣняхъ, за тяжелыми полукруглыми дверями, не спѣша открываетъ — и, вмѣстѣ съ темнотою, меня охватываетъ запахъ плѣсени, сырости.

Тотъ же запахъ и въ гулкихъ каменныхъ коридорахъ, по которымъ, со свѣчей въ рукѣ, бѣжитъ впереди меня молодой монахъ въ мужицкихъ сапогахъ, въ черномъ подрясникѣ и черной вязаной шапкѣ, рябой, съ бирюзовыми живыми глазами, съ торопливо-услуживыми движеніями.

Въ высококомъ номерѣ, крашеномъ масляной краской, очень чисто, кровать покрыта грубымъ, но свѣжимъ бѣльемъ. Быстро раздѣваюсь, тушу свѣчу и засыпаю среди криковъ, несущихся съ улицы, стука сторожей, говора проходящихъ подъ окнами и нескладной, страстно-радостной и въ то же время страстно-скорбной восточной музыки, прыгающей въ ладъ съ позвонками.

Утромъ вскакиваю очень рано отъ свѣжести, плывущей въ окно съ моря, отъ звона колокола въ верхнемъ этажѣ подворья. И, одѣваясь, вижу въ окно вымпелъ за домами, а внизу — узкую улицу, еще влажную, въ прохладной тѣни, но уже полную деревенскими бараньими шапками погонщиковъ и цѣлыми стадами ословъ, на которыхъ качаются корзины дровъ, овощей и сыра. . . Слава Богу, день солнечный — я опять увижу Ая-Софію въ солнечное весеннее утро!

Герасимъ стоитъ возлѣ подворья и разсѣянно болтаетъ съ монахами, поминутно пожимая, по южному обычаю, плечомъ. Сегодня онъ въ старомъ картузикѣ съ пуговкой, но зонты, который никогда не раскрывается, опять съ нимъ.

Обмѣниваемся улыбками и пускаемся въ путь.

Изъ оконъ тянетъ вонюю оливковаго масла, въ которомъ шкваряютъ рыбу, летятъ на улицу помои и слышится бранчивая скороговорка гречанокъ. Дурачокъ въ лохмотьяхъ и въ двухъ рваныхъ шляпахъ, криво надѣтыхъ одна на другую, со всѣхъ ногъ бросается мимо меня въ стаю соловыхъ шелудивыхъ собакъ и, отбивъ у нихъ тухлое яйцо, съ жадностью выпиваетъ его, дико косясь на проходящихъ бѣлымъ краснаго глаза. Сплошная волнующаяся масса черныхъ барановъ, мелко перебирающихъ копытцами, тѣснится подъ азартные крики чабана, а среди нихъ, на худенькой лошаdkѣ, на деревянномъ сѣдлѣ, опутанномъ веревками, пробирается старикъ турокъ, лопухій, лилово-бурый отъ загара, въ тюрбанѣ и бараньей курткѣ, съ сѣдыми курчавыми волосами на раскрытой груди. За нимъ бѣжитъ и на бѣгу оретъ дикимъ голосомъ босоногій водонось съ мокрымъ сизымъ бурдюкомъ на спинѣ. Дальше идутъ длинноухіе задумчивые ослики подъ корзинами съ мусоромъ и кирпичами, тяжело и быстро сѣменить носильщикъ-армянинъ, согнувшійся въ три погибели подъ огромнымъ зеркальнымъ шкапомъ, отъ котораго по домамъ мелькаютъ веселые блики солнца. Ковыляютъ на французскихъ каблучкахъ двѣ толстенькихъ турчанки, съ головой закутанныя въ фереджѣ цвѣта засушенной розы.

— Лица ихъ, думаю я словами Корана, похожи на яйца страуса, сохраненныя въ пескѣ.

Но приподнялось какъ будто случайно покрывало — и я убѣждаюсь, что правъ Саади:

— Не всякая раковина беременна жемчугомъ.

Зато сколько красивыхъ, умныхъ и энергичныхъ мужскихъ лицъ, особенно среди турокъ изъ простонародья, изъ провинцій, съ береговъ моря! Сколько гордыхъ и привѣтливыхъ глазъ!

Переулки между этими высокими домами возлѣ набережной похожи на переулки въ порту Генуи, Марселя. — Сюда, сюда! — говоритъ Герасимъ, въ десятый разъ поворачивая за уголь. И вотъ опять пахнуло ванилью, рогожами, арбузной свѣжестью зелено-голубой воды, — и въ глаза глянули ослѣпительное солнце, голубой просторъ рейда, крылья бѣлыхъ рыбаковъ, мачты барокъ, черныя съ разноцвѣтными полосами трубы, бѣлая башня Леандра у береговъ Скутари.. . Опять хлопаютъ бичами извозчики, опять въ быстро текущей толпѣ кричатъ газетчики, водоносы съ кувшинами розовыхъ напитковъ, продавцы бубликовъ и приторно-сладкихъ греческихъ печеній, насквозь пропитанныхъ орѣховымъ масломъ... И не успѣваю я свѣсть на крохотный табуретикъ возлѣ кофейни, жарко нагрѣтый солнцемъ, какъ лиловый арабчонокъ въ одной синей женской рубахѣ уже тянетъ мой сапогъ на скамеечку, расцвѣченную фольгой, жестью, мѣдными гвоздиками.

— Рухъ! — говорю я сердито.

Но въ это время надо мной раздается оглушительный басъ:

— Газо-ось! — оретъ онъ, удаляясь.

И мой сосѣдъ справа, миловидный турецкій офицеръ въ малиновой фескѣ, въ синемъ мундирѣ съ иголки и съ блестящимъ мѣднымъ полумѣсяцемъ на груди, скромно улыбается, а сосѣдъ слѣва, черный старикъ въ бѣломъ халатѣ и бѣлой чалмѣ, въ большихъ желто-

зеленыхъ очкахъ, безъ носа, съ голой верхней губой въ лиловыхъ швахъ, важно поднимаетъ свою мертвую голову, булькая кальяномъ.

И я покоряюсь арабчонку.

Въ это жаркое солнечное утро все хорошо: и блескъ сапога, и новенькій мундиръ офицера, и стаканъ воды съ розой, который быстро ставитъ передо мною молодой кафеджи.

Потомъ мы покупаемъ какихъ-то желтыхъ сладкопахучихъ цвѣтовъ у ласковаго турка, сидящаго на корточкахъ возлѣ своей корзины, поставленной прямо на мостовую, и по дрожащимъ отъ топота копытъ бревнамъ моста Валидэ спѣшимъ въ густой толпѣ въ Стамбуль.

Уже становится жарко, запылились наши расчищенные сапоги, яркой бирюзой сквозитъ вода въ щели моста, ярко и нѣжно зеленѣютъ на горѣ Стамбула сады, съ горячимъ шумомъ отходятъ отъ моста пакеботы, отдавая бѣгущую толпу теплымъ бѣлымъ дымомъ. . . Опять маскарадъ, но еще болѣе пестрый и праздничный, чѣмъ вчера! И дружно мѣшаетъ этотъ маскарадъ вѣнскіе сюртуки съ рыжими верблюжьими куртками, панамы съ бараньими папахами, свѣтлоглазаго англичанина съ сизыми бедуинами, гиганта-черногорца въ бѣломъ шерстяномъ нарядѣ, шитомъ золотомъ и обременномъ оружіемъ, съ худосочнымъ польскимъ евреемъ, коричневую рясу францисканца съ негромъ, сестру-кармелитку съ китайцемъ съ неподвижной головой, съ черной косой до пять и въ лиловой кофтѣ. . . Все это льется отъ Султань-Валидэ къ самому людному мѣсту Галаты — къ углу набережной, къ биржѣ и столикамъ уличныхъ мѣняль, и отъ биржи — къ Сул-

тань-Валидэ, гдѣ останавливаются вагоны конки, гдѣ вѣчная тѣснота фіакровъ, разносчиковъ, цвѣточниковъ, нищихъ, полуголыхъ прокаженныхъ, сидящихъ на мостовой, и тѣснота базаровъ, заваленныхъ коврами, оружіемъ, мѣдной посудой, сырами, зеленью, шафраномъ, сбруей, фруктами и туфлями — сотнями связокъ лиловыхъ, канареечныхъ, черныхъ и оливковыхъ туфель, висящихъ на стѣнахъ подобно сушеной рыбѣ на шнурахъ.

Здѣсь, на маленькой площади, всегда тѣнь и влажная прохлада подъ стѣнами мечети, гдѣ, у фонтана возлѣ портала, проходящіе, сидя на корточкахъ, торопливо и танинственно совершаютъ омовенія среди соловогрязныхъ короткошерстныхъ собакъ. Дальше, возлѣ кофеенъ и за старыми стѣнами, ярко зеленѣютъ деревья. Чѣмъ дальше мы поднимаемся по улицѣ, идущей слегка въ гору, влѣво, тѣмъ все тише и безлюднѣе становится вокругъ. И уже совершенное безлюдье царитъ у высокихъ воротъ Стараго Серала, при входѣ въ его запущенные сады и широкіе дворы, заросшіе травой и бѣляющіе обломками греческихъ колоннъ, статуй и надгробныхъ плитъ.

Герасимъ косится и мистически шепчетъ:

— Смотри, смотри, съ крестомъ!

За внутренними стѣнами Серала, охраняющими покои, недоступные для европейца, расцвѣтаютъ подъ надзоромъ евнуховъ тѣ рѣдкіе цвѣты дѣвичьей красоты, которые ежегодно даритъ, по древнему обычаю, Турція своему повелителю. И весенней прелестью вѣетъ незримое присутствіе этихъ юныхъ затворницъ въ садахъ Серала, гдѣ зеленая трава пробивается изъ древней земли, красный макъ свѣтитъ среди облом-

ковъ мрамора и бѣлымъ и розовымъ цвѣтомъ цвѣтуть чаши деревьевъ въ оврагахъ возлѣ Старога Музея, облицованнаго лазурными фаянсами, пригрѣтаго жаркимъ солнцемъ подѣ бальзамически благоухающими кипарисами. Въ мѣрѣ, въ которомъ я существую, нынче весеннее утро, здѣсь — тишина, узурчатя тѣни, пѣніе птицъ и незримое присутствіе дѣвушекъ за стѣнами мертвыхъ дворцовъ. Я заглядываю въ ихъ ворота, въ аллею платановъ за воротами, выходя на горячій солнечный свѣтъ, на зеленый Дворъ Янычаръ. Древній дуплистый Платанъ Янычаръ дремлетъ на припекѣ возлѣ тысячелѣтней Св. Ирины, давно обветшавшей и обращенной въ склады стараго оружія. Но когда мы выходимъ мимо Ирины въ другія ворота Сералея, къ обрыву мыса, насъ охватываетъ свѣжесть моря — и снѣга: въ блескѣ солнца, въ золотисто-голубой дымкѣ тонетъ зыбкій просторъ Пропонтиды, миражемъ означаются силуэты Принцевыхъ острововъ и заступившихъ горизонтъ Мало-Азійскихъ горъ — тамъ смутно рисуется въ небѣ что-то мертвенное, нѣкое подобіе неподвижнаго облака.

— Олимпъ! — говоритъ Герасимъ.

Я навожу морской бинокль — и различаю блестящія пустыни снѣжныхъ полей Олимпа, его тѣснины, полныя утреннихъ фіолетовыхъ тѣней, и мнѣ кажется, что на меня тянетъ оттуда зимнимъ холодомъ.

А когда я оборачиваюсь, я вижу на яркой густой синевѣ блѣдно-желтую съ красными полосами громаду Ая-Софіи: громаду неуклюжую, выходящую изъ циклопическихъ каменныхъ подпорокъ и пристроекъ, надъ которыми, въ каменномъ кольцѣ оконъ, царить одно изъ чудесъ земли — древне-приземистый, перво-

бытно-простой, огромный и единственный на землѣ по легкости полушаръ-куполъ. И четыре стража этой грубой громады, скрывающей въ нѣдрахъ своихъ сокровища искусства и роскоши, четыре бѣлыхъ минарета исполинскими копьями возносятся по угламъ ея въ синюю глубину неба.

— Гдѣ входъ? — говорю я.

Я опять не сразу нашелъ бы его, но Герасимъ уже идетъ въ какой-то узенькій переулочекъ, гдѣ на солнцѣ пахнутъ сухими нечистотами, потомъ поворачиваетъ въ другой и по отлогому спуску, мощеному камнемъ, мы подходимъ къ боковому порталу, завѣшенному тяжелой завѣсой изъ буйволовыхъ кожъ. Дико это, первобытно, но какъ хорошо! Нравится мнѣ и обычай надѣвать, входя, туфли: такъ когда-то у входа въ святилище оставляли пыльные сандалии. . .

Сумракъ, холодъ и величавая громадность капища охватываютъ меня въ тройномъ порталѣ. А когда я вступаю въ храмъ, пигмеями кажутся среди его необъятнаго простора и необъятной высоты фигурки молящихся — сидящихъ на огромной площади ухабистаго отъ землетрясеній мраморнаго пола, сплошь покрытаго золотистыми скользкими цыновками изъ тростника. Шестьдесятъ оконъ пробили куполъ, и никогда мнѣ не забыть радостнаго солнечнаго свѣта, который столпами озаряетъ изъ этой опрокинутой чаши всю середину храма! И свѣтлая, безмятежная тишина, чуждая всему міру, царитъ кругомъ, тишина, нарушаемая только плескомъ и свистомъ голубиныхъ крыльевъ въ куполѣ, да пѣвучими, печально-задумчивыми возгласами молящихся, гулко и музыкально замирающими среди высоты и простора, среди древнихъ стѣнъ, въ ко-

торыхъ немало скрыто пустыхъ амфоръ-голосниковъ. Первобытны эти милые голуби, ихъ известковый пометъ, падающій съ высоты на цыновки. Первобытно-просты огромныя желѣзныя люстры, низко висящія надъ цыновками на желѣзныхъ цѣпяхъ. Величава и сумрачна окраска исполинскихъ стѣнъ, шершаво полинявшее золото сводовъ. Капищемъ вѣетъ отъ колоннъ, мутно-красныхъ, мутно-малахитовыхъ и голубовато-желтыхъ. Таинственностью капища исполнены и призраки мертвыхъ византійскихъ мозаикъ, просвѣчивающихъ сквозь бѣлила, которыми покрыли ихъ турки. Жутки чуть видные лики апокалиптическихъ шестикрылыхъ серафимовъ въ углахъ боковыхъ сводовъ. Строги фигуры святыхъ въ выгибахъ алтарной стѣны. И почти страшенъ возвышающійся среди нихъ образъ Спасителя, этотъ тысячелѣтній Хозяинъ храма, по преданію, ежегодно проступающій сквозь ежегодную закраску. . .

Чувствуя и себя пигмеемъ, тихо брожу я среди этой высоты и простора. Надо мной — свѣтоносный куполь, горячее солнце золотистымъ потокомъ льется на меня сверху. А налѣво и направо — два яруса хоръ. По отлогимъ каменнымъ всходамъ туда могли вѣзжать изъ пропилей двѣ колесницы. Двѣ колесницы могли развѣхаться и на тяжкихъ хорахъ, мраморныя плиты которыхъ покосились отъ землетрясеній. И какъ легко держать эту тяжесть два яруса аркадъ и колоннъ!

Не знаю путешественника, не укорившаго турокъ за то, что они оголили храмъ, лишили его изваяній, картинъ, мозаикъ. Но турецкая простота, нагота Софій возвращаетъ меня къ началу Ислама, рожденнаго въ

пустынь. И съ первобытной простотой, босыми входятъ сюда молящіеся, — входятъ когда кому вздумается, ибо всегда и для всѣхъ открыты двери мечети. Съ древней довѣрчивостью, съ поднятымъ къ небу лицомъ и съ поднятыми открытыми ладонями обращаютъ они свои мольбы къ Богу въ этомъ свѣтоносномъ и тихомъ храмѣ:

Во имя Бога, милосердаго и милостиваго!

Хвала Ему, Властителю вселенной!

Владыкѣ Дня Суда и Воздаянія!

Но великъ и непостижимъ Владыка — и вотъ покорно падаютъ руки вдоль тѣла, а голова на грудь. И еще покорнѣе отдаются эти руки въ узы Его, соединясь послѣ паденія подъ грудью, и быстро и безшумно начинаетъ вслѣдъ за этимъ падать человекъ на колѣни и касаться челомъ праха. И тайныя мольбы и словеса падающаго ницъ человека со всѣхъ концовъ міра несутся всегда къ единому мѣсту: къ святому городу, къ ветхозавѣтному камню въ пустынь Измаила и Агари. . .

Медленно подвигаемся мы въ боковыхъ проходахъ за колоннами, шмыгая туфлями по скользкимъ цыновкамъ. Потомъ шмыгаемъ по еще болѣе скользкому мрамору пропилей, гдѣ девять огромныхъ и тяжкихъ бронзовыхъ дверей — всѣ въ одинъ рядъ — еще хранятъ рельефы византійскихъ крестовъ. Потомъ поднимаемся по широкимъ отлогимъ всходамъ на хоры, и съ высоты я еще разъ наслаждаюсь головокружительной бездной этого капища и маленькими фигурками сидящихъ глубоко подо мною, на полу, въ широкомъ столпѣ свѣта, падающаго изъ купола. А изъ древней амбразуры открытаго окна снова тянетъ на меня теп-

ломъ солнечнаго свѣта и свѣжестью снѣга. Я подхожу — и ласковый вѣтеръ ударяетъ мнѣ въ лицо, розовая голубка срывается съ подоконника въ просторъ весенняго воздуха. . . И опять развертывается предо мною зыбкая синева Мраморнаго моря, блескъ солнца, лилово-пепельные силуэты горныхъ вершинъ и мертвенно-бѣлое облако Олимпа. . .

V

На мраморной паперти Софіи, когда мы покидаемъ ее, лежитъ деревенскій нищій въ лохмотьяхъ овчины, темный, какъ мумія, съ большими оттопыренными ушами и потухшими глазами.

— Бакшишь! — жалобно говоритъ онъ старческимъ отдаленнымъ голосомъ, и правая рука его несмѣло касается сердца, губъ и лба.

Но въ его лѣвой рукѣ деревянная мисочка съ варенымъ рисомъ — и просьба о милостынѣ звучитъ безжизненно: Богъ уже послалъ ему дневное пропитаніе, въ остальномъ онъ не нуждается.

Со двора выходимъ на Атмейданъ, славный когда-то по всему міру Ипподромъ Византіи. Слѣва Атмейданъ замыкается одной изъ великолѣпнѣйшихъ султанскихъ мечетей — колоссальной бѣлой мечетью Ахмедіе, окруженной платанами и шестью исполинскими минаретами. Но, Боже, чѣмъ замыкается площадь съ другихъ сторонъ! Вѣтхія бревенчатыя хибарки подъ черепицей, старозавѣтныя кофейни, полузасохшія акаціи. Ипподромъ теперь пусть и пылеть, и печально

стоятъ на немъ въ ямахъ, обнесенныхъ рѣшетками, три памятника великой древности: обелискъ розоваго гранита, когда-то сторожившій входъ въ храмъ Солнца въ Геліополь, грубая каменная колонна Константина Багрянороднаго и бронзовая, позеленѣвшая Змѣиная колонна — три перевившихся и вставшихъ на хвосты змѣи: «слава Дельфійскаго капища».

Большая улица Стамбула, по которой мы возвращаемся въ Галату, видъ имѣетъ милый, южный: много солнца, акацій, турецкихъ тавернъ, гдѣ всегда такъ весело отъ чистоты мраморныхъ столиковъ, цвѣтовъ на нихъ и привѣтливости хозяина въ бѣломъ фартукѣ и фескѣ. . . Весель даже надгробный павильонъ султана Махмута — большой кіоскъ подъ вѣковыми деревьями, за высокой рѣшеткой, отдѣляющей его отъ тротуара.

— Султану вездѣ хорошо! — улыбается и вздыхаетъ Герасимъ.

Густая толпа въ перепутанныхъ вонючихъ переулочкахъ, въ которые мы вступаемъ затѣмъ, кажется еще пестрѣе и крикливѣй отъ зноя и духоты. Хорошо еще, что на пути Голубиная мечеть Баязета и крытые ряды Чарши, Большого базара!

Дворъ мечети плѣнителенъ своей патриархальностью. Ограждаетъ его сквозная мавританская аркада, посреди его — фонтанъ, платаны, отдыхающіе странники, нищіе, тысячи голубей, а кругомъ — цѣлый базаръ четокъ, которыми, сидя на коврахъ, торгуютъ старья-перестарья обезьяны въ тюрбанахъ. Прохожіе покупаютъ тутъ и пшено, кидаютъ его въ воздухъ — и тогда весь дворъ превращается на минуту въ живой, свистя-

щей, дрожащей несметными крыльями, дѣти начинаютъ прыгать и на всѣ лады вопить:

— Бакшишь! Бакшишь!

Въ полутемномъ крытомъ лабиринтѣ Чарши тоже вопятъ — по-турецки, по-армянски, по-гречески, по-французски — и хватаютъ за руки, завлекая въ лавки; но отрадная прохлада споконъ вѣку царить въ этихъ сводчатыхъ коридорахъ, пряно пахучихъ и вмѣстившихъ въ себя, кажется, все, что есть на базарахъ Востока.

Все же шумнѣй и пестрѣй Галаты нѣтъ ничего на свѣтѣ!

Улица, ведущая въ гору, къ Перѣ, полита, но политая и уже согрѣвшаяся пыль только увеличиваетъ духоту. Ярки бѣлыя маркизы надъ окнами магазиновъ, ярки красныя лоскуты — вывѣски съ полумѣсяцемъ и арабскими письменами. . . И ослѣпительно ярка синяя лента неба надъ толпой и коридоромъ домовъ. . . Во имя Бога милостиваго, хоть бы здѣсь-то, по улицѣ, ведущей въ европейскую Перу, не пускали верблюдовъ! Но нѣтъ, арабъ-полицейскій, въ короткомъ синемъ мундирѣ и въ фескѣ, совершенно равнодушно смотритъ на эту горбатую грудку, шагающую среди толпы за босоногимъ проводникомъ.

Зато какъ прохладно въ жерлѣ Башни Христа!

Сладокъ, среди вони и плѣсени базарныхъ улицъ, среди чада простонародныхъ тавернъ и пекаренъ, свѣжій запахъ овощей и лимоновъ, но еще слаще послѣ галатской духоты чистый морской воздухъ. Медленно поднимаемся мы по темнымъ лѣстницамъ возлѣ стѣнъ башни, достигаемъ ея круглой вышки — и выходимъ на каменный покатый балконъ, кольцомъ охва-

тывающій вышку и огражденный желѣзными перилами. Легкое головокруженіе туманить меня при взглядѣ въ бездну подо мною, раскрывается въ ней цѣлая необозримая страна, занятая городами, морями и таинственными хребтами Мало-Азіійскихъ горъ — страна, на которую пала «тѣнь Птицы Хумай.»

Кто знаетъ, что такое птица Хумай? О ней говоритъ Саади:

— Нѣтъ жаждущихъ приюта подѣ тѣнью совы, хотя бы птица Хумай и не существовала на свѣтѣ!

И комментаторы Саади поясняютъ, что это — легендарная птица, и что тѣнь ея приносить всему, на что она падаетъ, царственность и безсмертіе.

Пѣсню Пѣсней, чудомъ чудесь, столицей земли называли городъ Константина греческіе лѣтописцы. Молва всего міра объясняла его происхождение божественнымъ вмѣшательствомъ. Одна легенда говоритъ, что на мѣстѣ Византіи орелъ Зевса уронилъ сердце жертвеннаго быка. Другая — что основателю ея было повелѣно основать городъ знаменіемъ креста, явившимся въ облакахъ надъ skutарійскими холмами, «при сліяніи водныхъ путей и путей караванныхъ». Но восточный поэтъ сказалъ не хуже: здѣсь пала тѣнь Птицы Хумай.

Въ двухъ шагахъ отъ меня, возлѣ этой башни, еще и донинѣ совершаются мучительно-сладостныя мистеріи Кружащихся Дервишей.

Ихъ монастырь затерялся теперѣ среди высокыхъ европейскихъ домовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, въ одинъ изъ такихъ же жаркихъ весеннихъ дней, Герасимъ привелъ меня къ его старой каменной оградѣ,

и мы вошли, вмѣстѣ съ другими «франками», въ небольшой каменный дворъ.

Помню фонтанъ и старое зеленое дерево посреди его, направо — гробницы шейховъ-настоятелей, налѣво — кельи въ ветхомъ деревянномъ домѣ подь черепицей, а противъ входа — деревянную мечеть.

Мы отдали нѣсколько мелкихъ монетъ, и насъ впустили въ восьмигранный высокій залъ, обведенный съ трехъ сторонъ хорами и украшенный только сурами Корана.

На хорахъ, надъ входомъ, помѣстились музыканты съ длинными флейтами и барабанами, по бокамъ — зрители.

Когда наступила тишина, вошелъ шейхъ-настоятель, а за нимъ десятка два дервишей — всѣ босые, въ коричневыхъ мантіяхъ, въ войлочныхъ черепенникахъ, съ опущенными рѣсницами, съ руками, смиренно сложенными на груди.

Шейхъ сѣлъ у стѣны противъ входа, раздѣлившіеся дервиши — по сторонамъ, другъ противъ друга.

Шейхъ, медленно повышая жалобный, строгій и печальный голосъ, началъ молитву, флейты внезапно подхватили ее на верхней страстной нотѣ — и въ тотъ же мигъ, столь же внезапно и страстно, дервиши ударили ладонями въ полъ съ крикомъ во славу Бога, откинулись назадъ — и снова ударили.

И вдругъ всѣ замерли, встали — и, сложивъ на груди руки, двинулись гуськомъ за шейхомъ вокругъ зала, обертываясь и низко кланяясь другъ другу возлѣ его мѣста.

Кончивъ же поклоны, быстро скинули мантіи, остались въ бѣлыхъ юбкахъ и бѣлыхъ кофтахъ съ длинны-

ми широкими рукавами — и закружились въ танцѣ: взвизгнула флейта, бухнулъ барабанъ — и дервиши стали подбѣгать съ поклономъ къ шейху, какъ мячъ отпрыдывать отъ него и, раскинувъ руки, волчкомъ пускаться по залу.

И скоро весь залъ наполнился бѣлыми вихрями съ раскинутыми руками и раздувшимися въ колоколь юбками.

И, по мѣрѣ того, какъ все выше и выше поднимались голоса флейтъ, жалобная печаль которыхъ уже перешла въ упоеніе этой печалью, все быстрѣе неслись по залу бѣлые кресты-вихри, все блѣднѣе становились лица, склонявшіяся на бокъ, все туже надувались юбки и все крѣпче топалъ ногою шейхъ: приближалось страшное и сладчайшее «исчезновеніе въ Богѣ и вѣчности»...

Теперь на башнѣ Христа, я переживаю нѣчто подобное тому, что пережилъ у дервишей. Теплый, сильный вѣтеръ гудитъ за мною въ вышкѣ, пространство точно плыветъ подо мною, туманно-голубая даль тянетъ въ безконечность... Этотъ вихрь вокругъ шейха зародился тамъ, въ этой дали: въ мистеріяхъ индусовъ, въ таинствахъ огнепоклонниковъ, въ «расплавкѣ» и «опьяненіи» суфійства съ его мистическимъ языкомъ, въ которомъ подъ виномъ и хмелемъ разумѣлось упоеніе Божествомъ. И опять мнѣ вспоминаются слова Саади, «употребившаго жизнь свою на то, чтобы обозрѣть Красоту Міра»:

— Ты, который нѣкогда пройдеши по могилѣ поэта, вспомни поэта добрымъ словомъ!

— Онъ отдалъ сердце землѣ, хотя и кружился по

свѣту, какъ вѣтеръ, который, послѣ смерти поэта, разнесъ по вселенной благоуханіе цвѣтника его сердца.

— Ибо онъ всходилъ на башни Маана, Созерцанія, и слышалъ Симаа, Музыку Міра, влекущую въ халеть, веселіе.

— Цвѣлый міръ полонъ этимъ веселіемъ, танцемъ — ужели одни мы не чувствуемъ его вина?

— Хмельной верблюды легче несетъ свой вьюкъ. Онъ, при звукахъ арабской пѣсни, приходитъ въ восторгъ. Какъ же назвать человѣка, не чувствующаго этого восторга?

— Онъ осель, сухое полвно.

1907.

МОРЕ БОГОВЪ

I

Когда подняли якорь, въ толпу на спардэкѣ вошли молодые, французы. И, заглядѣвшихъ на нихъ, я незамѣтилъ, какъ поплыли кровли и купола Стамбула.

По глянцевитой мраморно-голубой водѣ черными кругами, показывая перо, шли дельфины. Утренніе пары таяли въ теплѣ и свѣтѣ, но даль еще терялась въ матовомъ туманѣ.

За мысомъ дорогу перерѣзалъ колесный пакеботъ, переполненный фесками, и, мелькнувъ, обдалъ теплымъ дымомъ. Старыя стѣны дворца Константина и цвѣтушіе сады Сераля дремали, пригрѣтые солнцемъ. Въ оврагахъ алѣло искривленное іудино дерево. Блѣдно-розовые минареты Софіи уносились въ небо. . .

Извиваясь, протянулись, вслѣдъ за Сералемъ, стѣны Θεодосія, полчища кипарисовъ въ Поляхъ Мертвыхъ. . . Стѣны кончились руиной Семибашеннаго замка. . . И сиренево-сѣрый очеркъ Стамбула сталъ уменьшаться и таять. Справа шли обрывы плоскаго прибрежья, цвѣта пемзы. А налѣво, до нѣжно-туманной сини Принцевыхъ острововъ, и впереди, до еще болѣе туманныхъ горъ Азіи, все шире разбѣгались сіяющіе

среди утренняго пара заливы. Надъ ихъ необозримой гладью кое-гдѣ висѣли дымки невидныхъ пароходовъ. . .

Нижнія палубы, заваленныя грузомъ въ Пирей и Александрію, наполняли фески и верблюжьи куртки, ласково-застѣнчивыя улыбки и блестящіе зубы, каріе глаза и гортанный говоръ. Бѣлыми коконами сидѣли на коврахъ закутанныя женщины. Мечтательно играли четками хаджи въ чалмахъ и халатахъ. Пѣли, пили мастику, страстно спорили и бились въ кости греки, похожіе на плохенькихъ итальянцевъ. Съдобородый еврей въ люстриновомъ пальто, въ черной непримятой шляпѣ на затылокъ, съ пейсами и поднятыми бровями, бѣлъ, уединенно сидя на крышкѣ трюма, маслины съ бѣлымъ хлѣбомъ и обсасывалъ пальцы. Въ проходахъ несло кухоннымъ чадомъ, тепломъ изъ стальной утробы мѣрно работающей машины, бѣгали бѣлые повара съ помоями. Наверху было чисто, просторно и солнечно.

Надо было надвигать на глаза фуражку, глядя на ослѣпительный блескъ подъ лѣвымъ бортомъ. За этимъ блескомъ разстилались и какъ будто наклонно скользили въ даль, въ чуть видной Азіи, зеркала Кіанскаго залива. Въ милѣ, въ полумилѣ отъ насъ проходили итальянскіе и греческіе грузовики съ низкими бортами и голыми мачтами. Медленно, стройно и плавно тянулись въ Стамбуль, раскинувшись по всему морю, парусныя барки. Одна бригантина прошла такъ близко, что вся закачалась и закланялась, попавъ въ волну отъ парохода, и ярко озарила насъ парусами. Подъ ихъ серебрястой тѣнью бѣжалъ загорѣлый человекъ въ полосатой фуфайкѣ. А зеленый хрусталь

подъ бригантиной былъ такъ прозраченъ, что видно было все дно ея.

Ютъ загромождали тюки прессованнаго сѣна. Матросы натягивали надъ ними тентъ. Близился полдень, и въ проходахъ между сѣномъ уже стоялъ жаркій сладковатый запахъ степи.

За завтракомъ въ каютъ-компаніи открыли всѣ иллюминаторы. По бѣлому низкому потолку переливались зеркальныя змѣи, отраженныя изъ-подъ лѣваго борта водою и солнцемъ.

Часа въ два слѣва заголубѣли каменистыя побережья древней Фригіи. Близко прошла дикая горбина острова Марморя, и было весело смотрѣть на его блиставшіе надъ водою обрывы, на сѣроватую зелень, покрывавшую его ребра и скаты, на бѣлыя точки какого-то селенья, разсыпаннаго въ одной изъ его впадинъ.

Очень близко прошелъ передъ вечеромъ и Галлиполи, желтѣвшій на пустынныхъ обрывахъ справа.

Въ темнотѣ, усѣянной зоркими огнями, осторожно пропустила насъ тѣснина Дарданелль.

II

Троя, Скамандръ, Холмы Ахиллеса — сколько прелести въ этихъ звукахъ! Равнина Скамандра серебрилась въ эту ночь легкимъ туманомъ и печальнымъ луннымъ свѣтомъ. Я видѣлъ ее смутно... Но это была уже Греція.

Шерстяная вишневая занавѣска на открытомъ иллюминаторѣ въ моей каютѣ стала утромъ, противъ солнца, прозрачно-красной. Сладкій вѣтеръ ходилъ по каютѣ. Быстро одѣвшись, я выбѣжалъ на недавно вымытую, еще темную палубу.

Былъ опять тонкій паръ, полный блеска, легкій, влажный воздухъ. Но море было уже не то. Это было густое сине-лиловое масло. И впереди и влѣво по его равнинѣ таяли въ свѣтлой дымкѣ фіолетовые силуэты Архипелага. А направо тянулись зелено-сиреневыя горы: Эвбея.

И все утро выгибалась мимо насъ эта каменистая страна, вся въ складкахъ, какъ кожа бегемота. А позднѣе, когда солнце уже жгло плечи и я съ изумленіемъ глядѣлъ на это горящее масло, лизавшее пароходъ и порою плескавшее языками бирюзоваго пламени, открылись наконецъ «пустынные горы» Гимета.

По мертвенно-бѣлымъ волоокимъ статуямъ, по тысячелѣтнимъ толкамъ о вакханкахъ и дріадахъ, о богахъ и празднествахъ съ цвѣтами и хорами, — какъ будто въ древней Греціи только и дѣлали, что праздновали, — тысячи тысячъ людей рисуютъ себѣ какой-то пошлый элизіумъ вмѣсто этой каменистой, сухой страны. Каковъ-то Акрополь? Всѣ бинокли искали его, греки съ юта съ азартомъ тыкали пальцами въ даль. И вотъ, нашель наконецъ я нѣчто смутно-желтѣвшее на каменистомъ холмѣ, одиноко стоящемъ за моремъ крышъ въ долинѣ, — нѣчто въ родѣ небольшой дикой крѣпости. И, взглянувъ на этотъ голый холмъ пелазговъ, впервые въ жизни всѣмъ существомъ своимъ ощутилъ я древность.

Въ Пирееѣ, гдѣ въ жаркѣй полдень мы бросили якорь, насъ окружили гиды, комиссіонеры отелей. . . Маленькій быстрый поѣздъ въ полчаса доставилъ насъ въ Аѣины. По ослѣпительно-бѣлымъ улицамъ ѣду я, выйдя изъ вагона. Высоко сидитъ на козлахъ кучеръ въ соломенной шляпѣ, хлопая бичомъ надъ парой рѣзвыхъ клячъ въ дышлѣ. Яркая лента неба льется надъ коридоромъ улицы съ бѣлой мостовой и запыленными кипарисами, вытянувшимися между домами. Даже и въ тѣни чувствуешь и видишь, какъ прозраченъ сухой жаркѣй воздухъ. Спущены зеленыя жалюзи на окнахъ, спущены маркизы надъ витринами. Быстро выѣзжаемъ, миновавъ площадь, королевскій дворецъ и предместье, на мѣловое шоссе, — и этотъ холмъ пелазговъ съ руинами храмовъ поражаетъ меня своей золотистой желтизной и наготой. Громадная подкова горъ, громадная долина, а среди долины одиноко высится желто-каменный пикъ холма, воедино слитый двадцатипятивѣковой древностью съ голымъ остовомъ Акрополя, — останками стѣнъ, колоннадъ и порталовъ. Зной и вѣтеръ давно обожгли кости этой чуждой и уже неприятной намъ жизни. Медленно тянутъ лошади по мѣлу, хруститъ щебень шоссе, кольцомъ охватившаго холмъ и поднимающагося все въ гору, — со всѣхъ сторонъ оглядываю я загорѣлый камень стѣнъ Акрополя и его желобчатыхъ колоннъ. . . Наконецъ коляска останавливается какъ разъ противъ входа въ гранитной стѣнѣ, за которымъ широкая лѣстница изъ лоснящагося мрамора поднимается къ Пропилеямъ и Пареейону. . . И на мгновенье я теряюсь. . . Боже, какъ все это просто, старо и прекрасно!

Надѣво, въ сквозной тѣни маслинъ, стоитъ другая

коляска. Высокій, очень прямой человекъ съ биноклемъ черезъ плечо, въ сѣромъ костюмѣ и тропическомъ шлемѣ, и высокая худая женщина, тоже въ сѣромъ шлемѣ, въ фильдекосовыхъ перчаткахъ, съ длинной тонкой палочкой въ одной рукѣ и съ книжкой въ другой, направляются ко входу. Но даже и эти спокойнѣйшіе люди изумленно смотрятъ круглыми глазами на то, что блещетъ передъ нами золотыми руинами въ жаркомъ синемъ небѣ, на то, что такъ божественно-легко и стройно громоздится на гранитныхъ укрѣпленіяхъ, вросшихъ въ темя этого «Алтаря Солнца». Они входятъ, поднимаются по лѣстницѣ, дѣлаются маленькими среди колоннъ, уцѣлѣвшихъ отъ Пропилей. . . Я тоже иду и смотрю. . . Но я уже все видѣлъ!

Я иду, но души древности, создавшей все это, я коснулся еще съ парохода. А божественное совершенство Акрополя раскрываетъ одинъ взглядъ на него.

Вотъ я поднялся по скользкимъ плитамъ къ Пропилямъ и Храму Побѣды. Я теряюсь въ безпредѣльномъ пространствѣ Эгейскаго моря и вижу отсюда и маленькій портъ въ Пиреѣ, и безконечно-далекіе силуэты какихъ-то голубыхъ острововъ, и Саламинъ, и Эгину. А когда я оборачиваюсь, меня озаряетъ синелиловый пламень неба, налитаго между руинами храмовъ, между золотисто-обожженнымъ мраморомъ колоннадъ и капителей, между желобчатыми столпами такой красоты, мощи и стройности, предъ которыми слово бессильно. Я вступаю въ громаду раскрытаго Пареенона, вижу скользкія мраморныя плиты, легкой мажъ въ ихъ разсѣлинахъ. . . Что иное, кромѣ неба и солнца, могло создать все это? Какой воздухъ, кромѣ воздуха Архипелага, могъ сохранить въ такой чистотѣ

этотъ мраморъ? Глыбамъ гранита и мрамора, кряжамъ каменистыхъ горъ, накаленныхъ зноемъ, поклонялись древнѣйшія греческія племена. «Амфіонъ, древнѣйшій изъ поэтовъ, извлекалъ изъ лиры столь сладкіе звуки, что вѣчный мраморъ, въ которомъ заключена высшая чистота земли, самъ сталъ складываться въ колоннады, стѣны и ступени». А Гомеръ извѣялъ образы боговъ-людей: вѣдь Эллада «только устами поэтовъ и философовъ» создала пантеоны и культы. И «уста поэтовъ» высшей религіей признали красоту, высшимъ загробнымъ блаженствомъ — Элизіумъ, «отъ вѣка не знавшій тьмы и холода», высшей загробной мукой — лишеніе свѣта. . .

«Богъ — жизнь, свѣтъ и красота», сказалъ народъ, населившій землю въ этомъ «прелестнѣйшемъ изъ морей». — «Богъ — это мое тѣло», сказалъ онъ, возмужавъ и забывъ, что земля его, какъ и всюду, щедро насыщается кровью и что смерть, какъ и всюду, разрушаетъ на его землѣ плотскую радость. — «Я завоевалъ высшую мудрость», сказалъ онъ — и отлилъ свои завоеванья въ мраморъ — воздвигъ «Алтарь Возврата», какъ Александръ на границахъ Индіи. И, чтобы не слышать о новыхъ завоеваніяхъ, умертвилъ Сократа. Но духъ искалъ и жаждалъ. Александръ, снѣдаемый этой жаждой, раздвинулъ предѣлы земли, смѣшалъ народы и, возвратясь, сказалъ: «Міръ безконеченъ и Богъ тысячекликъ. Я поклонялся всѣмъ ликамъ; но истинный — невѣдомъ. Иудея говоритъ, что ликъ Его — мощь и пламя гнѣва; Египетъ, что ликъ Его — Солнце въ ликѣ Сфинкса и Ястреба. Но Иудея — это горячее Мертвое море, Египетъ — могила въ пустынѣ: онъ тоже свершилъ свой путь — отъ покло-

ненія вѣчно возрождающемуся «сыну Солнца», Гору, до своего Алтаря Возврата — до Великой пирамиды. И храмы Солнца нынѣ пусты и безмолвны». Тогда Греція снова послала поэтовъ и философовъ искать Бога. И они пошли въ Сирію и Александрію — и среди смѣшавшагося челоувѣчества зачалось смутное и радостное предчувствіе новаго разсвѣта. Впервые случилось, что завоеватель міра не дерзнулъ покорить міръ богу своей націи. И всемірная монархія, смѣшавъ челоувѣчество, распалась. Челоувѣчество пресытилось кровью, землею и смертію — и возжаждало братства, неба, безсмертія. И когда наконецъ снова взошло Солнце, — «Радуйся! — сказалъ міру ясный Голось. — Нѣтъ болѣе ни рабовъ, ни царей, ни жрецовъ, ни боговъ, ни отечества, ни смерти. Я — Египтянинъ, Іудей и Элинъ, Я сынъ Земли и Духа. Духъ животворить и роднитъ все сущее: и лиліи полевыя, и птицы небесныя, и Соломона въ славѣ его, и раба Соломона. Сила и жизнь Его такъ велики во Мнѣ, что вотъ Я полагаю руку Мою на голову умирающаго — и слышу, какъ трепетно исходитъ изъ Меня любовь и жизнь. На Оаворѣ, въ росистое солнечное утро, міръ, въ блескѣ и голубыхъ туманахъ лежащій подо Мною, наполняетъ Мою душу такимъ восторгомъ, свѣтомъ Отца Моего, что лицо Мое повергаетъ на землю братьевъ Моихъ...»

III

На предвечернее солнце было больно смотрѣть, когда я возвращался на рейдъ. Зеркальныя отраженія

струились, переливались по нагрѣтому за день борту. Мѣдные ободки открытыхъ иллюминаторовъ искрились. Лебедки ужъ затихли, трюмы были нагружены и закрыты. . . Потомъ заревѣла, сотрясая всѣ палубы, труба и забуриль винтъ. . .

Въ несказанной пышности и нѣжности червонной пыли и воздушно-фіолетовыхъ вулкановъ пламенѣло солнце за безпредѣльнымъ Эгинскимъ заливомъ, изъ котораго мы уходили отъ Акрополя къ югу. Потомъ оно сразу потеряло весь свой блескъ, стало огромнымъ малиновымъ дискомъ, стало меркнуть — и скрылось. Тогда въ золотисто-бирюзовую глубину небосклона высоко поднялись дымчато-аметистовые радіусы. Но на острова и на горы за заливомъ уже палъ вечерній пепель, а все необозримое пространство заштильвашаго моря внезапно покрыла мертвенная, малахитовая блѣдность. Я стоялъ на ютѣ, облокотясь на рѣшетку борта, и смотрѣлъ то на этотъ малахитъ, то на западъ. Вдругъ по кораблю тамъ и сямъ тепло и весело вспыхнуло электричество. На минуту оно отвлекло меня, а когда я снова взглянулъ на западъ, его уже настигла тьма южной ночи.

Скоро въ ней потонули и море и небо. Но вотъ за бортомъ сталъ рѣять слабый таинственный свѣтъ — темно-лиловый полукругъ моря явственно отдѣлившійся отъ болѣе легкаго неба, какъ бы задымился воднымъ свѣтомъ.

— Миль десять идемъ? — спросилъ я заблѣвшаго въ сумракѣ матроса, по шороху за бортомъ угадывавая ровный полный ходъ.

— Миль тринадцать идемъ. . .

И по тому, какъ мелькали навстрѣчу мнѣ, когда я пошелъ на бакъ, горбы волнъ, полныхъ дымившагося фосфора, видно было, что правда.

Черный и въ темнотѣ особенно упорный бугшприть неуклонно вель въ звѣздный склонъ неба. На сѣверо-востокъ широко раскидывалась Большая Медвѣдица, «любимое созвѣздіе Гомера». На юго-западъ низко, но ярче и великолѣпнѣе всѣхъ сверкала розово-серебристая Венера. Темно-синяя глубь была переполнена повисшими въ Млечномъ Пути алмазами. И отовсюду лились въ море нити тонкаго дивнаго свѣта. Но свѣтъ моря былъ еще прекраснѣе.

— Эй, не курить на бакъ! — раздался молодой звучный голосъ.

И опять наступила глубокая тишина, полная шороха волнъ и дыханій машины.

Спотыкаясь на цѣпи и паруса, я добрался до бугшприта. Острая желѣзная грудь рѣзала кипѣвшую блѣдно-синимъ пламенемъ воду — и все пространство моря, озареннаго и полнаго таинственнымъ свѣтомъ, быстро бѣжало навстрѣчу. Звѣзды дрожали отъ едва уловимаго теплаго воздушнаго тока... Да, «свѣтъ и во тьмѣ свѣтитъ». Вотъ закатилось солнце, но и во тьмѣ только солнцемъ живетъ и дышитъ все сущее. Это оно вращаетъ винтъ парохода, оно несетъ навстрѣчу мнѣ море; оно, неизсякаемый родникъ всѣхъ силъ, любущихся на землю, править и непостижимымъ для моего разума стремленіемъ своего необъятнаго царства въ безконечность — къ Вегѣ, и безумной радостью этого стрѣлой летящаго подо мною дельфина — какъ бы сплошной массы дымно-синяго фосфора. И только къ свѣту стремится все въ мірѣ. Мириады едва зримыхъ

сѣмянъ жизни, лишенныхъ солнца тьмою ночи и глубинами водъ, все же свѣтятъ сами себѣ — тѣми атомами его, которыми рождена въ нихъ жизнь. И надъ всѣмъ этимъ моремъ, видѣвшимъ на берегахъ своихъ всѣ служенія Богу, всегда имѣвшія въ основѣ своей служеніе только Солнцу, стоитъ какъ бы голубой дымъ: дымъ кажденія Ему.

1907.

ДЕЛЬТА

Солнце потонуло въ блѣдно-сизой мути. Волны, мелькавшія за бортомъ, стали кубовыми. Вспыхнуло электричество и сразу отдѣлило пароходъ отъ ночи.

Внутри, въ каютъ-кампаніяхъ и рубкахъ, было ярко, свѣтло, за бортами была тѣма, теплый вѣтеръ и шорохъ волнъ, бѣжавшихъ качающимися холмами. Маслянисто-золотыя полосы падали на нихъ изъ иллюминаторовъ и змѣевидно извивались. Вѣтеръ усиливался, — и вдругъ одна изъ этихъ полосъ провалилась въ черную пропасть, а вся глыба парохода зыбко приподнялась съ носа и еще болѣе зыбко и плавно опустилась среди закипѣвшей почти до бортовъ голубоватодымной воды. Какая-то женщина, показавшаяся въ это время въ свѣтломъ пространствѣ входа въ рубку, ухватилась было за притолоку, но въ ту же минуту оторвалась и со смѣхомъ, съ протянутыми руками побѣжала по наклонной палубѣ. А немного погодя изъ той же двери вышелъ мужчина, оглянулся и, увидѣвъ меня, неестественно запѣлъ и твердыми шагами пошелъ по опускающейся и поднимающейся палубѣ слѣдомъ за ней. . .

Около полуночи надъ темно-лиловой равниной мо-

ря взошелъ оранжевый печальный полумѣсяцъ. Сѣя на горизонтѣ шафранный свѣтъ, онъ наклонно висѣлъ надъ бѣгущей на насъ и качающейся зыбью, и отъ него несло теплымъ, теплымъ вѣтромъ. . .

Утромъ открылся берегъ Африки.

Сильно припекало. Небо было знойно и бѣлесо, море тускло блестѣло оловомъ. Вода подъ кормой бурлила жидкая, зелено-голубая.

Командиръ, весь въ бѣломъ, стоялъ на мостикѣ, не отводя отъ глазъ бинокля. Медленнѣй вздыхала машина: шли уже среднимъ ходомъ, ждали араба-лоцмана, ибо взморье передъ Александріей густо усѣяно подводными камнями. Промелькнула первая чайка. . . Прошелъ навстрѣчу тупоносый и весь черный пароходъ, и я увидѣлъ на немъ бѣлыя буквы: «Дельта». . . А изъ мути на горизонтѣ уже выдѣлялась башня, преемница того знаменитаго маяка, что былъ когда-то «символомъ свѣта александрійской мудрости» и однимъ изъ чудесъ міра, ибо «вель къ городу полубога, дошедшаго отъ столповъ Геркулеса до индійскихъ деревьевъ, вершинъ которыхъ не достигаютъ стрѣлы», былъ посвященъ «богамъ, спасающимъ плавающихъ», блисталъ зеркаломъ — «Талисманомъ Александріи, отражавшимъ землю, небо и всѣ паруса Средиземнаго моря», и такъ возвышался, что «камень, брошенный съ него на закатѣ, падалъ въ воду только въ полночь. . .» Потомъ слабо обозначилась бѣлая полоска города, безчисленныя палочки, — мачты порта, — и крестики — крылья вѣтряныхъ мельницъ, вправо же отъ нихъ — блѣдно-желтая линія пустыни, терявшаяся на западѣ, линія безграничной плоскости, сосѣдней съ Дельтой, и тамъ, въ этой стекловидной дали — призраки тѣхъ

единственныхъ по своимъ очертаніямъ деревьевъ, видъ которыхъ всегда волнуеть: финиковыя пальмы.

Мы идемъ медленно, но онъ все растетъ и приближается, этотъ песчаный берегъ съ пальмами, все выше растутъ эти безчисленныя мачты, видны каменные ленты волнорѣзовъ и сіяющій бѣлизной маякъ. И зной африканскаго утра все увеличивается по мѣрѣ того, какъ мы все тише и глубже входимъ въ тѣсноту Стараго Порта, переполненнаго судами и разноцвѣтными лодками съ разноцвѣтными флагами отелей и загорѣлымъ людомъ въ фескахъ, обмотанныхъ платками, и въ длинныхъ синихъ рубахахъ. Все это тянется среди пароходовъ за нами, а справа надвигаются сѣропесчаные обрывы, на которыхъ среди однообразныхъ палевыхъ кубиковъ-домовъ стоятъ шероховатые стволы въ перистыхъ султанахъ. Долгій морской путь конченъ, — взглянувъ назадъ, на бѣлый волнорѣзъ, я не вижу больше моря; вижу только мачты да синюю ленту надъ волнорѣзомъ. Крутомъ пестрота людей и лодокъ, эти палевые кубики и пальмы, — и все залито сухимъ, ослѣпительнымъ свѣтомъ. . . Африка!

Въѣзжая въ Александрію, я все клонилъ голову: солнце стояло какъ разъ надъ головою. Встрѣтилась медленная вереница соловыхъ дромадеровъ, навьюченныхъ сахарнымъ тростникомъ и предводительствуемыхъ босоногимъ погонщикомъ въ красной ермолкѣ и короткомъ бѣломъ кунбазѣ. Потомъ проѣхали англійскіе солдаты въ тропической формѣ, верхомъ на великолѣпныхъ гнѣдыхъ лошадяхъ, лоснившихся на солнцѣ, и, прижимаясь отъ нихъ къ глиняной оградѣ, мелко перебирая по пыли маленькими ножками, прошла молоденькая феллашка въ голубой полинявшей руба-

хѣ, круглолицая, съ полными губками и расширенными ноздрями. Она подняла рѣсницы надъ темными глазами — и опустила ихъ. На ея пепельно-смугломъ лицѣ, татуированномъ синеватыми полосками по бокамъ подбородка и звѣздочками на вискахъ, покрывала не было. Не было и библейскаго кувшина на ея головѣ, прикрытой легкимъ платкомъ изъ черно-синей шерсти: на головѣ она несла то, что теперь такъ ходко смѣняется на Востокѣ библейскій кувшинъ, — большую жестянку изъ подъ керосина. А за феллашкой показался осликъ-иноходець, быстро и тупо смѣнившій копытцами, подъ краснымъ бархатнымъ сѣдломъ, на которомъ, почти задѣвая землю ботинками, сидѣлъ большой арабъ въ пиджакѣ сверхъ длиннаго халата-подрясника, въ плоской фескѣ, обмотанной золотисто-пестрымъ платкомъ. . .

Въ отелѣ близъ Площади Консуловъ мнѣ отвели просторную комнату съ каменнымъ поломъ, покрытымъ тонкими коврами. Въ ней стояла постель подъ кисейнымъ балдахинномъ, было полутемно и прохладно. Ставни балкона были закрыты. За ними стоялъ оглушительный гамъ Востока, говоръ и стукъ копытъ, гулъ и рожки трамвая, вопли продавцовъ воды. . . А когда я раскрылъ ставни, въ комнату, вмѣстѣ со всѣми этими звуками, такъ и хлынулъ свѣтъ, жаръ африканскаго полдня. . .

Въ какомъ-то маленькомъ греческомъ ресторанѣ я ѣлъ какую-то розовую морскую рыбу, щедро облитую лимоннымъ сокомъ, и пилъ какое-то густое вино. Потомъ побрелъ къ морю, глядя на мелкую зыбь его сиреневаго простора, на раковины облаковъ, таявшихъ надъ нимъ въ бездонномъ шелковистомъ небѣ, на ку-

бики палевыхъ домовъ, терявшихся вдоль широкаго изгиба песчанаго побережья. . . И вихры отдаленныхъ пальмъ опять сладко напомнили: Африка!

На Площади Консуловъ, вокругъ сквера, въ жидкой и легкой тѣни подсыхающихъ деревьевъ, стояли коляски, дремали лошади. Смуглые, въ бѣломъ, извозчики, вмѣстѣ съ прочей арабской толпой, занимавшей несмѣтные столики сквера, пили воды, курили, болтали. . . Сидѣли два негра изъ Судана. Ихъ черныя скуластыя лица и черныя палки ногъ въ огромныхъ пыльных туфляхъ казались еще чернѣе и страшнѣе отъ бѣлыхъ кидарь; сверхъ рубашекъ на нихъ были короткіе халаты цвѣта полосатыхъ гіенъ. Съ раздувающимися ноздрями раздавленныхъ носовъ, съ блестящими глазами, съ нагло вывороченными губами негры радостно и удивленно осматривали проходящихъ женщинъ. А у женщинъ, закутанныхъ въ черный шелкъ только и видно было, что глаза, странно раздѣленные металлическимъ цилиндромъ, соединяющимъ чадры съ покрывалами.

Часамъ къ четыремъ городъ снова ожилъ. Поливали мостовыя, и косою блескъ съ запада ярко золотилъ и площадь, снова наполнившуюся народомъ, и всю улицу Шерифъ-Паша, по которой я поѣхалъ къ каналу, и которая казалась бы совсѣмъ европейской, если бы не ослики, не этотъ босоногій черноликій людъ и шарабаны съ дѣтьми и женщинами, очень нарядными, но ужъ черезчуръ смуглыми. Каналь соединяетъ море съ Ниломъ. Виллы и сады тянулись вдоль его праваго берега, на зеркальной водѣ его мирно дремали въ низкомъ блескѣ еще жаркаго солнца грубые косые пару-

са барокъ и по африкански желтъли среди пальмовыхъ рошъ глиняныя хижины на лѣвомъ берегу. . .

По африкански бѣдно было и въ кварталахъ, прилегающихъ къ Старому Порту, къ тому голому холмистому пространству, гдѣ когда-то были дворцы и храмы Птоломеевъ и гдѣ теперь, на мѣстѣ Серапеума, стоитъ такъ называемая колонна Помпея. По африкански горѣли противъ опускавшагося солнца стекла въ желтыхъ домахъ разноплеменной александрійской бѣдноты. Женщины въ туфляхъ и халатикахъ, похожія на евреекъ нашихъ южныхъ городовъ, съ раскрытыми тощими грудями, почернѣвшими отъ зноя, лѣниво сидѣли у пороговъ и держали на колѣняхъ полуголыхъ дѣтишекъ, лица которыхъ сплошь обляпаны муки. Тутъ же шатались шелудивыя бездомныя собаки. Ни кустика не было среди глиняныхъ рогатыхъ памятниковъ арабскаго кладбища, уже давно смѣшавшаго свои кости съ несмѣтными костями древнихъ кладбищъ и съ мусоромъ тысячелѣтнихъ останковъ сто кратъ погибавшей и вновь возрождавшейся Александрии. И надо всеми этими братскими могилами высилась колонна розоваго ассуанскаго мрамора. Меланхолически-прекрасенъ видъ отъ колонны: на западѣ — вечернее солнце, опускающееся къ золотой полосѣ Средиземнаго моря, на востокѣ — роши пальмъ, синяя пустынная равнина Мареотиса и пески, пески. . .

А на пути въ Каиръ сперва мелькали стѣны Александрии. Потомъ вагоны озарились золотистыми песчаными выемками, бѣлыми вилами и яркой синью утренняго неба.

Скоро ихъ смѣнилъ Мареотисъ: водная сіяющая гладь, острова камышей, необозримая зеркальность,

на отмеляхъ которой розовыми лиліями блистали тысячи длинноногихъ фламинго, ибисовъ и цапель. А за лагунами и поймами начали развертываться топи и равнины, воздѣланныя, какъ огороды, изрѣзанныя каналами и плотинами, и стекловидныя дали съ чуть видными оазами селеній. . .

Поѣздъ уносилъ меня къ югу, и все живѣе чувствовалъ я, что нигдѣ такъ быстро не падаешь въ глубь время, какъ здѣсь. Какъ древень этотъ смуглый людъ, орошающій поля, ѣдущій по плотинамъ на осликахъ, отдыхающій вмѣстѣ съ буйволами подъ жидкой тѣнью смоковницъ!

Вагонъ былъ переполненъ женщинами, до глазъ закутанными въ черное и бѣлое, фесками, шляпами, халатами, табачнымъ дымомъ, пылью и свѣтомъ. Воздухъ, вбьющій въ окна съ нивъ и каналовъ, становился все жарче и суше, — и вотъ начали хлопать поднимаемыя рамы, а за ними — рѣшетчатыя ставни. Воздарился полумракъ, изрѣзанный полосами свѣта и дыма, но духота стала уже дурманить. Я вышелъ на площадку — и ослѣпъ отъ блага блеска. Обдаетъ пламенемъ, точно стоишь возлѣ огромнаго костра, удушаетъ желтой пылью. . . Вижу сквозь пыль, что подъ колесами съ грохотомъ мелькаетъ сквозной мостъ и горячимъ стекломъ блещетъ внизу рѣка въ илестыхъ берегахъ. Это уже Ниль. Мимо поѣзда начинаютъ мелькать бѣлыя яркія стѣны и высокія пальмы: Танта. Съ разлета сталь поѣздъ, и хлынувшая изъ вагоновъ толпа мгновенно смѣшалась съ цвѣтистой толпой на раскаленной платформѣ. Но едва успѣлъ я схватить въ буфетѣ апельсинъ и пачку папиросъ, какъ двери вагоновъ уже опять захлопали. И опять —

равнины зрѣющаго хлѣба, каналы и черныя деревушки феллаховъ — полузвѣринныя хижины изъ ила, крытыя дурровой соломой. . . И опять противъ меня — коптъ и феллахъ. Коптъ — толстый, въ черномъ халатѣ, въ черной туго завернутой чалмѣ, съ темно-оливковымъ круглымъ лицомъ, карими глазами и раздувающимися ноздрями. Феллахъ — въ бѣлой чалмѣ и грубомъ балахонѣ, растегнутомъ на груди. Это совершенный быкъ, по своему нечеловѣческому сложенію, съ бронзовой шеей изумительной мощи. И сидитъ онъ такъ, какъ и подобаетъ ему, прямо потомку древняго египетскаго человѣка: прямо, нечеловѣчески спокойно, съ поднятыми плечами, ровно положивши ладони на колѣни. . .

1907.

СВѢТЪ ЗОДІАКА

I

Каиръ шумень, богатъ, многолюденъ.

Къ вечеру улицы политы. Нѣжно и свѣжо пахнеть цвѣтами, тепло и пряно — влажной пылью и нагрѣтыми за день мостовыми. Оживленнѣе гудять трамваи, рѣками текутъ шарабаны, коляски, кареты и верховые къ мосту черезъ Ниль, на катанье, гремятъ въ садахъ оркестры. . . Но вотъ по люднымъ широкимъ тротуарамъ, никого и ничего не замѣчая, идутъ бедуины, — худые, огнеглазые, высокіе, — и на ихъ чугунныхъ лицахъ — алый отблескъ жаркаго заката. Ихъ тонкія, сухія, почти черныя ноги голы отъ колѣнъ до большихъ жесткихъ башмаковъ. Лица грозны, головы женственны: на головы накинута и висятъ по плечамъ кэфіи — большіе платки изъ черносиней шерсти, а сверхъ платковъ лежитъ двойной обручъ, два черныхъ шерстяныхъ жгута. На тѣлѣ рубаха до колѣнъ, подпоясанная шалью, на рубахѣ — теплая безрукавка, а сверхъ всего — абая, шерстяная пѣгая хламида, грубая, тяжелая, съ короткими рукавами, но такая широкоплечая, такая свободная, что рукава, спускаясь, достигаютъ до кистей маленькихъ лиловыхъ рукъ. И царственно-гордо выгнуты

тонкія шеи, обмотанныя шелковыми платками, и небрежно опирается лѣвая рука съ серебрянымъ перстнемъ на мизинцѣ на рукоятку огромнаго ятагана, засунутаго за поясъ. . .

Старый Каиръ, сарацинскій, окружаетъ Каиръ новый, европейскій со стороны желтаго Мокатамскаго кряжа. Ему уже тысяча триста лѣтъ. Онъ основанъ «милостью и вѣліемъ Бога». Фостатъ — его первое имя — значитъ палатка. У подошвы Мокатама былъ Новый Вавилонъ, основанный еще при фараонахъ выходцами изъ Вавилона Халдейскаго, — колонія Рима. Настало время, когда надъ міромъ восторжествовала грозная и дикая мощь Ислама. Амру, полководецъ Омара, пришелъ къ Нилу и взялъ Вавилонъ. Въ его палаткѣ свила гнѣздо голубка. Уходя, Амру оставилъ палатку, дабы не трогать гнѣзда. И на этомъ мѣстѣ зачался «Побѣдоносный», Великій Каиръ.

Его узкія, длинныя и кривыя улицы переполнены лавками, цырюльнями, кофейнями, столиками, табуретами, людьми, ослиами, собаками и верблюдами. Его сказочники и пѣвцы, повѣствующіе о подвигахъ Али, зятя Пророка, извѣстны всему міру. Его шахматисты и курильщики молчаливы и мудры. Его базары равны шумомъ и богатствомъ базарамъ Стамбула и Дамаска. Въ немъ полтысячи мечетей, а вокругъ него, въ пустынь — сотни тысячъ могилъ. Мечети и минареты царятъ надо всѣмъ. Мечети плечисты, полосаты, какъ абаи, всѣ въ огромныхъ и пестрыхъ куполахъ-тюрбанахъ. Минареты высоки, узорны и тонки, какъ пики. Это ли не старина? Стары и погосты его, стары и голы. Тамъ, среди усыпальницъ халифовъ, среди усыпальницъ мамелюковъ и вокругъ полуразрушенной

мечети Амру, похожей на громадную палатку, — вѣчное безмолвіе песковъ и несмѣтныхъ рогатыхъ бугорковъ изъ глины, усыпляемое жалобною пѣснью пустынного жаворонка или пестрокрылыхъ чекканокъ. Но вотъ проходитъ и звонко и страстно кричитъ по узкимъ и шумнымъ коридорамъ базаровъ и улицъ сожженная нуждою и зноемъ женщина, со спутанными черными волосами, босая, въ одной полинявшей кубовой рубахѣ. Все достояніе ея въ козѣ, которую она ведетъ за собою, — въ старой козѣ съ длинной шелковисто-черной шерстью, съ длинными колокольцами-ушами и горбатымъ носомъ. Женщина кричитъ, предлагая подоить эту козу и за грошъ напоить «сладкимъ молокомъ» всякаго желающаго. И вся старина сараинскаго Каира тонетъ въ аравійской древности этого крика. А когда смотришь на мечети Каира и на его погосты, то думаешь о томъ, что мечети его сложены изъ порфира мемфисскихъ храмовъ и гранита разрушенныхъ пирамидъ, что дорога мимо погостовъ ведетъ по пустынѣ къ обелиску Геліополя-Она. И тогда и отъ европейскаго Каира и отъ Каира мусульманскаго мысль уносится къ древнему царству фараоновъ. И становится почти жутко, когда увидишь вдали каменные мощи этого царства — пирамиды Гизэ и Саккара. . .

II

Солнце склонялось къ Ливійской пустынѣ. Я смотрѣлъ со стѣнъ цитадели Каира, утвержденной на вы-

ступѣ скалъ Мокатама, на западъ, на востокъ и на сѣверъ, — на городъ, занявшій необозримую долину подъ цитаделью. Подошелъ и предложилъ свои услуги какой-то милый и тихій человекъ въ темномъ балахонѣ и бѣлой чалмѣ. Онъ прежде всего показалъ мнѣ колодець халифа Юсуфа. Но что же это за старина? Колодець глубокъ, какъ преисподняя, и только. Камни цитадели постарше — они изъ малыхъ пирамидъ Гизе!

Я все глядѣлъ въ пыль надъ долиною Нила и за Ниль, гдѣ, въ сухо-туманной пустынѣ, рисовались фіолетовые конусы самыхъ старыхъ пирамидъ и среди нихъ — ступеньчатая пирамида Аписовъ: Ко-Комехъ — «пирамида черного быка». Внутри она уже разрушается, а снаружи полузасыпана песками. Она даже не изъ камня, а изъ кирпичей нильскаго ила. Она на тысячу лѣтъ древнѣе великой пирамиды Хуфу. А близъ нея — Серапеумъ, безконечныя чернотѣнныя катакомбы, высѣченныя въ скалахъ. И, взглянувъ въ сторону Серапеума, я забылъ на минуту все окружающее. Ахъ, какъ пышно-прекрасны были эти «земныя воплощенія бога Нила», эти мощные траурные быки — черные, съ бѣлымъ ястребомъ на спинѣ, съ бѣлымъ треугольникомъ на лбу! Какъ мрачно-торжественны были ихъ погребальныя галлерей и гигантскіе саркофаги изъ гранита!

— Эль-Азхаръ, Гассанъ, — бормоталъ арабъ, перечисляя каирскія мечети, и, безшумно перебирая легкими босыми ногами, привелъ меня къ сѣверной стѣнѣ, къ другому обрыву, и опять сталъ указывать на море сѣраго огромнаго города, теряющагося въ пыли подъ нами.

Воздухъ былъ тепелъ и душенъ. Далеко на западъ склонялось къ слоистымъ пескамъ горячее мутное солнце. Пирамиды Гиза были ближе и лѣвѣй его: онѣ мягко и четко выдѣлялись среди этихъ пепельныхъ дюнъ фіолетовыми конусами. Необъятное пространство между небомъ, пустыней и долиной Каира было все въ пыльно-золотистомъ блескѣ. Солнце опускалось все ниже, бѣлый шлемъ, который я держалъ въ рукахъ, сталъ алтъ. Съ минаретовъ понеслись къ блѣдному бездонному небу древне-печальныя прославленія Бога. Летучія мыши дрожащими зигзагами зарѣяли вокругъ: онѣ любятъ теплые вечера, катакомбы, пустынные скалы. . .

Въ пустынѣ, сзади цитадели, раскинуты среди песковъ мечети-гробницы халифовъ. Онѣ всѣми забыты, приходятъ въ ветхость. Тамъ въ усыпальницѣ Каидъ-Бей окна горятъ такой цвѣтной мозаикой, равной которой нѣтъ на землѣ. Тамъ есть два камня изъ Мекки — одинъ сиреневый, другой розовый — и на нихъ слѣды Магомета. Но что Каидъ-Бей и Магометъ! За могилами халифовъ, среди песковъ, уходящихъ до Краснаго моря, на самой окраинѣ холмовъ Іудейскихъ, есть оазъ, гдѣ, по слову Осии, «терніи и волчцы выросли на жертвенникахъ Израиля», гдѣ съ землею сровнялись слѣды города, болѣе славнаго и древняго, чѣмъ самый Мемфисъ, — слѣды Она-Геліополя, Бетъ-Шемеса, по-еврейски, — «Дома Солнца». Это было средоточіе культа Гора и высшей жреческой мудрости. Усиртесенъ Первый пять тысячъ лѣтъ тому назадъ воздвигъ передъ онійскимъ храмомъ Солнца, самымъ чтимымъ въ древнемъ мірѣ, своиobeliski изъ розовыхъ гранитовъ и украсилъ ихъ золотыми наконечни-

ками. Въ дни патріарховъ Іосифъ, сынъ Іакова, женился въ Онѣ на дочери первосвященника Потифера — «посвященнаго Солнцу»; Моисей, воспитавшійся тамъ, основалъ на служеніи Изидѣ служеніе Іеговъ; Солонъ слушалъ первый разсказъ о потопѣ; Геродотъ — первыя главы исторіи, Пифагоръ — математику и астрономію; Платонъ, проведеншій въ академіи Она тринадцать лѣтъ, — презрительно-грустныя слова: «Вы, эллины, — дѣти»; въ Онѣ жила сама Богоматерь съ Младенцемъ. . .

Солнце тонетъ въ сухой сизой мути, и шафранный свѣтъ запада быстро меркнетъ. Мириады веселыхъ огней разсыпаются по темнѣющей долинѣ Каира. Со всѣхъ сторонъ обступаетъ Каиръ африканская душная ночь. Изъ тьмы невѣдомыхъ горячихъ странъ пролагаетъ свой путь священная рѣка, источники которой знали лишь жрецы Саиса. Невѣдомыя экваторіальныя созвѣздія поднимаются оттуда, — и звѣздное небо принимаетъ «видъ лучистыхъ алмазовъ на чернобархатномъ покровѣ гроба». Черное! Сколько тутъ чернаго! Черны были палатки таинственныхъ азіатскихъ кочевниковъ, «царей-пастуховъ», несмѣтной ратью охватившія нѣкогда Египетъ на цѣлыхъ пятьсотъ лѣтъ. Черны были Аписы Мемфиса. Чернымъ гранитомъ лоснились скаты пирамиды Хуфу. «Семусиномъ» — черно-пламеннымъ ураганомъ песковъ — прошелъ по Египету Камбизъ, до основанія разрушивъ и Онѣ и Мемфисъ, и это въ его полчищахъ семусинъ пожралъ въ одинъ день полтораста тысячъ жизней на пути къ черной Нубіи! И вотъ тогда-то и дохнуло на Египетъ дыханіе смерти, и «помутилось солнце его отъ пыли сраженій и отъ куреній жрецовъ,

и прибѣгъ онъ къ идоламъ и чародѣямъ и къ вызывающимъ мертвыхъ» . . .

На мѣстѣ Она, нынѣ покрытомъ хлѣбами, пальмами и хижинами арабской деревушки Матаріэ, среди оаза, что питается родникомъ Айнъ-Шемесь — «Солнечнымъ источникомъ», — одиноко стоитъ десятисаженный обелискъ, на треть утонувшій въ землѣ, извѣденный іероглифами и облѣпленный гнѣздами ось. А въ Ливійской пустынѣ сонныя змѣи песковъ бѣгутъ и бѣгутъ во входы пирамидъ, уже давно пустующихъ. Муміи изъ гробницъ и пирамидъ Саккара выкинуль еще Камбизъ. Пустой саркофагъ изъ базальта, найденный въ пирамидѣ Менкери, потонуль вмѣстѣ съ кораблемъ въ океанѣ, на пути въ Британію. Пустой огромный саркофагъ стоитъ и въ Великой пирамидѣ. Кто тотъ, что покоился въ ней? Хуфу? Копты говорятъ: нѣтъ, Сауридъ, жившій за три вѣка до потопа и отъ потопа сохранившій въ ней и свой трупъ и всѣ сокровища египетской мудрости. . . Въ тѣ долгіе вѣка, когда умершій Египетъ пребывалъ въ тишинѣ и забвеніи, пришли въ его пустыни новые завоеватели, арабы, пробили, послѣ долгихъ исканій, уже ободранную Великую пирамиду и въ гробовой тѣмѣ, по узкимъ ходамъ, ведущимъ въ сердце пирамиды, проникли, въ надеждѣ на клады, въ покой человѣка, умершаго въ началѣ міра. Но, озаривъ факелами заблѣтвшія, какъ черный ледъ, шлифованно-гранитныя стѣны этого покоя, въ ужасѣ отступили: посреди него стоялъ прямоугольный и тоже весь черный саркофагъ. Въ немъ лежала мумія въ золотой бронѣ, осыпанной драгоценными камнями, и съ золотымъ мечомъ у бедра. На лбу же муміи краснымъ огнемъ горѣлъ гро-

мадный карбункулъ, весь въ письменахъ, непонятныхъ ни единому смертному. . .

III

Я кончилъ этотъ вечеръ въ театрѣ, на площади, сплошь занятой табуретами и столиками, шумной и людной, какъ ярмарка.

Двери театра были открыты настежь, но въ партерѣ, усѣянномъ фесками, стояла одуряющая духота. Что же было въ рѣшетчатыхъ ложахъ, гдѣ помѣщаются гаремы? Подняли подъ музыку занавѣсъ — и въ глубинѣ сцены открылся плакатъ: лиловая ночь и преобладающая луна надъ лиловымъ силуэтомъ города, состоящаго изъ однѣхъ пальмъ и мечетей и четко отраженнаго въ блѣдно-лиловой рѣкѣ. На полу среди сцены стояло ярко-зеленое дерево, а подъ деревомъ — арабъ въ пышной старинной одеждѣ и колоссальномъ тюрбанѣ. Страстно завылъ и загудѣлъ оркестръ и арабъ, приложивъ одну руку къ сердцу, а другую, дрожащую, вытянувъ, разразился такими гнусавыми воплями, что весь партеръ затрепеталъ отъ рукоплесканій. Арабъ жаловался на несчастную любовь и прокладывалъ кому-то душу, лишь бы увидѣть свою милую. Затѣмъ онъ смолкъ, закрылъ лицо руками и затрясся отъ беззвучныхъ рыданій. А наплакавшись, глубоко вздохнулъ, снялъ темный широчайшій халатъ, положилъ его подушкой подъ деревомъ и, оставшись въ другомъ, блѣдно-розовомъ, легъ спать. Музыка подъ сурдинку запиликала что-то осторожное, хитрое.

И тогда изъ-за кулисъ безшумно выпорхнули черти въ красныхъ балахонахъ, съ бѣлыми изображеніями череповъ на груди. Радостно подвывая и взвизгивая, они закружились надъ своей добычей. И вдругъ ухнулъ барабанъ — и, подхвативъ свящаго, черти бросились за кулисы. . .

Домой я вернулся за полночь. Каиръ затихалъ. Съѣдаемый москитами, я безъ сна лежалъ на широкой постели въ жаркомъ номерѣ. Передъ разсвѣтомъ взошелъ мѣсяцъ, озарилъ теплымъ золотистымъ свѣтомъ верхушки пальмъ во дворѣ отеля и противоположные балконы, и въ окна потянуло свѣжестью. Я сталъ забываться. Но тутъ воздухъ внезапно дрогнулъ отъ мощнаго трубнаго рева. Ревъ загремѣлъ побѣдно, оглушающе — и, внезапно сорвавшись, разразился страшнымъ, захлебывающимся скрипомъ. Рыдалъ въ сосѣднемъ дворѣ осель — и рыдалъ безконечно долго!

Утро въ Каирѣ восхитительно. Чистые широкіе проспекты еще въ тѣни и пусты. Снова полита зелень въ цвѣтникахъ, палисадникахъ и скверахъ, нѣжно и свѣжо пахнущихъ. Верхушки пальмъ розовѣютъ, небо легко и жемчужно-бирюзово. Экипажъ быстро катится по гладкимъ мостовымъ. Ёдемъ къ пирамидамъ. Вотъ мостъ съ бронзовыми львами черезъ Ниль. Свѣтъ утренняго солнца ослѣпительно блещетъ надъ розово-голубымъ моремъ пара, въ которомъ тонуть и острова и вся долина Нила. «Привѣтъ тебѣ, Амонъ-Ра-Гормахисъ, самъ себя производящій! Привѣтъ тебѣ, священный ястребъ со сверкающими крыльями, многоцвѣтный фениксъ! Привѣтъ тебѣ, дитя, ежедневно рождающееся, старецъ, проплывающій вѣчность!»

Ниль подъ мостомъ дымится, и въ дыму медленно

идуть сѣрые паруса барокъ. Вереницы ословъ и верблюдовъ, нагруженныхъ овощами, зеленью, молокомъ, птицей, тянутся на базары и несутъ въ городъ простоту деревни, здоровье полей. Переѣзжаемъ островъ, потомъ рукавъ Нила, ѣдемъ мимо зоологическаго парка, — и впереди открывается низменность, равнина зрѣющихъ ячменей и пшеницы: стоитъ время Шаму, какъ называли египтяне жатву. И прямая, какъ стрѣла, аллея акацій до самой пустыни прорѣзываетъ эту равнину. Тамъ, въ самомъ концѣ аллеи, какъ деревенскія риги, стоятъ на обрывѣ скалисто-песчаннаго плоскогорья три каменныхъ треугольника цвѣта старой соломы.

Когда мы подъѣзжаемъ къ этому обрыву, рѣзко желтѣеть его песокъ и мягко и четко возносятся надъ нимъ въ прозрачный воздухъ зубчатая грани каменной громады ржаво-соломеннаго цвѣта: Великая пирамида Хуфу!

Отъ нея — одинъ изъ самыхъ дивныхъ видовъ въ мѣрѣ. Цѣлая страна, чуть не вся низменность Дельты, теряется на сѣверѣ, радуя вѣчной молодостью природы: молоды кажутся отсюда, изъ пустыни, съ древнѣйшаго на землѣ кладбища, эти нивы, пальмы, селенія! На югѣ тонетъ въ солнечномъ туманѣ долина Нила. Впереди чуть виденъ мутно-аспидный Каиръ и призраки Аравійскихъ горъ. А сама пирамида, стоящая сзади меня, восходитъ до яркихъ небесъ великой ребристой горой.

Обойдя ее, я вижу, что сѣверный бокъ ея высоко занесенъ пескомъ. Вдали, въ сторону Ливійской пустыни — второй треугольникъ, пирамида Хафри. Ея громада, почти равная первой и тоже утонувшая въ сло-

истыхъ пескахъ, снизу ободрана, доисторически груба и проста, какъ и Хуфу, но вверху блеститъ розовымъ гранитомъ. Въ чистомъ воздухѣ она кажется необыкновенно близкой. Но еще болѣе четки на сини небосклона грани третьей — «красной» пирамиды Менкери, еще сплошь покрытой сіенитомъ. Она гораздо меньше и острѣе двухъ первыхъ. А къ горизонту, тамъ, гдѣ пустыня, поднимаясь волнистыми буграми, ярко подчеркиваетъ сине-лиловое небо, теряется за песками еще нѣсколько маленькихъ конусовъ. . . Вотъ она, ясность красокъ, нагота и радость пустыни!

Входъ въ Великую пирамиду передо мною. Пески засыпали ея скатъ какъ разъ до того мѣста, гдѣ нашли когда-то отверстіе въ «самое таинственное святилище міра». Я знаю, что это отверстіе падаетъ внизъ по скользкому склону въ триста футовъ, въ удушающій мракъ, въ тѣноту. Тамъ теперь нѣтъ ничего, кромѣ тьмы, летучихъ мышей и огромной гробницы безъ крышки. . . Гдѣ же кости того, кто вотъ уже шесть тысячъ лѣтъ изумляетъ землю? Онѣ, говорятъ, покоились на днѣ шахты, — подъ пирамидой, а не въ ней. Шахта будто бы соединялась подземнымъ ходомъ съ Ниломъ. . . съ подземнымъ капищемъ Изиды, которой посвящена пирамида. . . съ ходомъ подъ Сфинксъ. . . Но не все-ли равно? Вотъ я стою и касаюсь камней, можетъ быть, самыхъ древнихъ изъ тѣхъ, что выгесали люди! Съ тѣхъ поръ какъ ихъ клали въ такое же знойное утро, какъ и нынче, тысячи разъ измѣнялось лицо земли. Только черезъ двадцать вѣковъ послѣ этого утра родился Моисей. Черезъ сорокъ — пришелъ на берегъ Тиверіадскаго моря Иисусъ. . . Но исчезаютъ вѣка, тысячелѣтія, — и вотъ, братски соединя-

ется моя рука съ сизой рукой аравійскаго плѣнника, клавшаго эти камни. . .

Къ Сфинксу иду по указаніямъ самого Хуфу:

«Горь живой, царь Египта Хуфу, нашель храмъ Изи́ды, покровительницы пирамиды, рядомъ съ храмомъ Сфинкса, къ сѣверо-западу отъ храма Озириса, господина гробницы, и построилъ себѣ пирамиду рядомъ съ храмомъ этой богини. . . Мѣсто Сфинкса — къ югу отъ храма Изи́ды, покровительницы пирамиды, и къ сѣверу отъ храма Озириса. . .»

По песчанымъ шелковистымъ буграмъ цвѣта львиной шкуры я спускаюсь отъ пирамиды въ котловину, гдѣ лежитъ каменное стоаршинное чудовище, каменная гряда съ тринадцатнаршинной головой. И вступаю въ святая святыхъ Египта. Это уже послѣдняя ступень исторіи!

Вокругъ меня мѣртвое, жаркое море дюнь и долинъ, полузасыпанныхъ песками скаль и могильниковъ. Все блеститъ, какъ атласъ, отдѣляясь отъ шелковистой лазури. Всюду гробовая тишина и бездна пламеннаго свѣта. Вотъ страшная извилистая полоса на пескѣ, — здѣсь протащила свой жгутъ змѣя, можетъ быть, сама Фи, знаменитая въ священныхъ писаніяхъ Египта, вся желто-бурая, вся въ бурыхъ поперечныхъ лентахъ, съ маленькими вертикальными глазками, отъ всѣхъ гадовъ отличная рожками. Ноги мои вязнутъ, солнце жжетъ тѣло сквозь тонкую бѣлую одежду. Пробковый шлемъ внутри весь мокрый. Но я иду и не свожу глазъ со Сфинкса.

Туловище его высѣчено изъ гранита цѣликомъ, — приставлены только голова и плечи. Грудь обита, плоска, слоиста. Лапы обезображены. И весь онъ, грубый,

дикій, сказочно-громадний, носить слѣды жуткой древности и той борьбы, что съ незапамятныхъ временъ суждена ему, какъ защитнику «Страны Солнца», Страны Жизни отъ Сета, Бога Смерти. Онъ весь въ трещинахъ и кажется покосившимся отъ песковъ, наискось засыпающихъ его. Но какъ спокойно, спокойно глядитъ онъ куда-то на востокъ, на далекую солнечно-мглистую долину Нила! Его женственная голова, его пятиаршинное безносое лицо вызываютъ въ моемъ сердцѣ почти такое же благоговѣніе, какое было въ сердцахъ подданныхъ Хуфу:

«Честь тебѣ, старецъ, многоликій владыка, испускающій лучи, разгоняющій мракъ!»

И, спустившись къ лапамъ Сфинкса, я заглядываю въ полузасыпанную шахту между ними и несмѣло поднимаю глаза на красноватый исполинскій ликъ его...

Есть «Свѣтъ Зодіака». Онъ встаетъ серебристымъ пирамидальнымъ сіяніемъ на темномъ небѣ жаркихъ странъ долго спустя по закатѣ. Онъ еще не разгаданъ. Но божественная наука о небѣ называетъ его свѣченіемъ первобытнаго свѣтоноснаго вещества, изъ котораго склубилось солнце. Я еще помню отблескъ закатившагося Солнца Греціи. Теперь, возлѣ Сфинкса, въ катакомбахъ міра, зодіакальный свѣтъ первобытной вѣры встаетъ передо мною во всемъ своемъ страшномъ величій.

IV

Отъ свѣта, отъ блеска песковъ и неба я былъ пьянъ всю дорогу до Каира. Жаркая сквозная тѣнь беско-

нечной аллеи кружевомъ бѣжала по лошадымъ, по спинѣ извозчика, по моимъ колѣнямъ. Разливы спѣлыхъ хлѣбовъ дремали полуденной дремотой. Полуденнымъ сномъ и солнцемъ былъ отягченъ зоологическій паркъ. Жутко и пышно было въ немъ въ эту часть! Я остановилъ коляску и вошелъ.

До земли висѣли вѣтви мимозъ. Высоко возносились въ пламенный воздухъ, въ пыльно-серебристое небо пальмы. Накалялись цвѣтники. На горячихъ дорожкахъ мѣли, цѣпенѣли огромныя бабочки сказочно-богатыхъ рисунковъ. Въ загонѣ подъ какими-то высокими зонтичными деревьями стоялъ покатыи жирафъ, древне-египетскія изображенія котораго считались когда-то баснословной смѣсью всѣхъ животныхъ, и, поводя змѣиной шеей, тянулся рогатой головкой къ листьямъ макушекъ; и нельзя было понять, льются ли это узоры свѣтотѣни или блеститъ и переливается его песочно-пантеровая шкура. Въ другихъ загонахъ, закрывъ ясные дѣвичьи глазки, истомленные душной тѣнью, лежали палевыя газели и антилопы. А дальше снова шли открытыя солнцу пруды и поляны. Неподвижно, на одной ногѣ, какъ на блестящей трости, стояли въ теплой грязной водѣ прудовъ розовые фламинго, надутые пеликаны, хохлатыя тонкія цапли. Неподвижно, бронзово-зелеными маслянистыми бревнами, лежали среди плавучихъ острововъ допотопные хампы Египта — свиноглазые крокодилы, до половины высунувшись на горячую илистую отмель. И безсильно, плоско растягивались на пескѣ и пестрыхъ камняхъ, за частой сѣткой клѣтокъ, плетевидныя гады, большеротыя, остроглазые, съ самоцвѣтными головками. Иные сверкали всѣмъ великолѣпиемъ палитры:

въ свѣжихъ краскахъ, иные — іероглифами точекъ, рѣшетокъ, полосъ. Медленно ползла сѣрая, въ черныхъ чешуйкахъ, «кошачья змѣя» и, какъ всякій ползущій гадъ, казалась длинной-длинной. «Ночныя» змѣи дремали. Онѣ такъ втирались въ песокъ и такъ сливались съ нимъ, что лишь случайно наталкивался я на ихъ неподвижно-стеклянные глаза съ вертикально-хищными зрачками. Самоцвѣтными камнями сверкали, скользя, ящерицы. Искрились тысячи золотистокупоросныхъ мухъ. Пряно пахли нагрѣтыя травы. Животной теплой вонью несло изъ загона, гдѣ бродили голенастые страусы, нося на своихъ лошадиныхъ ногахъ кургузья туловища въ атласно-бѣлоснѣжныхъ курчавыхъ перьяхъ и съ глупымъ удивленіемъ вытягивая лысыя головки на голыхъ шеяхъ. Хищно, восторженно и неожиданно вскрикивали въ мертвой тишинѣ крѣпкоклювые, горбоносые попугаи, — радужные, рубиново-синіе, золотые и зеленые. И тогда садъ казался Эдемомъ, заповѣднымъ приютомъ блаженства и «незнанія». Но, снѣдаемый жаждой знанія, жаждой запретнаго, я ходилъ отъ рѣшетки къ рѣшеткѣ змѣиныхъ клѣтокъ. Ужась и отвращеніе вселяла лѣнивая, широколобая, пучеглазая «капская гадюка», лежащая толстымъ ярко-соломеннымъ жгутомъ въ темныхъ подковкахъ. Свившись въ палевую спираль, отливавшую голубымъ пепломъ, неподвижно смотрѣла въ пространство круглоглазая, съ яйцевидной головкой Гайя, неотразимо-смертоносная покровительница всего древняго Египта, — символъ величія и власти, уреусъ на царскихъ митрахъ, жгутъ, обвивающій крылатую эмблему Гора, «ара», сто кратъ изображенная надъ входами храмовъ. . .

А Каиръ встрѣтилъ меня закрытыми ставнями, сохнувшими отъ зноя деревьями, бѣлыми пустыми улицами. Небо было тускло, дулъ жгучій пыльный вѣтеръ. То былъ вѣстникъ самого бога Сета. И дышалъ онъ, пламенный, надъ странною могилою отъ первородныхъ чадь ея съ таинственнаго и грознаго Юга, — оттуда, «гдѣ Богъ въ своемъ лучезарномъ теченіи покрываетъ кожу людей мрачнымъ блескомъ сажи и, изсушая, курчавить ихъ волосы».

1907.

ИУДЕЯ

И Господь поставилъ меня среди поля, и оно было полно костей.

Иезекииль.

I

Штиль, зной, утро. Кинули якорь на рейдѣ передъ Яффой.

На палубѣ гамъ, давка. Босые лодочники въ полосатыхъ фуфайкахъ и шароварахъ юбкой, съ буро-сизыми, облитыми потомъ лицами, съ выкаченными кровавыми бѣлками, въ фескахъ на затылокъ орутъ и мечутъ въ барки все, что попадаетъ подъ руку. Градомъ летятъ туда чемоданы, срываются съ траповъ люди. Срываюсь и я. Барка полнымъ-полна кричащими арабами, евреями и русскими.

Пароходъ, чернѣя среди зеркальнаго взморья, отдаляется, кажется маленькимъ. Мала и Яффа. До нея еще далеко, но воздухъ такъ чистъ, а восточные контуры ея кубическихъ домиковъ, среди которыхъ то тамъ, то тутъ метелкой торчитъ пальма, такъ четки и просты. Уступами громоздится этотъ каменный, цвѣта банана, городокъ на обрывистомъ прибрежьѣ. Отъ рейда его отдѣляетъ длинная гряда рифовъ. За ними, у береговыхъ отмелей, шелкомъ сіяютъ обвисшіе

паруса на высокихъ, тонкихъ мачтахъ лодокъ. Ихъ больше всего возлѣ сѣверной отмели, гдѣ когда-то былъ Водоемъ Луны, финикійская гавань. Съ сѣвера къ Яффѣ подступаетъ золотисто-синяя отъ воздуха и солнца Саронская долина. Съ юга — желто-сѣрые филистимскіе пески. На востокъ — знойно-голубой миражъ Іудеи. Тамъ, за горами — Іерусалимъ.

Въ штиль рифы обнажаются — барка спокойно проскальзываетъ между ихъ ржавыми, мокрыми и нестерпимо блестящими на солнцѣ глыбами. На пристани сараи таможни. По гладкимъ каменнымъ уступамъ, въ тѣни звонкихъ переулочковъ поднимаемся къ базару. О Стамбулѣ напоминаетъ въ первую минуту запахъ гнѣющихъ апельсиновъ и укропа, смѣшанный съ чадомъ восточной кухни. Но нѣтъ, даже въ самыхъ глухихъ закоулкахъ Стамбула нѣтъ плитъ, столъ выбитыхъ и отшлифованныхъ копытами и туфлями, и такой толпы — такихъ грубыхъ одеждъ, такого жесткаго загара и такихъ гортанныхъ криковъ! Вотъ базаръ съ мокрымъ фонтаномъ, съ водоносами подъ бурдюками и кувшинами, съ верблюдами и собаками, съ грудями фруктовъ и зелени, съ кофейнями и лавчонками въ крытыхъ полутемныхъ рядахъ... Да, тутъ все старѣе, восточнѣе. И небо надъ базаромъ ярче, и зной не тотъ. А какіе дряхлые хананеи съ красными кроличьими глазами мѣняютъ въ сумракѣ рядовъ бешлыки на лепты и пѣстры на парички!

Въ садахъ вокругъ Яффы — пальмы, магноліи, олеандры, чащи померянцевъ, усѣянныхъ огненной розсыпью плодовъ. Запыленные ограды изъ кактусовъ въ желтомъ цвѣту дѣлятъ эти сады. Между оградами, по песчано-каменистымъ тропинкамъ, медлен-

но струится меланхолическій звонъ бубенчиковъ — тянется караванъ верблюдовъ. Гдѣ-то журчитъ по канальчикамъ вода — подъ однотонный скрипъ колесъ, качающихся ее изъ цистернъ. «Этотъ ветхозавѣтный скрипъ волнуетъ.» Но еще больше волнуетъ сама Яффа. Эти темныя лавчонки, гдѣ тысячу лѣтъ торгуютъ все однимъ и тѣмъ же — хлѣбомъ, жареной рыбой, уздечками, серебряными кольцами, связками чесноку, шафраномъ, бобами; эти черные, курчаво-сѣдые старики-семиты съ обнаженными бурыми грудями, въ своихъ пѣгихъ хламидахъ и бедуинскихъ платкахъ; эти измаилитянки въ черно-синихъ рубахахъ, идущія гордой и легкой походкой съ огромными кувшинами на плечахъ; эти нищіе, хромые, слѣпые и увѣчные на каждомъ шагу — вотъ она, подлинная Палестина древнихъ варваровъ, земныхъ дней Христа!

На другой день покидаемъ Яффу, направляясь по Саронской долинѣ къ Иерусалиму. Пустынный путь! Нарциссы долины, изъ-за легендарнаго плодородія которой было пролито столько крови, теперь начинаютъ выпаживать. Иудея опять понемногу заселяется своими прежними хозяевами, страстно мечтающими о возвратѣ дней Давида. Но цвѣтовъ еще много, слишкомъ много. Всюду макъ, макъ и макъ: щедро усѣялъ онъ эти пашни и нивы своими огненными лепестками.

Очаровательный вѣтеръ весенняго дня и приморской степи, солнечное тепло, сладкій ароматъ цвѣтущихъ оливъ, хлѣбовъ и горячей земли вѣетъ въ окна коротенькаго повъзда, разъ въ сутки пробѣгающаго по долинѣ и горамъ къ Иерусалиму. Онъ идетъ по волнистымъ полямъ, среди ржавыхъ пашней и зеленыхъ посѣвовъ, то и дѣло встрѣчаетъ вереницы верблюдовъ,

стада черныхъ козъ и сѣрыхъ овецъ, кучками толпящихся то тамъ, то здѣсь подъ охраной подудикихъ пастиуховъ и собакъ, похожихъ на шакаловъ.

— Но, Боже, сколько маку! — говоритъ мой спутникъ, русскій еврей, старикъ съ большой сѣро-сизой бородой.

А за Лиддой и Рамлэ, — каменными кубами арабскихъ городковъ, ярко бѣлѣющихъ подъ ярко-синимъ небомъ среди финиковыхъ пальмъ и кипарисовъ, — почва становится еще суше, еще кремнистѣе и волнистѣй, а хлѣба еще слабѣе и жиже. Начинается подъемъ, — до самаго Иерусалима. Уже виденъ впереди сѣрый камень, синь впадинъ и ущелій. Поѣздъ медленно выбиваетъ тактъ короткими вздохами, свистки его дѣлаются гулки и звонки, путь извилистѣй; мы глядимъ на небо уже изъ какой-то голой, каменистой котловины. И вотъ котловины начинаютъ смѣняться котловинами, ущелья ущельями. . . Иногда они оживляются сожженой зноемъ зеленью деревьевъ, растущихъ на ихъ кремнистыхъ ложахъ, или пелазгическими останками хананейскихъ укрѣпленій на куполообразныхъ вершинахъ; иногда овцами, разсыпанными по сухимъ обрывамъ, среди гольшей въ лишаяхъ и колючкахъ; или рядами каменныхъ оградокъ, — слѣдами террасъ, на которыхъ споконъ вѣку разводили здѣсь сады и виноградники. . . Только гдѣ же тѣ «бездны», которыми будто бы поражаютъ Иудейскія горы? Гдѣ высоты, что будто бы «еще дышать величьемъ Иеговы и ужа-сами смерти»?

Солнце скрылось, въ горахъ тѣнь. Мы уже въ самой сердцевинѣ ихъ. Все поднимаясь и поднимаясь, проползаемъ мы кремнистыя долины, извивающейся

гусеницей огибаетъ поѣздъ сѣро-желтыя каменныя ковриги, густо усыпанныя круглыми голышами... Это именно здѣсь, въ одной изъ этихъ котловинъ, «взявъ посохъ свой въ руку свою Давидъ и выбралъ пять гладкихъ камней изъ ручья и поразилъ Голиаѳа...»

Передъ вечеромъ поѣздъ выползаетъ наконецъ на темя горъ — и вдали, среди нагихъ переваловъ и впадинъ, изрѣзанныхъ бѣлыми лентами дорогъ, показываются черепичныя кровли новаго Иерусалима, окружившаго съ запада зубчатую сарацинскую стѣну стараго, лежащаго на скрытомъ отъ насъ скатѣ къ востоку. Тутъ мой спутникъ поднимается съ мѣста, становится лицомъ къ окну, закрываетъ глаза и быстро-быстро начинаетъ бормотать молитвы. Мы уже на большой высотѣ, солнце стоитъ низко, поднялся вѣтеръ — и дрожь пробѣгаетъ по тѣлу при выходѣ изъ жаркаго вагона. Не дрожь ли горькаго разочарованія? Новый, но какой-то захолустный вокзалъ изъ сѣраго камня. Передъ вокзаломъ галдятъ оборванные извозчики — евреи и арабы. Дряхлый, гремящій всѣми винтами и гайками фаэтонъ, пара клячъ въ дышлѣ... И въ то время, какъ сизый носильщикъ швыряетъ въ фаэтонъ наши чемоданы, спутникъ мой подѣтски, ладонью наружу, закрываетъ глаза и тихо плачетъ, покачивая шляпой.

II

Вчера весь день я бродилъ по Иерусалиму, нынче объѣхалъ верхомъ вокругъ его стѣнъ и на закатѣ возвратился къ Западнымъ воротамъ.

Какъ груба и стара громада вороты! Зубчатая сарацинская башня, въ упоръ освѣщенная низкимъ солнцемъ, вся какъ будто изъ потемнѣвшаго отъ времени желѣза. Небольшая площадь за воротами почти вся въ тѣни, падающей и отъ нихъ и отъ тяжелой цитадели Давида съ ея рвами и бойницами. Направо — нѣсколько европейскихъ домовъ, магазиновъ. Напротивъ — улица Давида: узкій, темный, крытый холстами и сводами ходъ между старыми-старыми мастерскими и лавками. Изъ него выныриваютъ навьюченные ослы, фески, женщины, съ головой завернутыя въ покрывала, постукивающія деревянными скамеечками, замѣняющими здѣсь туфли. . . Вечерній свѣтъ, падающій изъ воротъ на жерло этого входа, дѣлаетъ его совсѣмъ чернымъ. Какъ разъ возлѣ него — высокій, узкій домъ, нашъ отель. Спрыгнувъ съ лошади, я иду туда, гдѣ провожу всѣ вечера, — на крышу. Иду по внутреннимъ и наружнымъ лѣстницамъ, на одномъ поворотѣ останавливаюсь: за окномъ подо мной — громадный «водоемъ пророка Іезекіи», темно-зеленая вода котораго стоитъ прямо среди домовыхъ стѣнъ съ рѣшетчатыми окошечками, пробитыми какъ попало — и очень высоко и очень низко. Медленно спускается изъ одного такого окошечка кожаное ведро на веревкѣ. . .

Солнце на закатѣ. Я выхожу на крышу, снимаю пробковый шлемъ, и по головѣ моей дуетъ съ запада сильный и прохладный вѣтеръ. Небо глубокое, блѣд-

но-синее, безъ единого облачка. Я на темени Іуден, среди волнистаго плоскогорья, лишь кое-гдѣ покрытаго скудной зеленью. Все мягкаго, но очень опредѣленнаго сѣро-фіолетоваго тона. Застывшіе перевалы, глубокія долины, куполообразные холмы. . . За мной, въ закатѣ, — оливковыя рощи и раскиданныя по холмамъ зданія: католическіе приюты, школы, госпитали, виллы. На сѣверѣ, на горизонтѣ — четкій известковый конусъ, гора Самуила. На востокѣ, за Кедрономъ и горой Елеонской, — Іудейская пустыня, долина Іордана и стѣнной нѣжно-фіолетоваго дыма заступившій полнеба, ровный и высокій хребетъ отъ вѣка таинственныхъ Моавитскихъ горъ. Прямо же подо мною плоской, голой кровлей желто-розоваго цвѣта лежитъ каменная масса небольшого аравійскаго города, со всѣхъ сторнъ окруженнаго глубокими долинами и оврагами.

«Іерусалимъ, устроенный, какъ одно зданіе!» — вспоминаю я восклицаніе Давида. И правда: какъ одно зданіе лежитъ онъ подо мною, весь въ каменныхъ купольчикахъ, опрокинутыми чашами раскиданныхъ по уступамъ его сплошной кровли, озаренной низкимъ солнцемъ. Первобытно-простой по цвѣту, первобытно-грубый по кладкѣ, безъ единого деревца, — только одна старая высокая пальма на южной сторонѣ, — онъ весь заключенъ въ зубчатую толщу стѣнъ и кажется несокрушимымъ. Онъ, воспѣтый Давидомъ и Соломономъ, нѣкогда блиставшій золотомъ и мраморомъ, окруженный садами Пѣсни Пѣсней, нынѣ возвратился къ аравійской патріархальной нищетѣ. Уступами сходящій къ кремнистой ложбинѣ Кедрона, къ переполненной несмѣтными могилами Іосафатовой до-

линѣ, окруженный пустырями и оврагами, онѣ кажется тяжкимъ и грубымъ вретищемъ, одѣвшимъ славный прахъ былого.

Надъ нимъ высятся рѣдкіе минареты, католическія колокольни и рубчатый черносиній куполь приземистой Мечети Омара, занявшей мѣсто храма Соломона. За стѣной домовъ, надъ водоемомъ, лежащимъ подо мною, два тоже рубчатыхъ черно-синихъ купола. Это главы тяжкихъ, вросшихъ въ землю храмовъ надъ Гробомъ и Голгофой. Въ чистомъ воздухѣ необыкновенно близка кажется Мечеть. А до купола Гроба просто хочется дотронуться. Тысячи черныхъ стрижей врезжаты и носятся надъ этой каменной стариною. Солнце опускается, въ темныхъ норахъ и переходахъ, скрытыхъ кровлею города, въ грязныхъ базарныхъ рядахъ, замираетъ шумъ и говоръ торга. . . Боже, неужели это правда, что вотъ именно здѣсь былъ распятъ Иисусъ? И неужели это надъ Его гробомъ блещетъ теперь въ полумракѣ византійскихъ сводовъ и подземелій жуткое великолѣпіе несмѣтныхъ лампадъ, огромныхъ погребальныхъ свѣчей, золота и драгоценныхъ камней, стоитъ бальзамическій дымъ ладана, запахъ воска, кипариса, розовой воды!

Вотъ съ какой-то католической башни одинокій звонкій колоколь бьетъ семь. Когда замираетъ его послѣдній звукъ, издалека раздается грустный сильный альтъ, призывающій къ смиренному прославленію Аллы за мирно угасшій день. Вѣтеръ съ запада, холодный. Солнце скрылось. На городъ и на всю Іудею пала легкая пепельная тѣнь. Моавитскія горы — какъ южное море въ туманѣ. Блекнетъ сѣро-сиреневая пустыня Іордана. Пепель, павшій на городъ, становится.

розово-сизымъ. Вѣтеръ колеблетъ первья одинокой пальмы, возвышающейя надъ нимъ. . .

Я оборачиваюсь: мутно-лиловыя облака плывутъ по блѣдно-алому закату. Выше заката неба точно нѣтъ: что-то бездонное, зеленоватое, прозрачное. Потомъ я снова гляжу на востокъ, и меня уже слѣпитъ печальная тьма быстро набѣгающей ночи. Внизу стучать, поспѣшно закрывая лавки. Жизнь замираетъ, прячется въ свои норы. Сумрачны стали купола Мечети и Гроба. Темнымъ ветхозавѣтнымъ Богомъ вѣетъ въ оврагахъ и провалахъ вокругъ нищихъ останковъ великаго города. Или нѣтъ, — даже и ветхозавѣтнаго Бога здѣсь нѣтъ: только вѣянье Смерти надъ пустырями и царскими гробницами, подземными тайниками, рвами и оврагами, полными пещеръ да костей всѣхъ племенъ и народовъ. Мѣсто могилы Иисуса задавлено чернокупольными храмами. Мечеть Омара похожа на черный шатеръ какого-то тысячелѣтня тому назадъ исчезнувшего съ лица земли завоевателя. И мрачно высятся возлѣ нея нѣсколько смоляныхъ исполинскихъ кипарисовъ. . .

«Се оставляется вамъ домъ сей пустъ. . .»

III

На Сіонѣ, за гробницей Давида видѣлъ я провалившуюся могилу, густо заросшую макомъ. Вся Іудея — какъ эта могила.

Я былъ въ Вифлеемѣ и Хевронѣ. Путь до Вифлеема самый живой изъ всѣхъ Іудейскихъ путей. Я ѣхалъ

утромъ, и въ жаркомъ блескѣ утренняго солнца и золотисто-синяго воздуха тонули горы и долины на востокъ, горячо и ярко бѣлѣло шоссе передо мною, весело зеленѣли посѣвы по красноватымъ переваламъ вокругъ, въ садахъ миссій ворковали дикіе голуби. И вспоминались сады и виноградники Соломона:

— Цвѣты показали на землѣ; время пѣнія настало, и голосъ горлицы слышится въ странѣ нашей... Встань, возлюбленная моя! Выйдемъ въ поле, побудемъ въ селахъ; поутру пойдемъ въ виноградники, посмотримъ, распустились ли виноградныя лозы...

Какъ голосъ Жениха-Христа, обращенный къ Невѣстѣ-Церкви, понимала древняя церковь этотъ сладкій весенній зовъ: «Встань, возлюбленная моя!» Но не ко всей ли землѣ былъ обращенъ этотъ зовъ?

По пути въ Вифлеемъ зеленѣли когда-то сплошныя сады, гдѣ «деревья опускали цвѣты долу, воды цистерны выходили изъ краевъ и на всѣхъ вѣтвяхъ пѣли птицы, привѣтствуя проходящую съ Младенцемъ на рукахъ Марію...»

Вифлеемъ — жизнь, воздухъ, солнце, плодородіе; его тѣсно насыпанные по холмамъ палевые кубы смотрятъ на востокъ, на солнечно-мглистыя дали Моавитскихъ горъ, отъ которыхъ нѣкогда пришла кроткая праматерь Давида Руфь. Черна отъ крови средневѣковая да и новая лѣтопись Вифлеема, несмѣтными костями отшельниковъ полны пещеры возлѣ него. И все же съ радостью видишь его.

Но за Вифлеемомъ — пустыня. Цѣлый день только глинистыя ковриги горъ, усѣянные круглыми глыбами, да кремнистыя долины. А вѣдь эта ржавая земля, перемѣшанная со щебнемъ, вѣдь это и есть Страна

Обътованная, страна, что родить теперь больше всего дикаго маку. Точно фіолетово-красныя озера стоятъ въ долинахъ среди горъ, усыпанныхъ гольшами. Точно сперва кровавый, а потомъ каменный ливень прошелъ по этой странѣ. . .

Водоемы Соломона! Я ждалъ ихъ съ волненіемъ — и вотъ увидѣлъ наконецъ. Возлѣ горъ, влѣво отъ дороги, стоятъ руины зубчатой сараинской крѣпости. За ней входъ въ новую глухую, мертвую долину. И уступами лежатъ въ этой долинѣ три гигантскихъ цистерны. Первая суха, пуста. Во второй половина покатаго дна чуть прикрыта бирюзовой водой. Въ третьей покрыто все дно. Густыя зеленыя кудри дикаго плюща виснуть со стѣнъ. Сквозь нихъ шелковисто и дремотно шумятъ въ тишинѣ серебристыя каскады. И заунывно-равнодушно наигрываетъ на плакучей свирѣли мимо проходящій пастухъ, зорко поглядывая на черныхъ козъ, разсыпанныхъ среди голышей по окрестнымъ обрывамъ. Маленькое, совсѣмъ черное лицо, женственно обрамленное шерстянымъ платкомъ подъ двойнымъ шерстянымъ обручемъ. Маленькая вьющаяся бородка, огненные глаза. Голья, тонкія берца, грубые бедуинскіе башмаки. На худое тѣло надѣта бѣлая рубаха до колѣнъ, подпоясанная платкомъ. На плечи накинута траурная шерстяная хламида, бѣлая въ черныхъ полосахъ. За плечами — кремневое ружье. . . Совсѣмъ не о Соломонѣ напоминаетъ этотъ потомокъ Измаила и Агари! Жизнь совершила огромный кругъ, создала на этой землѣ великія царства и, разрушивъ, истребивъ ихъ, вернулась къ первобытной нищетѣ и простотѣ. . .

Передъ вечеромъ видѣлъ я еще одинъ слѣдъ Іудей.

Ѣхали мы опять по долинь, и проводникъ указаль мнѣ на пещеру у подошвы холма — на «пещеру Іереміи». Я свернулъ къ ней. Вечерь былъ мирный, съ нѣжно синѣющими далями, — лѣтній вечеръ на югѣ Россіи. Возлѣ пещеры цвѣлъ кустъ дикаго шиповника. Стрѣлой вылетѣлъ изъ нея шакалъ, мелькнулъ лисьимъ хвостомъ и, вскочивъ на пригорокъ, сѣлъ и наострилъ уши. На землѣ, при входѣ въ пещеру, закопченной дымомъ, валялись пестренькія крылышки съѣденной совки. . .

Подъ Хеврономъ холмы живописнѣй. Всѣ они опоясаны рядами террасъ, на которыхъ зеленѣютъ старыя дубы, сѣрѣютъ старыя сливы, лежатъ толстыя лозы ханаанскаго винограда. Но чувствуется одно: приближаясь къ первой столицѣ Іудейскаго царства, все болѣе углубляешься въ страну ветхозавѣтныхъ кочевниковъ. Повстрѣчался караванъ. Медленно двигались высокіе верблюды, важно выпнувъ свои тонкія шеи, откинувъ маленькія головки съ темными умными глазами и показывая большія продольныя ноздри. Нѣсколько черныхъ оборванныхъ разбойниковъ шло сзади. . .

А Хевронъ — это дикое мусульманское гнѣздо, сѣрый каменный поселокъ въ узкой Долинь Возлюбленнаго. Базарная улочка его стара и грязна несказанно. Пройдя ее, поворачиваешь, поднимаешься на взгорье. Тамъ одиноко стоитъ нѣчто вродѣ маленькой крѣпости, гдѣ почіютъ Авраамъ и Сарра — прахъ равно священный христіанамъ, мусульманамъ и іудеямъ. Но мальчишки все-таки швыряютъ камнями въ подходящихъ къ нему поклонниковъ не-мусульманъ, травятъ ихъ собаками. . .

Въ Греціи, Римѣ, Египтѣ историческая жизнь почти не прерывалась. Гибли и они въ свой срокъ. «И разрастали дворцы ихъ колючими растеніями, крапивой и репейникомъ — твердыни ихъ; и были они жилищемъ шакаловъ, пристанищемъ страусовъ; и звѣри пустыни встрѣчались въ нихъ съ дикими кошками, и демоны перекликались другъ съ другомъ.» Но мѣшало ли это возникновенію среди развалинъ новыхъ царствъ?

Не то было въ Іудеѣ.

Въ мірѣ нѣтъ страны съ болѣе сложнымъ и кровавымъ прошлымъ. Въ спискахъ древнихъ царствъ нѣтъ, кажется, царства, не предавшаго Іудею легендарнымъ бѣдствіямъ. Но въ Ветхомъ Завѣтѣ Іудея все же была частью историческаго міра. Въ новомъ она стала такою пустошью, засѣянной костями, что могла сравниться лишь съ Полемъ Мертвыхъ въ страшномъ снѣ Іезекиіля. Ея необозримыя развалины ужаснули самого Адриана. Что Навуходоносоръ передъ Титомъ или Адрианомъ! Навуходоносоръ «пахаль Сіонъ»: Тить «выше стѣнъ» загрозилъ его трупами. Приближеніе его было приближеніемъ воинства Сатанаила. Тучи сгустились, спустились надъ храмомъ Соломона, и, въ гробовомъ молчаніи, сами собой распахнулись бронзовыя двери его, выпуская воинство Іеговы. «Мы уходимъ!» — сказала Іудеѣ невѣдомый голосъ. А при Адрианѣ внезапно распалась гробница Давида, и «волки и гіены съ воемъ появились на улицахъ пустыннаго Іерусалима». То былъ знакъ близкаго возмездія за послѣднее отчаянное возстаніе іудеевъ, перебившихъ на Кипрѣ около трехсотъ тысячъ язычниковъ, въ ветхозавѣтной ярости пожиравшихъ мясо убитыхъ, сдирав-

шихъ съ нихъ кожу на одежды... И чудовишно было это возмездіе!

Оно было исполненіемъ пророчествъ. Да замретъ въ Іудеѣ «голосъ торжества и голосъ веселія, голосъ жениха и голосъ невѣсты». Да не останется камня на камнѣ отъ великаго, стократъ погибавшаго въ крови и пламени Города Мира. Ибо на долгій, долгій срокъ земля его, вся пропитанная кровью, должна была стать «терномъ и волчцами».

Жить обычной жизнью послѣ всего того страшнаго, что совершилось надъ ней, Іудея не могла. Долгій отдыхъ нуженъ былъ ей. Пусть исчезнетъ съ лица ея всякая память о прошломъ. Пусть истаблютъ несмѣтныя кости, покроются макомъ могилы. Пусть почіетъ она въ тысячелѣтнемъ забвеніи, возвратится ко днямъ патріарховъ...

И она возвратилась.

1908 г.

КАМЕНЬ

I

Открывъ глаза, почему-то съ особенной радостью увидалъ я нынче, изъ-подъ кисейнаго балдахина, открытое окно своей холодной каменной комнаты. На аршинъ отъ окна — высокая желтоватая стѣна сосѣдняго дома. Ранній солнечный свѣтъ золотитъ ее, заглядываетъ и ко мнѣ. Гдѣ-то внизу по деревенски блеетъ коза, гдѣ-то вверху раздаются звонкіе голоса дѣтей, собирающихся въ школу. Вдали, на базарахъ, восторженно рыдаетъ осель.

Холодно и на крышѣ, но ослѣпительное солнце, только что поднявшееся изъ-за Моавитскихъ горъ, надъ долинами, затопленными свѣтлымъ паромъ, уже пригрѣваетъ одежду, руки. Прянь утренній запахъ тлѣющаго на очагахъ кизяка, его горячаго дыма, выходящаго изъ трубъ прозрачнымъ, дрожащимъ. Въ тишинѣ слышенъ плескъ бурдюковъ, опускаемыхъ изъ оконъ въ зеленую воду Водоема, еще полного густой тѣни; слышенъ зычный крикъ водоносовъ, бѣгущихъ по крытымъ улочкамъ базаровъ, говоръ и дробный стукъ копытъ на площади возлѣ цитадели. Весело верезжать и несутся несмѣтные стрижи надъ розово-желтой кровлей города, надъ ея опрокинутыми камен-

ными и глиняными чашами, и вокругъ чернаго купола Гроба. Жарко блещетъ полумѣсяцъ на великолѣпной мечети Омара, такой одинокой среди окрестной старины и бѣдности.

Стукъ копытъ — это приводятъ лошадей для туристовъ и паломниковъ европейцевъ. Европейцы живутъ по отелямъ, католическимъ и протестантскимъ миссиямъ, осматриваютъ святыни почтительно и спокойно. А говоръ — это говоръ русскихъ мужиковъ и польскихъ евреевъ, идущихъ плакать. Одни будутъ лить слезы у Гроба, другіе — у Стѣны Плача, уцѣлѣвшей отъ храма Іеговы. Русскіе живутъ въ скучныхъ казенныхъ корпусахъ Православнаго Общества за Западными воротами. А евреи ютятся въ труппахъ южнаго квартала и плачутъ у останковъ древняго Сіона, нарядившись въ бархатные халаты и польскія шапки изъ остистаго мѣха, подъ которыми видны на затылкахъ ермолки, а на вискахъ огромные завитки.

Всѣ тѣ, что спѣшатъ къ мечети Омара, Стѣнѣ Плача или просто на базары, неминуемо должны пройти по улицѣ Давида. Въ этомъ длинномъ каменномъ коридорѣ, уступами спускающемся подъ уклонъ, въ этихъ тѣсныхъ и пахучихъ рядахъ стараго Востока, течетъ непрерывная рѣка — ословъ, патеровъ, имамовъ, верблюдовъ, женщинъ, турецкихъ солдатъ, бедуиновъ и паломниковъ всѣхъ исповѣданій. Своды, холсты и цыновки дѣлаютъ его тѣнистымъ, но кое-гдѣ между ними видно яркое небо, пыльно-золотистыми столпами прорѣзывается солнце, и даже въ тѣни чувствуешь, какъ быстро приближается жаркое палестинское утро. Вотъ серебромъ блеснули въ этой живой солнечной полосѣ двѣ бѣлыя женскія фигуры, вотъ, напомнивъ

Яффу, промелькнулъ въ ней старикъ, курчаво-сѣдой, черно-сизый, съ толстыми губами, тонкими берцами и раскрытой грудью, подъ чернымъ платкомъ и въ пастушеской пѣгой хламидѣ; вотъ ярко озаренный уголь какого-то вросшаго въ землю дома, сложеннаго изъ обломковъ дикаго камня и древне-еврейскаго мрамора, съ травой на карнизѣ — надъ входомъ въ мясную лавку. . . Все сильнѣе и радостнѣе чувствуется близость къ какому-то далекому радостному утру дней Иисуса. . .

Одинъ изъ переулковъ налѣво весь состоитъ изъ лавокъ съ крестиками и образками. Дальше калитка въ каменной оградѣ, а за ней каменный дворъ, полный жаркаго солнца, стиснутый стѣнами греческихъ и латинскихъ подворій и самаго Храма. Мраморная паперть его занята торговцами, разложившими на ней все тѣ же кипарисные и перламутровые крестики, четки и раковинки. И этотъ дворъ, храмъ — это-то и есть «Юдоль Мертвыхъ». Нѣкогда она лежала внѣ городскихъ стѣнъ, была пустошью, служила для свалки нечистотъ и крестной казни. Потомъ стала величайшей святыней міра. И владѣли ею то Римъ, поставившій надъ могилой Распятаго храмъ Венеры, то Византія, то Хозрой, то Омаръ, то Готфридъ, то султаны Стамбула. . .

Фасадъ Храма сѣръ и тяжелъ. Входы его въ большихъ глубокихъ сводахъ, украшенныхъ обветшалыми барельефами. Одинъ грубо заложенъ камнями. Другой широко зияетъ темнотой, усѣянной цвѣтными огоньками лампадъ. Два старинныхъ рѣшетчатыхъ окна во второмъ ярусѣ слишкомъ малы, незамѣтны по сравненію съ фасадомъ. И фасадъ кажется частью

слѣпой крѣпостной стѣны. — Толпой выходятъ русскіе мужики и бабы, оборачиваются, кланяются до земли и, встряхнувъ волосами, вздыхая и вытирая полами заплаканные глаза, идутъ бродить по базарамъ. . . Злорадно верезжать и черными стрѣлами носятся вокругъ горячо нагрѣтыхъ стѣнъ стрижи. . . Снисходительно-ласково, притворно-сердито воркуютъ голуби на выступѣ карниза. . .

Въ порталѣ, на широкихъ нарахъ, курятъ, пристально глядя на шахматы, турецкіе солдаты. Дальше — сумракъ перваго притвора, и среди исполинскихъ погребальныхъ свѣчей, на низкомъ помостѣ, подъ балдахиномъ, увѣшаннымъ дорогими разноцвѣтными лампадами, — желто-розовая плита: Камень Помазанія. Налѣво — Ротонда подъ колоссальнымъ несведеннымъ куполомъ, дѣтски расписаннымъ облаками, лазурью, ангелами. Посреди — часовня песочнаго мрамора, вся въ блестящихъ окладахъ и горящихъ лампадахъ. У входа ея горятъ разноцвѣтные свѣчи, перевитыя сусальнымъ золотомъ, выше роста человѣческаго. . . Вотъ онъ, этотъ жуткій погребальный Вертепъ, такой тѣсный, что въ немъ трудно повернуться, и настолько залитый свѣтомъ, что въ немъ слѣпнешь и не сразу разглядишь у стѣны направо низкую лежаночку изъ мрамора! А къ ней-то и текутъ со всего міра, ее-то и кропятъ ежечасно розовой водой, надъ ней-то и пылаютъ пятьдесятъ лампадъ и цѣлые костры восковыхъ свѣчей. . .

Послѣ жара и блеска Вертепа, сумрачно кажется въ Ротондѣ. Тутъ съ утра до вечера — сплошной крестный ходъ, давка, слезы, рыданія, служба на всѣхъ языкахъ. Служать и въ греческомъ соборѣ, рядомъ, и въ

католическихъ придѣлахъ, и на Голгофѣ — маленькомъ темномъ алтарѣ, куда поднимаются изъ преддверія Ротонды по мраморной лѣстницѣ. Служать и въ дальнихъ подземныхъ храмахъ, гдѣ стоитъ вѣчная ночь, мракъ, озаренный лампадами, и холодокъ могилы. . . И всюду золото, иконостасы, драгоценные камни, образа всѣхъ временъ и всяческаго письма, ладанъ, Распятія, статуи Мадоны. . .

«На горѣ сей пьютъ радость, пьютъ вино!»

II

Но еще болѣе горькая радость — у Стѣны Плача, у останковъ святилища Иеговы.

Если не свернешь съ улицы Давида къ Гробу и пройдеши немного ниже, то необходимо свернешь вправо, въ узенькіе и жаркіе трущобные ходы, что уступами приводятъ въ глухой длинный закоулокъ. Съ трехъ сторонъ замыкаютъ его стѣны каменныхъ домишекъ. Съ четвертой, — если стать лицомъ къ востоку, — громадная крѣпостная стѣна: Стѣна Плача, остатокъ укрѣпленій вокругъ храма Соломона, а теперь часть стѣны вокругъ мечети Омара.

По утрамъ здѣсь тѣнь. Зелень нѣсколькихъ акацій радуетъ глаза, отвыкшіе въ Иерусалимѣ отъ зелени. Радостными синими глазами глядитъ сверху небо. Но подъ стѣной, подъ ея золотистыми камнями, отшлифованными мириадами устъ, стоитъ немолчный стонъ, дрожащій гнусавый вой, жалобный ропотъ и говоръ.

Онъ то замираетъ, то возрастаетъ; то сливается въ нестройный хоръ, то дѣлится на выкрики. Женщины, накрывыя шелковыми шалями, прислоняютъ къ стѣнѣ головы и бормочутъ ей свои жалобы покорно и несмѣло. Мужчины, прижавшись къ ней лѣвымъ плечомъ, держать въ лѣвой рукѣ старинныя молитвенники, а правую простираютъ къ верхнимъ камнямъ. Они быстро-быстро читаютъ, выкрикиваютъ какія-то заклинанія и страстно молятъ, ищутъ кого-то въ ясномъ небѣ. Они въ отчаяніи опускаютъ вѣки, поднимаютъ брови и, стеная, раскачиваются. . . И вдругъ опять оживаютъ, раскрываютъ заблестѣвшіе глаза. . . И въ то время, какъ одни хватаются за головы, топаютъ ногами и рыдаютъ, другіе жадно покрываютъ поцѣлуями стѣну, съ восторженными воплями подскакиваютъ и бьютъ въ ладоши. . .

Сколько здѣсь круглоликихъ, огнеглазыхъ юношей съ черно-синими пейсами, въ одеждахъ испанскихъ евреевъ, и тонконогихъ, худосочныхъ старцевъ, точно сбѣжавшихъ изъ Долины Іосафта! Лица ихъ блѣдны, какъ смерть, головы закинута, большія выпуклыя вѣки сомкнуты, крутые сѣрые пейсы и бѣлыя длинныя бороды трясутся. Страшно то, что эти библейскіе покойники наряжены — въ новыя мѣховыя шапки сверхъ ермолокъ и въ алые бархатныя халаты, которые открываютъ жидкія ноги въ бѣлыхъ чулкахъ и погребальныхъ туфляхъ. Но еще страшнѣе, когда они, на вечернихъ литаніяхъ въ пятницу, соединяютъ свои дрожащіе голоса въ одинъ мучительный вопль, отвѣчая предстоящему.

— Ради чертоговъ покинутыхъ! — скорбнымъ теноромъ восклицаетъ предстоящій.

— Одинокіе, сидимъ мы и плачемъ! — жалобно, фальцетами вскрикивають старцы.

— Ради чертоговъ разрушенныхъ. . .

— Одинокіе, сидимъ мы и плачемъ!

— Ради стѣнъ ниспровергнутыхъ. . .

— Одинокіе, сидимъ мы и плачемъ!

— Молимъ Тебя, умилосердись надъ Сіономъ, — запѣваетъ предстоящій.

— Собери чадъ Іерусалима! — подхватываютъ старцы.

— Поспѣши, поспѣши, Искупитель!

— Да воцарится на Сіонѣ миръ и радость!

— И опять расцвѣтаетъ жезлъ Іесея!

Но уже никогда, никогда не расцвѣсти ему снова ветхозавѣтными цвѣтами! Развѣ можетъ забыть земля о томъ незабвенномъ утрѣ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ, когда вошелъ Отрокъ въ Назаретскую синагогу?

«Ему подали книгу пророка Ісаіи; и Онъ, раскрывъ ее, нашель мѣсто, гдѣ было написано: Духъ Господень на Мнѣ, ибо Онъ помазалъ Меня благовѣствовать нищимъ и послалъ Меня исцѣлять сокрушенныхъ сердцемъ, проповѣдывать плѣннымъ освобожденіе, слѣпымъ прозрѣніе, отпустить измученныхъ на свободу. . .»

III

Мечеть Омара цвѣтетъ надъ нищей и нагой Іудеей во всемъ богатствѣ и великолѣпніи своихъ палевыхъ кафель, голубыхъ фаянсовъ, черно-синяго купола, гро-

маднаго мраморнаго двора и тысячелѣтнихъ кипарисовъ.

Даже изъ-за Мертваго моря, съ первыхъ уступовъ Моава, видна она. Въ знойномъ неоглядномъ просторѣ открываются оттуда огнемъ горящія на югѣ и теряющіяся въ блескѣ неба и солнца воды, поглотившія Содомъ и Гоморру; за ними — таинственная свѣтоносная Аравія. На сѣверѣ, въ глубинѣ безконечныхъ извилистыхъ долинъ, — Иерихонъ. Маленькимъ оазисомъ темнѣетъ онъ въ пустынѣ, у слоистаго подножья Иудейскихъ горъ. Выше, среди ихъ голыхъ желто-сѣрыхъ переваловъ и впадинъ, какъ модель аравійской крѣпости, лежитъ Иерусалимъ — и тускло блестятъ надъ нимъ купола Мечети и Гроба. И отъ Аравіи, изъ-за Иордана, съ морскихъ побережій — отовсюду стекаются къ стѣнамъ и святынямъ этой крѣпости пути поклонниковъ всѣхъ странъ и народовъ. Мечеть — первая Кебла Ислама. Самъ Пророкъ заповѣдалъ молиться, обратясь лицомъ къ Камню Моріа, нынѣ покрытому ею: Мекка стала Кеблой позднѣе, уже послѣ его смерти. И «пилигриммъ, вступившій за Священную Ограду Мечети и поклонившійся Камню, одинъ получаетъ награду, равную наградѣ тысячи мучениковъ, ибо здѣсь молитвы его такъ близки къ Богу, какъ если бы онъ молился на небѣ».

Черномазый арабъ-часовой, въ фескѣ и синей турецкой формѣ, съ карабиномъ на плечѣ, медленно бродилъ возлѣ старыхъ крѣпостныхъ воротъ, когда мы, спустясь по улицѣ Давида, несмѣло остановились возлѣ нихъ. Еще очень недавно великихъ трудовъ стоило не только войти, но даже заглянуть во дворъ Святелища, а сто лѣтъ тому назадъ за это платили жизнью.

Теперь часовой только покосилъ своими голубоватыми бѣлками, только блеснулъ огненно-чернымъ зрачкомъ.

Близился полдень, страннымъ металлическимъ свѣтомъ блистали (въ пролеты длинной отдѣльно стоящей прямо противъ воротъ колоннады) грани этой огромной мечети, вознесенной на мраморный помостъ среди ослѣпительно-бѣлаго простора каменнаго двора. Древніе кипарисы стражами стояли возлѣ нея. Нѣсколько ветхозавѣтныхъ оливъ раскидывались тамъ и сямъ своими серебристо-пыльными кущами надъ плитами двора, проросшаго тонкою блѣдно-зеленой травой. Подъ одной изъ оливъ, прямо, по-женски, вытянувъ ноги, сидѣли двѣ благочестивыя мусульманки, закутанныя въ легкія блѣдно-розовыя покрывала. Голуби, трепеща и свистя крыльями, падали порою на горячія ступени помоста. Но казалось, что уже давно-давно не ступала въ этомъ свѣтломъ дворѣ нога человѣческая, — что въ какомъ-то заповѣдномъ царствѣ растутъ эти черныя картинныя деревья и блистаютъ чистотой эти каменные плиты. Мертвенно-холодно сіяли вѣчно-свѣжія краски мечети, возвышавшейся въ своемъ азіатскомъ великолѣпіи среди свѣта и зноя, подъ слегка аспиднымъ аравійскимъ небомъ.

Она царить надо всѣмъ, что вокругъ нея, и вся на фонѣ этого неба. Ея длинный восьмиугольникъ, весь изъ золотистыхъ мраморовъ, и нѣжно-лазурный барабанъ, поддерживающій куполь, все это немного приземисто по сравненію съ величиной темно-синяго свинцоваго полушарія, рубчатаго сарадинскаго купола, увѣнчаннаго необычно большимъ золотымъ серпомъ луны съ соединяющимися острыми концами. По ара-

війски сумрачна вверху, по дамаски блистающая инкрустаціями снизу, мечеть рѣзко глядитъ въ пролеты колоннады.

Мы поднялись на помость. И тогда мечеть еще ослѣпительнѣе предстала передъ нами своей громадой. Почти правильная полусфера купола чуть-чуть заострена на вершинѣ, чуть-чуть вогнута у основанія — и кажется легкой. Верхній карнизъ барабана и пространство между его окнами — все въ лазурныхъ и бѣлыхъ маюликахъ, испещренныхъ золотою вязью куваческихъ надписей. Широкая, блистающая полировкой лента бѣлыхъ и лазурныхъ изразцовъ, тоже вся въ золотой вязи, идетъ и надъ большими полукруглыми окнами по стѣнѣ самаго восьмиугольника.

Худой, живоглазый мулла быстро распахнулъ дверь, и, разутые, скользя по желтымъ камышевымъ цыновкамъ, вступили мы въ прохладу и сумракъ, слабо озаренный голубымъ и розовымъ свѣтомъ драгоценныхъ разноцвѣтныхъ стеколъ. «Что это кажется страннымъ въ этой мечети?» — думалъ я, пока глаза мои привыкали къ ея полусвѣту. И наконецъ понялъ: ахъ, то, что нѣтъ въ ней обычнаго простора!

Простора нѣтъ потому, что стоитъ въ ней восьмиугольная колоннада: восемь широкихъ столповъ и шестнадцать колоннъ, соединенныхъ архитравомъ. Пролеты между ними — арками. Какъ старинная парча, покрываетъ эти столпы и архитравъ блеклая зелень, матовое серебро и золото мозаики, переносящей мысль къ Византіи. Византійскими капителями увѣнчаны и колонны.

Но мало того: за этой аркадой высится вторая — кругъ изъ четырехъ столповъ и двѣнадцати колоннъ,

поддерживающей барабанъ съ куполомъ, кругъ колоннъ яшмовыхъ и порфировыхъ — наследіе Соломона и Адриана. И уже совсѣмъ необычно то, что съ великимъ изумленіемъ видишь въ этомъ кругѣ, за этими колоннами, за соединяющей ихъ невысокой бронзовой рѣшеткой: подъ зеленымъ шелковымъ балдахиномъ, нарушая всякое представленіе о всяческой человѣческой постройкѣ, тяжело и грубо чернѣетъ дикая морщинистая глыба гигантскаго камня! Куполь выстланъ внутри той же матовой зелено-золотой парчей мозаики. Сказочно-разноцвѣтное сіяніе льютъ рубиновыя, сапфировыя, топазовыя стекла. Неясно блистаетъ весь храмъ мраморами и загорающимися гранями хрусталя на несмѣтныхъ люстрахъ. Тонкимъ ароматомъ кипариса и розовой воды напоенъ прохладный сумракъ. . . Зачѣмъ же такъ первобытно вторглась въ этотъ божественный молитвенный чертогъ сама природа?

Талмудъ говоритъ:

«Камень Морія, скала, на которой первый человѣкъ принесъ первую жертву Богу, есть средоточіе міра. Скалу Морія, что была покрыта нѣкогда храмомъ Соломона, а нынѣ хранима мечетью Омара, положилъ въ основаніе вселенной самъ Богъ.»

Древнія книги и легенды Іудеи и Аравіи говорятъ:

«Въ Іерусалимѣ Богъ сказалъ Скалѣ: ты — основаніе, отъ коего началъ Я созданіе міра. . . Отъ тебя воскреснутъ сыны человѣческіе изъ мертвыхъ.»

«Сойдя въ пещеру подъ Скалой, Медширъ-едъ-Данъ видѣлъ чудо чудесъ: колеблющаяся глыба Скалы, ничѣмъ и никѣмъ не поддерживаемая, висѣла въ высотѣ, подобно парящему орлу.»

Магометъ — въ ночь своего путешествія изъ Медины въ Иерусалимъ на верблюдицѣ Молніи — «сталъ своею священной стопою на Скалу Моріа, раскачивающуюся между небомъ и землею». Былъ взмахъ, почти достигшій вратъ Рая, — и Скала издала крикъ радости. Но Пророкъ повелѣлъ ей молчать — и вошелъ во врата Рая. А скала вновь пала къ землѣ — и вновь вознеслась — и въ движеніи своемъ пребываетъ и донынѣ: «не мѣшаясь съ прахомъ и не смѣя преступить неба».

Каббалистическія книги говорятъ:

«Адонаи-Господь воздвигъ въ Безднѣ Камень и начерталь на Камнѣ Имя Святое. Когда поднимаются воды Бездны до Камня, онѣ отбѣгають вспять въ ужасѣ. Когда произносится ложное слово, Камень погружается въ воды — и смываются буквы Святого Имени. Но ангель Азаріэла, имѣющій 17 ключей къ таинству Святаго Имени, снова пишетъ его на Камнѣ, и оно снова гонитъ прочь воды.»

«Въ дни пророковъ Камень былъ внутри Святилища храма Соломона, и первосвященникъ ставилъ на немъ курящуюся кадильницу. На немъ же стоялъ и Ковчегъ Завѣта, урна съ Манной и лежалъ вѣчно цвѣтушій жезлъ Аарона. Нынѣ Ковчегъ Завѣта скрытъ въ тайникахъ подъ Камнемъ, гдѣ сохранялъ его отъ враговъ самъ Соломонъ, которому Камень давалъ неземную силу: съ него видѣлъ царь весь міръ отъ края и до края — и понималъ языкъ птицъ и звѣрей.»

Но вотъ въ день паденія храма, въ девятое число мѣсяца Аба, Камень Жизни останавливается. Сила его изсякаетъ. Тайну, Тайнъ, неизрѣченныя письмена, означающія Святое Имя, прочель Иисусъ. И къ Нему

же перешла и сила Камня. «Исусъ, воспринявшій силу его, творилъ чудеса этой силой.» Гдѣ же теперь силы Камня?

Послѣ Иисуса, говоритъ Исламъ, сила Камня перешла къ Пророку. И правъ Исламъ: Пророкъ далъ «движеніе» Камню. «Но недолго сіяло солнце Ислама во всей славѣ своей.» Что же готовитъ міру будущее?

1908 г.

ШЕОЛЬ

Въ сумерки, проходя по базару въ Яффѣ, я нечаянно поднялъ глаза и увидѣлъ тонкій серпъ луны. Закрывались въ полумракѣ рядовъ лавочки, проносили отъ фонтана послѣдніе кувшины. Собаки, горбясь и сливаясь съ темнотою внизу, подбирали остатки торгова. Неожиданно дошла откуда-то нѣжная сладость цвѣтушаго дерева. Я поднялъ глаза и увидѣлъ въ легкомъ и прозрачномъ небѣ вихоръ пальмы, а надъ нимъ — острый, чистый, тонкій «лукъ Астарты».

На берегу, подъ городской стѣной, тянуло теплымъ вѣтромъ съ неоглядной мелкой зыби взморья. Чуть видныя, мягко и красиво намазанная сизой мутью облака терялись на закатѣ. . . «Сумерки, море, уголь ханаанско-аравійскихъ береговъ. . .» — подумалъ я. Надъ стѣной, въ старомъ каменномъ домишкѣ, зияетъ черная оконная дыра безъ стеколъ. Слышно, какъ тамъ, въ каморкѣ безъ огня, укладываются спать и, плача, ссорятся дѣти. На западѣ, надъ лиловою тьмою моря, склоняется покраснѣвшій, меркнувшій и теряющійся въ небѣ полумѣсяцъ. И такъ пустынные сумерки надъ гаванью безслѣдно исчезнушаго съ лица

земли Ханаана, такъ все просто и бѣдно вокругъ, точно я одинъ въ мѣрѣ, у его безлюднаго начала. . .

На другой день я покинулъ Яффу. Убирали трапы, вечерѣло. Жаркое солнце склонялось къ золотому морю. Рейдъ стоялъ какъ зеркало, рифы обнажились, отдыхали, бѣлыя чайки, плававшія надъ кормой, казались огромными. Въ упоръ освѣщенная Яффа, громоздясь на холмѣ передъ нами, переливалась зеркальнымъ отраженіемъ воды и вся была цвѣта банана. Задрожала, поворачиваясь, корма, забурлилъ винтъ — и Яффа тронулась. Но я не спускалъ съ нея глазъ до тѣхъ поръ пока она, все отдаляясь, не слилась наконецъ съ песками на югѣ, фіолетовыми отъ голубой дымки воздуха и опускающагося солнца.

А потомъ я смотрѣлъ на Саронскую долину, вдоль которой мы шли на сѣверъ. Все смутнѣй и печальнѣй становилась долина. Солнце погасло, и вода у береговъ стала тяжелой, кубовой. Одинокимъ, затеряннымъ казалось какое-то селенье, далеко-далеко бѣлѣвшее въ сини равнины. Я смотрѣлъ и дивился безлюдности этого побережья. Вонъ гдѣ-то тамъ, въ устьяхъ мелкихъ рѣкъ, бѣгущихъ отъ Кармила, лежала Кесарія. Нѣкогда это былъ славный портъ и городъ Ирода; теперь только пески, камни и колючій кустарникъ. . . И такъ — по всему побережью.

Съ вечера было тепло и ясно. Палуба, испещренная легкими тѣнями снастей, блестѣла. Въ вышинѣ, сквозь снасти, тепло сіялъ полумѣсяцъ. Но близился Ливанъ. На ночь я открылъ въ каютѣ иллюминаторъ — и послѣ полуночи проснулся: стало прохладно, по темной каютѣ ходилъ сильный влажный вѣтеръ. Я заглянулъ въ иллюминаторъ: и тамъ была сѣрая темь. Пахло мо-

ремь. Ливанъ дышалъ мглою. Во мглѣ, какъ на краю земли, висѣли два мутныхъ маячныхъ огня. Дальній былъ красноватый. Я подумалъ: это Тиръ или Сидонъ. И мнѣ стало жутко.

За Кесаріей — слѣды Египта и Финикіи. Во времена служенія Астартѣ на мѣстѣ Кесаріи былъ какой-то большой ханаанскій городъ, упоминаемый въ надгробномъ заклѣтїи царя Эзмунацара. Ранѣе, во времена поклоненія «Богу всепожирающаго времени», крокодилу, былъ египетскій Крокодилопосъ. И въ пескахъ, затянувшихъ останки этихъ городовъ, и теперь еще находятъ разбитые сѣниты, погребальныя колодцы крокодиловъ. . .

Въ полночь мы прошли Кармилъ, горный мысъ Ваала-Громовержца. Съ Кармила іудейскіе пророки метали самыя ярыя проклятїя язычеству. На Кармилѣ, въ одной изъ пещеръ троглодитовъ, жилъ Ілія, лютейшій врагъ Ваала. Но жизнь на Кармилѣ, бывшемъ ипостасью Ваала, не прошла для Іліи даромъ. Тысячи преданій слили его образъ съ образомъ солнечнаго бога: Ілія былъ питаемъ вранами, повелѣвалъ громами и бурями, низводилъ огонь и дождь съ неба, превращалъ въ камни растенія, заживо, какъ истый сынъ Солнца, вознесся къ нему на пламенной колесницѣ. И все это сдѣлалъ Кармилъ, на которомъ не было даже капищъ, — только каменные жертвенники, — Кармилъ, у подошвы котораго Лемехъ убилъ одичавшаго Каина, принявъ его за звѣря. Необозримое море, съ трехъ сторонъ лежащее подъ Кармиломъ, бушуетъ круглый годъ. И богослуженія въ монастырѣ кармелитовъ, стоящемъ теперь на Кармилѣ, принимаютъ по-

рой жуткое величіе древнихъ языческихъ богослуженій. «Море заглушало голоса поющихъ и органъ, говоритъ одинъ паломникъ. Надъ горою стоялъ непрерывающійся гулъ — гласъ Божій, потрясающій пустыню и приводящій въ содроганіе горы. . .»

Качало у Кармила и нынче. Засыпая, я чувствовалъ, какъ темная каюта опускается и поднимается, слышалъ скрипъ переборокъ. Теперь было тихо. Кармилъ былъ уже далеко. Ровно, съ однообразнымъ плескомъ бѣжала вода вдоль борта погруженнаго въ сонъ и тьму парохода. Мы шли уже мимо «блудилищныхъ гротовъ Астарты» и погребальныхъ спэосовъ, мимо каменисто-песчаной полосы подъ волнистыми отрогами и скатами Ливана, — мимо самого Шеола, этого сплошного некрополя между Тиромъ и Сидономъ. Когда-то отъ Тира до Сидона «можно было пройти подъ землею — по гробовымъ пещерамъ и колодцамъ». И какъ дерзко мѣшались когда-то съ ними «гроты» Астарты! Ея поклонники и поклонницы чертили мистическій знакъ Треугольника даже на стѣнахъ спэосовъ. А Тиръ? Развѣ думалъ онъ о смерти, — онъ, «Сынъ Солнца и Моря, рожденный въ вѣкахъ баснословныхъ, превзошедшій всѣ народы жаждой жизни, алкавшій земель всего міра»?

И все же побѣдила — смерть. «Тиръ, умолкшій среди моря! Кую мзду приобрѣлъ ты отъ него? Сія глаголетъ Адонай-Господь: се Азъ на тя, Суръ, и приведу на тя языки многи, яко же восходитъ море волнами своими. . .» Ужасныя слова! Но есть еще ужаснѣе: «Вотъ я приведу на тебя, Тиръ, лютейшихъ изъ народовъ, и они обнажатъ мечи свои противъ красы твоей. . . Сдѣлаю тебя городомъ опустѣлымъ,

подобно городамъ необитаемымъ, когда подниму на тебя пучину. . . Низведу тебя съ отходящими въ могилу, къ народу, давно бывшему, и помѣщу тебя въ преисподнихъ земли. . . Ибо вознеслось сердце твое и сказало: азъ есмь Богъ!»

«Азъ есмь Богъ. . .» Библейскіе пророки до потрясающей высоты вознесли проклятiя слишкомъ «вознесшейся» жизни. И по слову ихъ и вышло: тиро-сидонскій берегъ, столь щедро оплодотворяемый Богиней Жизни, далъ начало образу Шеола — преисподней. Его погребальныя камеры и колодцы, перемѣшанные съ гротами страсти, получили страшныя названiя «сътей смерти», «колодцевъ гибели». И «простерся страхъ смертный надъ радостной страной Ваала-Солнца». Это вѣдь онъ, этотъ страхъ, внушилъ царю Эзмунацару мольбу его скорби и беззащитности:

«Въ мѣсяцъ дождей, въ годъ четырнадцатый царствованiя. . . Пораженъ, плѣненъ Я, наслѣдникъ дней героевъ, сошелъ въ адъ, сынъ бога смерти. . . Заключенiе мое передъ всѣмъ царствомъ и всѣмъ человѣчествомъ: да не вскрываетъ никто входа моего, не сдвигаетъ гробницы моей, не оскорбляетъ меня вѣсенiемъ другого гроба!»

Богъ ли человѣкъ? Или «сынъ бога смерти»?

На это отвѣтилъ Сынъ Божій.

1909 г.

ПУСТЫНЯ ДЬЯВОЛА

I

«Гласъ вопіющаго въ пустынь: приготовьте путь Господу, прямыми сдѣлайте стези Ему...»

Глядя съ крышъ Іерусалима на каменистыя окрестности, — чаще всего на востокъ, на пустыню Іудейскую, — каждый разъ вспоминаю я эти слова, — прологъ величайшей изъ земныхъ трагедій.

Дьяволь, Азazelъ, имя и образъ котораго такъ и остались тайной, былъ издревле владыкой пустыни. Это онъ обиталъ въ ея знойномъ сѣро-каменномъ морѣ, нѣкогда взбудораженномъ подземными силами и навсегда застывшемъ. Это ему каждый годъ — въ десятый день седьмого мѣсяца — посылали левиты и первосвященники Козла Отпущенія — отъ лица всего Израиля, за всѣ грѣхи его. И не странно ли, что именно оттуда прозвучали первые глаголы Предтечи!

Послѣ бури и молній, Богъ пришелъ въ пещеру Іліи въ сладостномъ вѣяньи вѣтра. Сладостнымъ вѣтромъ было и пришествіе въ міръ Іисуса. Но лежала «сѣкира при корнѣ дерева». Жуткими пророчествами возвѣстилъ Предтеча о Грядущемъ за нимъ.

Не было тогда города, равнаго богатствомъ и красой Іерусалиму. Изъ Яффы были видны его зданія,

блиставшія золотомъ и мраморомъ: «Іоаннъ же носилъ одежду изъ верблюжьяго волоса и поясъ кожаный на чреслахъ своихъ».

Въ тишинѣ зеленыхъ долинъ, въ мирныхъ людныхъ селеніяхъ протекла молодость Іисуса. Но въ первые же дни служенія Своего долженъ былъ Онъ отдать дань пустынѣ. Онъ крестится — и уже готовъ раскрыть уста, дабы благовѣствовать міру величашую радость. Но — «Духъ ведетъ Его въ пустыню», въ царство Азазела, тѣхъ ветхозавѣтныхъ, Богомъ проклятыхъ мѣсть, гдѣ «скрылся Каинъ, жаждущій крови брата своего». «И былъ Іисусъ тамъ сорокъ дней, искушаемый сатаною, и былъ со звѣрями.»

Пустыня видна съ крышъ Іерусалима. Пустыней называется только тотъ скатъ, та дикая и отъ вѣка безплодная вулканическая страна, что за Элеономъ, эти растрескавшіеся отъ жгучаго солнца бугры и перевалы, усѣянные колючками и голышами, волны и впадины бывшихъ землетрясеній. Но развѣ власть Азазела не простирается и на тропически-знойный доль Іордана, — эту глубочайшую въ мірѣ низменность, съ ея смертоносными лихорадками и воистину мертвыми водами, одно дыханіе которыхъ убиваетъ все живое?

Небо нынче нѣжное, блѣдно-голубое. Небо и солнце затуманены дыханіемъ полдня, сухого, горячаго, душнаго. Жаромъ вѣетъ отъ стараго каменнаго города, его узкихъ и грязныхъ базарныхъ ходовъ подъ сплошною кровлей сизо-песочнаго цвѣта. Одинокая пальма, возвышающаяся на южной окраинѣ, опустила свое неподвижное опахало. Тускло темнѣютъ куполы Гроба Господня и мечети Омара. Тысячи черныхъ, стрижей кружатъ, сверлятъ полдненную тишину скри-

пучимъ верезжаніемъ. И море пепельно-сиреневыхъ холмовъ, простирающееся окрестъ, дремлетъ, теряетъ въ мглистой суши. . .

Поблѣднѣла даже сказочно-яркая бирюза у подошвы Моава.

II

Послѣ полдня тянетъ легкій вѣтъръ и небо, воздухъ, солнце — все становится ярче, яснѣе.

За изсохшимъ русломъ Кедрона дорога поднимается — мимо погребальной пещеры Богоматери, Геесиманскаго сада и гробницъ Авесалома и Иосафата, по каменистымъ склонамъ Элеона, среди несмѣтныхъ плитъ еврейскаго некрополя, стоящихъ какъ раскрытыя книги, испещренныя крупными письменами.

Есть ли въ мірѣ другая земля, гдѣ бы сочеталось столько дорогихъ для человѣческаго сердца воспоминаній?

Гробъ Маріамъ! У стѣнъ сада, столь любимаго Сыномъ, въ ложѣ кремнистой долины, подъ сводами древняго полуподземнаго храма, во тьмѣ котораго блещутъ огни, оклады и самоцвѣты, почіяла Она, простая женщина изъ Назарета, вѣнчанная высшею славой — земной и небесной.

А русло Кедрона? Это доль Иосафата, мѣсто грядущаго Страшнаго Суда, великая житница Смерти. Нѣтъ правовѣрнаго іудея и мусульманина, который не полагалъ бы несказанной радостью быть погребеннымъ въ этой Юдоли и не вѣрилъ бы, что и всѣхъ лишенныхъ этой радости созоветъ въ нее Господь, въ день

Суда Своего. Онъ вѣдь сказалъ устами Іоіиля: «Я соберу всѣ народы и приведу ихъ въ долину Іосафатову.»

Солнце уже клонится къ западу, за Іерусалимъ. Отъ его восточной стѣны пала тѣнь. Но ослѣпительно-золотисты скаты Элеона, дорога, извилисто прорѣзанная по нимъ, плиты и гробницы. Золотиста лазурь надъ Кедрономъ и горой, золотисто-песочнаго цвѣта ястреба, рѣющіе надъ нами, трепещущіе своими острыми, въ черныхъ ободкахъ крыльями: любятъ они эти скаты, любятъ сушь пустыни, въ которую медленно вступаемъ мы, огибая среди запыленныхъ оливъ Элеонъ.

За Элеономъ — Виѳанія. Это уже преддверіе пустыни. Нѣсколько старыхъ верблюдовъ въ грязно-рыжей сухой шерсти загораживаютъ дорогу на поворотѣ, грубымъ видомъ своимъ говоря о патріархальныхъ скитаньяхъ въ камняхъ и пескахъ. Но кругомъ еще мирно и весело. Чистъ и силенъ предвечерній свѣтъ, дали ясны, небо бездонно, склоны и холмы въ садахъ и виноградникахъ. Даже тощіе посѣвы зрѣютъ кое-гдѣ на глинистой почвѣ между ними. И Абудись, что направо, и Виѳанія, что налѣво, — нѣсколько кубовъ изъ сѣраго булыжника, окруженныхъ смоковницами, огромными кактусами, запыленными терновниками; въ крутыхъ, кривыхъ и узкихъ проходахъ между ними всюду соръ и тряпки, полуголья черныя дѣти, слѣпцы и убогіе. Но какъ все таки должны были радовать послѣ пустыни ихъ сады и люди!

И живымъ кажется образъ Іисуса. Сколько разъ подходилъ Онъ сюда, похудѣвшій, поблѣднѣвшій за дорогу въ пустынь! Здѣсь жили друзья Его. О древности могилы Лазаря говорятъ тѣ камни времени Иро-

да, изъ которыхъ сложенъ входъ въ могильную пещеру, куда спускаются узкой холодною шахтой, со свѣчой въ рукѣ. Подлиннѣй же всего древность того пути, что ведетъ отъ Виѳаніи въ страну Азазела глубокой, извиистой и страшной въ своей мертвенности ложиной Эль-Хотъ. Этотъ путь неизмѣненъ отъ вѣка. Иныхъ сносныхъ путей въ пустынь Иудейской нѣтъ, не было, да и не могло быть, ибо только на этомъ пути есть источникъ, — Источникъ Апостоловъ, — безъ котораго неммыслимы переходы по ней.

Отъ Виѳаніи начинается спускъ, неуклонное паденіе. И страна, лежащая окрестъ, сперва поражаетъ своей красотой, волнуется радостью, обманываетъ, какъ Искуситель.

На одномъ изъ скатовъ за Виѳаніей мы останавливаемся, очарованные. Воздухъ такъ прозраченъ, точно его совсѣмъ нѣтъ. И пустыня, каменнымъ волнистымъ моремъ падающая къ Иордану, кажется такъ мала! Она сизо-коричнево-сѣрая, но сколько въ ней прелестнѣйшихъ отгѣнковъ — пепельныхъ, опаловыхъ, лазурныхъ, фіолетовыхъ! Какъ серебристо-голубой туманъ — далекая и неоглядная долина Иордана. Южное устье ея налито сейчасъ такимъ густымъ и яркимъ акваариномъ, который кажется неестественнымъ на землѣ. А Моавитскія горы похожи на великую грозовую тучу противъ солнца, заступившую весь востокъ и ни съ чѣмъ несравнимую по нѣжности, воздушности. Но минута — и это видѣніе исчезаетъ надолго, надолго. . .

Мы теперь въ странѣ, лишенной всякаго очарованія, — если не считать рѣдкихъ пятенъ огненнаго мака, кое-гдѣ оживляющаго ее. Рѣзкими, крутыми изло-

мами вьется и падаетъ дорога съ возвышенности на возвышенность. Быстро замыкается горизонтъ скалистыми и глинистыми ковригами, раздѣленными такими же логами. . . Мы уже давно въ глубокомъ, извилистомъ ложѣ потока, иссохшаго въ незапамятное время, и известковая дорога, пробитая здѣсь тоже съ незапамятнаго времени, поминутно переходитъ съ одного бока на другой. Ни единого живого существа, кромѣ ящерицъ, не замѣчаетъ глазъ и не слышитъ ухо, гробовая тишина стоитъ надъ этой страной, столь бесплодной, что даже древнѣйшихъ кочевниковъ ужасала она, навѣки связанная съ образомъ незримо обитающаго въ ней. Не даромъ бедуины еще и до сихъ поръ складываютъ вдоль Вади-эль-Хотъ пирамидки изъ щебня — въ знакъ заклятія темныхъ силъ пустыни. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ правотѣ тѣхъ, что называютъ этотъ путь именно тѣмъ, по которому, до самой таинственной «середины» его, провожали левиты жертву Азазелу. Какой же ужасъ долженъ былъ охватывать проходящихъ здѣсь при видѣ Іоанна, рѣшившагося раздѣлить его обитель, когда внезапно, во весь свой ростъ, съ громовыми глаголами, появлялся онъ передъ ними изъ-за камней, въ одеждѣ изъ верблюжьего волоса! И что должно было испытать сердце Іисуса, обреченнаго провести здѣсь столько ночей — съ ихъ призраками, съ лихорадочно-знойнымъ вѣтромъ отъ Мертваго моря!

III

Въ глубокой котловинѣ, изъ которой видны только жесткія очертанія окрестныхъ бугровъ да вечернее небо, бѣлѣетъ ханъ, — нѣчто въ родѣ каменнаго сарая, — и жарко блеститъ при низкомъ солнцѣ вода возлѣ него. Это мѣсто, гдѣ не разъ отдыхалъ Иисусъ. Это «источникъ Апостоловъ», или, по-древнему, источникъ Солнца, ибо не могли не посвятить древніе эту «жизнь пустыни» богу жизни. Три бедуина, безъ плащей, съ черными палками въ серебряныхъ обручахъ, стоятъ возлѣ худыхъ осликовъ и поджарыхъ потныхъ лошадей подъ сѣдлами, съ жадностью пьющихъ. Два сидятъ на порогѣ хана и курятъ, пристально глядя на насъ черными византійскими глазами. Эти глаза ровно ничего не выражаютъ, но кто знаетъ, что на умѣ у этихъ измаильтянъ?

Тѣ, что у источника, — народъ оборванный и невзрачный. Сидящіе на порогѣ — дѣло иное. И особенно одинъ изъ нихъ. Онъ неподвижнымъ взглядомъ слѣдитъ за нами, пока мы поймъ лошадей. Потомъ, ни на іоту не измѣняя лица, кидаетъ своему спутнику какую-то короткую гортанную фразу, совершенно не шевеля губами и такъ безстрастно, точно это не онъ говоритъ, а кто-то внутри его. И поднимается во весь свой громадный ростъ. Ноги его, обутыя въ стопганные сапоги, очень длинны и слегка кривы, голова мала, откинута назадъ. Онъ на рѣдкость худъ, одежды на немъ безъ числа. По плечамъ висятъ концы бѣлаго шерстяного платка, накинутого на голову и рѣзко отбѣивающаго черноту глазъ, сизый загаръ маленькаго жесткаго лица, блестящую смоль рѣдкой жесткой бо-

родки. Тонкая, цвѣта муміи, шея обмотана шелковымъ лиловымъ платкомъ. На тѣлѣ — бѣлая рубаха до коленъ, поверхъ рубахи бланжевый шерстяной халатъ въ синеватыхъ полоскахъ, поверхъ халата — кубовая кофта на ватѣ; и все это — подъ широкой и длинной хламидой изъ черно-синей шерсти. Онъ идетъ, поправляя одной рукой заткнутые за широкій поясъ изъ шали кремневые пистолеты и кинжалы, а другой — карабинъ за плечами.

— Откуда?

— Изъ Газы.

— А куда?

— Въ Іерусалимъ.

Но почему же, сѣвши на свою рѣзвую, злую и поджарую лошаденку, онъ поворачиваетъ за нами? Мы ѣдемъ на изволокъ рысью, — онъ не отстаетъ. Мы прибавляемъ рыси, прибавляетъ и онъ, расширяя ничего не выражающіе глаза и блестя зубами въ отвѣтъ на наши удивленные взгляды. . . И вдругъ, поровнявшись со мной, суетъ мнѣ въ руки мѣдный латинскій образокъ. Онъ кричитъ, что это — золото, и проситъ за него всего десять франковъ. Соглашается, впрочемъ, и на два. А получивъ ихъ, круто поворачиваетъ и исчезаетъ за холмами и буграми, по которымъ уже синѣютъ вечернія тѣни.

Вечернее низкое солнце все рѣже блещетъ на перевалахъ. Временами, изъ боковыхъ овраговъ и ущелий, изъ-за скалъ и известковыхъ бугровъ, дуетъ вѣтеръ, — порывистый, какъ дыханіе горяччнаго. И только топотъ копытъ раздается въ гробовой тишинѣ окрестъ, въ скатахъ вдоль извилистаго дна Вади-эль-

Хоть. «Отсюда начинается дѣбрь самая дикая, — говоритъ одинъ старинный паломникъ. — Эта дорога есть древняя, проложенная самою природою. Юсифъ Флавій упоминаетъ о дикости ея. Невступно черезъ два часа отъ Иерусалима мы поднимались на гору, на вершинѣ которой видны остатки хана или гостиницы Благого Самаритянина. Это мѣсто называлось издревле Адомимъ, или Кровавое, по причинѣ частыхъ разбоевъ, здѣсь происходившихъ. . .» И глубокая тоска охватываетъ душу на этой горѣ, возлѣ пустого хана, при гаснущемъ солнцѣ. Вотъ она, эта «середина» пути, Бетъ-Гадруръ, гдѣ бросали на произволь судьбы жертву Азазелу, — известковый переваль, поразившій нѣкогда воображеніе самого Иисуса и создавшій такую трогательную притчу! На этой «серединѣ пути», который считался путемъ въ преисподнюю, плакалъ самъ Прародитель, лишенный Эдема. . .

Чѣмъ дальше отъ Гадрура, тѣмъ все круче падаетъ въ провалы и ущелья известковая дорога, а съ переваловъ уже видно, что окрестные бугры измѣнили свой видъ и составъ, — стали конусообразными, похожими на потухшіе вулканы, однообразнаго верблюжьяго цвѣта. Уже нѣсколько разъ открывалась передъ нами и долина Иордана, поражая обманчивой близостью своего пустыннаго, сѣро-блестящаго отъ соли пространства, по которому, вдоль узкой рѣчки, вьется темная лента зелени. Пространство за Иорданомъ, горы, кажущіяся теперь еще болѣе похожими на тучи, и синее устье Мертваго моря ярко озарены низкимъ солнцемъ. Но уже почти до самой середины долины достигаетъ тѣнь отъ Иудейской пустыни, обрывающейся надъ Иерихономъ высокими скалистыми стѣнами. Тѣнь и

вокругъ насъ, — на всѣхъ буграхъ и во всѣхъ котловинахъ.

Многихъ обгоняемъ мы теперь, столь же дикихъ и нищихъ, какъ въ дни доисторическіе. Вотъ опять идутъ верблюды и за ними — идумейцы, въ уголь сожженные вѣтрами и голодомъ, въ однихъ кубовыхъ линючихъ балахонахъ, ихъ полуголыя дѣти, облѣзлыя собаки и съ отрочества состарившіяся жены съ лѣтнво-скорбными, темными, какъ древне-аравійскія преданія, глазами. Вотъ черный и губастый старикъ въ одной грязной рубахѣ, раскрытой на груди. Онъ сидитъ на осликѣ, гонитъ его, волоча по землѣ свои черныя босыя лапы. Вотъ верховой турецкій солдатъ, съ карабиномъ наперевѣсь, зорко оглядывающій окрестныя ущелья и овраги. . . Всѣ спѣшатъ въ Іерихонъ — единственное человѣческое жилье, единственный оазисъ во всей Іорданской долинѣ. И, какъ только стемнѣетъ, ни души не останется на этой страшной древней дорогѣ.

IV

Ночи здѣсь сказочно-прекрасны. Онѣ околдовываютъ трижды мертвую страну лихорадочными сновидѣніями, воскрешающими содомскую прелесть ея давно минувшей жизни.

Въ сумерки, на послѣднемъ, самомъ крутомъ спускѣ въ долину, влѣво отъ дороги, внезапно открылась глубокая каменистая трещина — ущелье Кельта — и проводила насъ до самой долины. Смутно бѣлѣла дорога, шумѣлъ потокъ на днѣ уже совсѣмъ темнаго

ущелья, и печально краснѣло нѣсколько огоньковъ въ скалистой стѣнѣ за нимъ: тамъ древнѣйшіе притоны аскетовъ, тысячами погребавшихъ себя заживо въ криптахъ, которыми сплошь изрыты скалы Кельта. А когда мы спустились въ долину и повернули влѣво, къ Іерихону, чернымъ и тяжкимъ обрывомъ, уходящимъ въ небо, всталъ передъ нами кряжъ горы Сорокадневной. И огонекъ, чуть замѣтной точкой краснѣвшій и на этомъ обрывѣ, опять напомнилъ о той страшной борьбѣ, которую впервые воздвигли здѣсь люди противъ Искуителя.

Вся іорданская низменность, страна, что нѣкогда «орошалась, какъ садъ Господень» и на весь міръ славилась легендарнымъ плодородіемъ, красой и грѣховностью Пятиградія, дворцами и твердынями трижды возрождавшагося изъ развалинъ Іерихона, поражаетъ теперь тѣмъ запустѣніемъ, «гдѣ лишь жупель и соль, гдѣ злакъ не прозябаетъ, гдѣ ни голосъ человѣческой ни бѣгъ животнаго не нарушаетъ безмолвія.» Сады Іерихона дышали въ дни его славы благовоніями бальзамическихъ растений, индійскихъ цвѣтовъ и травъ. «Пальмы и мимозы, сахарный тростникъ и рисъ, индиго и хлопокъ произрастали въ долинѣ Іордана.» Объ этомъ свидѣтельствуется даже и тотъ оазисъ, что уцѣлѣлъ на мѣстахъ исчезнувшаго съ лица земли іорданскаго рая, даже имя того селенья, что наслѣдовало Іерихону: Риха — благовоніе. Но оазисъ этотъ, тропически зеленѣющій у подножія горы Сорокадневной, близъ источника Пророка Елисея, такъ малъ въ окрестной пустынѣ, а селенье все состоитъ изъ двухъ-трехъ каменныхъ домовъ, нѣсколькихъ глиняныхъ арабскихъ хижинъ и бедуинскихъ шатровъ.

Въ сумерки долина была молчалива, задумчива. Я сидѣлъ за Рихой, на одномъ изъ жесткихъ аспидныхъ колмовъ, что волнами идутъ къ горѣ, — на могилахъ Іерихона, кое-гдѣ покрытыхъ колючей травкой, до черноты сожженной. Далекія Моавитскія горы, — край таинственной могилы Моисея, — были предо мною, а западъ заступали черные обрывы горъ Іудеи, возносившихъ въ блѣдно-прозрачное небо заката свой высшій гребень, мѣсто Искушенія. Оттуда тянуло теплымъ сладостнымъ вѣтромъ. Въ небѣ таяло и блѣднѣло легкое мутно-фіолетовое облако. И того же тона были и горы за пепельно-туманной долиной, за ея меланхолическимъ просторомъ. И туманной бирюзою мерцало на югѣ устье Моря, что терялось среди смыкавшихся тамъ горъ. . .

Но вотъ наступила и длится ночь. Она коротка, но кажется безконечной. Еще въ сумерки зачался таинственно-звонящій, горячечный шопоть цикадъ, незримиыми мириадами наполняющихъ душную чашу оазиса, и приторно-сладко запахли его эвкалипты и мимозы, загорѣвшіеся мириадами свѣтящихся мухъ. Теперь этотъ звонкій шопоть стоитъ сплошнымъ хрустальнымъ бредомъ, сливаясь съ отдаленно-смутнымъ гуломъ, съ дрожачимъ стономъ всей долины, съ сладострастно сомнабулическимъ ропотомъ жабъ. Стѣны отеля, его каменный дворъ — все мертвенно блѣдно и необыкновенно четко въ серебристомъ свѣтѣ этихъ тропическихъ звѣздъ, огромными самоцвѣтами повисшихъ въ необъятномъ пространствѣ неба. Оно необъятно отъ необыкновенной прозрачности воздуха, — звѣзды именно висятъ въ немъ, а на землѣ далеко-далеко виденъ каждый кустъ, каждый камень. И мнѣ странно глядѣть на мою бѣлую

одежду, какъ бы фосфорящуюся отъ звѣзднаго блеска. Я самъ себѣ кажусь призракомъ, ибо я весь въ этомъ знойномъ, хрустально-звнящемъ полуснѣ, который наводитъ на меня Дьяволь Содома и Гоморры.

Я лунатикомъ брожу по саду и по двору отеля, но, кажется, никогда еще не было столь обострено мое зрѣніе, слухъ. Все сливается въ блескъ и тишину. Но вмѣстѣ съ тѣмъ я вижу каждую отдѣльную искру, слышу каждый отдѣльный звукъ. Я вынимаю часы. Понимаю, что уже два, что самоцвѣты, плывущіе въ бездонномъ пространствѣ съ востока, становятся все крупнѣе и лучистѣе, что мои ноги подламываются отъ смертельной усталости. Но развѣ у меня есть власть надъ собой?

Садъ кружится въ беззвучномъ круженіи зеленолиловыхъ мухъ, ихъ скользящихъ огненныхъ вихрей. Какъ райское дерево, трепещетъ и переливается искрами сикоморъ во дворѣ. Съ верху до низу горять и блещутъ ими кустарники, сахарный тростникъ. . .

Много разъ я пытался заснуть, входилъ въ домъ, въ свою темную, горячую комнату, ложился подъдушный кисейный балдахинъ, но и здѣсь эти ароматы, эти скользящія искры, этотъ дрожащій хрустальный бредъ, которымъ околдованъ весь міръ. Сердце тоже дрожить, тѣло, поминутно палимое жалами москитовъ, покрывается горячечнымъ потомъ. И такъ звонко кричитъ жаба въ бассейнѣ среди двора, и такъ отдается ея однообразно вибрирующій призывъ въ этомъ каменномъ домѣ съ раскрытыми окнами и настежь распахнутыми дверями, что я опять спѣшу покинуть его — и съ болѣзненной жадностью и радостью ловлю глотокъ воздуха на порогѣ крыльца. . .

Крыльцо бѣлѣтъ все ярче, фигура спящаго на немъ слуги-араба стала еще чернѣе. Раздвоившійся Млечный Путь, густымъ, но прозрачно-фосфорическимъ дымомъ протянувшійся съ сѣвера на югъ, совершенно отдѣлился отъ неба, повисъ на самой серединѣ пространства между нимъ и землею. Кажется, близокъ разсѣтъ! Кажется, стихаетъ, замираетъ бредъ и ропотъ вокругъ. Сперва по камнямъ, а потомъ по теплomu песку я спѣшу за селеніе — взглянуть на долину, на Моавъ, на востокъ. Но на востокъ все еще только позднія крупныя звѣзды. Блѣдный серебристый свѣтъ ихъ стоитъ надъ далекимъ мертвенно-блѣднымъ Моремъ. Блѣдные пески долины мерцаютъ какъ бы манной. Блѣдныя полосы тумана тянутся по извивамъ Иордана, — и уже смертоносная влажность чувствуется въ воздухѣ. И блѣднымъ дымомъ спустилось и легло облако у подножія горы Сорокадневной, чернѣющей, среди звѣздъ своей вершиной. . .

«Отойди отъ меня, Сатана.»

1909 г.

СТРАНА СОДОМСКАЯ

Только на разсвѣтъ тянетъ въ окна легкая прохлада вмѣстѣ съ ароматомъ эвкалипта.

Ночью, при звѣздахъ, старыя деревья во дворѣ отеля казались сказочно-высоки и вѣтвисты. Теперь они принимаютъ обычныя очертанія. Смокли жабы, замеръ звонъ цикадъ въ кустарникахъ, погасли огненные мухи. Мы выходимъ за ворота, садимся на лошадей; все молчить и въ тѣхъ немногихъ хижинахъ, что зовутся Іерихономъ или Рихой; всюду сонъ, одинъ сверчокъ трюкаетъ въ каменной верѣ, отъ которой еще дышитъ тепло ночи. Но за мечетью уже слышенъ говоръ.

Ее бѣлый невысокій минаретъ стоитъ при дорогѣ, на самой окраинѣ Рихи. Подъ нимъ часто ночуютъ бедуины. Ночеваль небольшой караванъ и нынче. Мы проѣзжаемъ мимо него; понукаемые жожаками, глухо урчатъ верблюды, поднимаясь съ теплаго песка. Надъ мечетью, въ свѣтлѣющей вышинѣ крупной слезой виситъ Венера. На востокъ, надъ синеватымъ Моавитскимъ кряжемъ, небо шафранное. Но еще по ночному тлѣетъ костеръ табора, летучія мыши рѣютъ вокругъ мечети.

За садами Рихи, на западѣ, — обрывы Іудей. Отчетливо слоятся сѣро-фіолетовыя уступы горы Искушенія. Но внизу еще тѣнь, и, вѣрно, мыши принимаютъ ее за сумерки, когда и создалъ ихъ Христось. Онъ сорокъ дней и ночей провель въ пещерѣ надъ Іерихономъ, на обрывѣ, закрывающемъ западъ, — Онъ не зналъ, когда садится солнце и когда надлежитъ совершать молитву. И вотъ однажды поднялся Онъ на вершину и, какъ только скрылось солнце, начерталъ на пыли то легкое, таинственное созданіе, что такъ любить сумракъ. Онъ вдохнулъ въ него жизнь и сказалъ: «Каждый вечеръ на закатѣ солнца вылетаи изъ расщелинъ горы, гдѣ огоньнѣ будетъ твое жилище, дабы зналъ Я часъ молитвы. . .» Я поднимаю голову, вспомнивъ эту дамасскую легенду, и не узнаю окрестности: мы проѣхали версту, не больше, а уже день, совсѣмъ день.

Глухой котловиной, бесплоднымъ и безлюднымъ доломъ тянется съ сѣвера на югъ, отъ самага моря Тиверіадскаго, известково-песчаная пустыня, которую почти напрямикъ пересѣкаетъ путь отъ Рихи къ Іордану. Тѣ, что пытались изслѣдовать ее, видѣли по рѣкѣ всего два-три селенія, — даже каменистый Моавъ, дочерна спаленный солнцемъ, людиѣ іорданскихъ береговъ. То же и здѣсь: на всемъ огромномъ пространствѣ, окружающемъ насъ, лишь одно живое мѣсто — оазисъ Рихи. Оглядываясь, видишь бѣлыя пятна хижинъ среди темной зелени, приютившейся подъ горнымъ обрывомъ. Тамъ, въ садахъ, еще растеть деревцо небдъ, приносящее акриды, растеть бальзамическій цаккумъ, сизый тернъ, изъ котораго сплели вѣнецъ Іисусу, а весной цвѣтеть много дикихъ индійскихъ цвѣ-

товъ. Но какъ повѣрить, что это тамъ былъ и неприступный Иерихонъ ханаанскій и «божественный городъ садовъ» Ирода, что вотъ этой долиной искашалъ Иисуса дьяволъ?

Впереди все то же: пепельно-сѣрыя дюны, кое-гдѣ жесткій, осыпанный солью кустарникъ. Небо просторно, огромно. Чуть не въ самомъ зенитѣ таетъ алая звѣзда Венеры. Но и до нея уже достигаетъ восходящій изъ-за горъ Моава, охватившій полвселенной сухой, золотисто-шафранный свѣтъ. Одно Мертвое море прячется отъ свѣта. Вонъ оно — у самаго подножія ея, за тѣмъ голымъ побережьемъ, что бѣлѣтъ вдали, вправо. Ясно виденъ и обманчиво близокъ кажется сѣверный заливъ. Но синѣтъ онъ тускло, керосинно. . .

«Символь страшной страны сей — море Асфальтическое», говорили когда-то. Страхъ внушаетъ она пилигримамъ и донинѣ, трижды проклятая и трижды благословенная. Мало совершившихъ путь по всей извилистой стремнинѣ Иордана съ его зноемъ и лихорадками. Но еще меньше тѣхъ, что пускались въ заповѣдныя асфальтическія воды. Легче, говорили они, пройти всѣ океаны земные, чѣмъ это крохотное море, черные прибрежные утесы котораго неприступно круты, пугаютъ глазъ человѣкоподобными очертаніями и такъ смолисты, что могутъ быть зажжены, какъ факелы, — море, дно котораго столько разъ трескалось отъ землетрясеній и выкидывало на поверхность тѣ таинственные вещества, что служили египтянамъ для сохраненія мертвыхъ отъ глѣна, море, жгуче-соленыя, горькія волны котораго тяжки, какъ чугуны, и въ бурю, «покрытыя кипящимъ разломомъ», потрясаютъ берега своимъ гуломъ, между тѣмъ какъ пламенный вѣ-

теръ до самаго Іерусалима мчитъ столбы песку и соли. . . Длится и все свѣтлѣе становится золотисто-шафранное аравійское утро. Толкутъ и толкутъ копыта нашихъ лошадей твердую, растрескавшуюся дорогу. Но ни единая птица не взвивалась еще съ радостной утренней пѣсней надъ долиной. И, вѣрно, ни единой живой души и не встрѣтимъ мы, кромѣ развѣ жадно-трусливой души кочевника или гѣены. Впереди среди пустыни цвѣта пемзы, — лента при-іорданской зелени, чащи ивъ, тамарисковъ, камышей. . .

Такъ богата и прекрасна была нѣкогда эта долина, что дьяволъ издревле избралъ ее мѣстомъ грѣха, искушеній. Это онъ опьянилъ сладостью страсти и порока Пятиградіе, переполнившее чашу терпѣнія Предвѣчнаго. Это онъ внушилъ дочерямъ Лота жажду кровосмѣшенія, дабы отъ родного отца зачала старшая изъ нихъ Моава: «И дождемъ пролилъ Господь огонь и сѣру, ниспровергъ города сіи и всю окрестность ихъ, и всѣхъ жителей, и всѣ произрастанія земли. . .» Но легендой патріарховъ стали дни гнѣва, и снова зацвѣлъ «садъ Предвѣчнаго», снова возродился столь прекраснымъ, что заповѣданъ былъ любимѣйшему изъ чадъ Божіихъ. — Солнце встало надъ Моавомъ, затопило его блескомъ и уже палить долину. Какія-то большія металлически-сѣрыя мухи липнуть къ жаркимъ гривамъ лошадей, скорпіонъ шуршитъ, бѣжитъ укрыться въ легкой голубой тѣни подъ застывшей песчаной волной. Больно смотрѣть изъ-подъ шлема на дорогу, но тянетъ взглянуть въ блескъ Моава, тянетъ найти ту вершину, съ которой показалъ Господь Моисею всю радость земли Обѣтованной: «Взойди на гору сію, на гору Нево, что въ землѣ Моавитской противъ Іерихо-

на, и посмотри на землю Ханаанскую, и умри на горѣ, на которую ты взойдешь, и приложись къ народу твоему. . .»

Библия подчеркиваетъ что блудница дала приютъ первымъ израильтянамъ, проникшимъ въ Иерихонъ. И страшнымъ заклятіемъ заклалъ Навинъ Израиля, овладѣвъ страною и до тла уничтоживъ красу Иерихона: «Проклятъ передъ Господомъ тотъ, кто возставитъ и построитъ городъ сей Иерихонъ!» Но развѣ не слѣды Навина — тѣ гилгалы, что разсѣяны въ долину Иерихонской, тѣ огромные диски изъ камня, первобытные кровавые жертвенники Ваала-Солнца, что благоговѣнно полагалъ въ круги самъ народъ израильскій? — На тропическіе шлемы мы накидываемъ бедуинскіе платки. Лошади пошли шагомъ, неустанно мотая головами, отбиваясь отъ мухъ. Онѣ машутъ кистями и разноцвѣтными бусами, которыми украшаютъ здѣсь уздечки. Шеи ихъ стали мокры, темны и тонки. Въ легкой и все же душной тѣни платка дышишь какъ бы жаромъ раскаленнаго костра. Близокъ Иорданъ, — уже тянетъ запахомъ рѣчной воды, запахомъ горячаго ила. . . Теперь и отъ великой рѣки остался только узкій и мутный потокъ, отъ первобытно-густыхъ зарослей на берегахъ ея — кайма ивъ, камышей и кустарниковъ, опутанныхъ лианами.

Масара, то мѣсто Иордана, гдѣ отдыхаютъ пилигримы, преданія называютъ мѣстомъ крещенія Иисуса. «Въ тѣ дни пришелъ Иисусъ изъ Назарета Галилейскаго. . .» Въ тѣ дни долина переживала третій и послѣдній расцвѣтъ. Тщетно было заклятіе Навина, — еще разъ выросъ новый Иерихонъ. И вотъ дьяволъ искушаетъ прелестью его самого крестившагося Сына Бо-

жія. «Возведь Его на высокую гору, дьяволь показаль Ему всѣ царства вселенной во мгновение времени. И сказалъ Ему: Тебѣ дамъ власть надъ всѣми сими царствами и славу ихъ, ибо она предана мнѣ.» Сѣропесчаный берегъ обрывистъ и крутъ. Густая желтоватая вода, крутясь, бѣжитъ подъ вѣтвями ивъ, подъ корнями, покрытыми наносною травою, иломъ. Лошади тянутся къ водѣ, вязнуть по колѣна и долго, жадно пьютъ. Мертвая тишина кругомъ и сквозная горячая тѣнь надъ головою. Мысли безпорядочны, смутны, но стремятся все къ одному — связать то простое, что передъ глазами, съ страшнымъ прошлымъ этой пустыни. Хочешь представить себѣ то, что доступно только Богу, — жизнь тѣхъ легендарныхъ ханаанскихъ городовъ, отъ которыхъ уцѣлѣли лишь названія. Думаешь о знойно-мглистомъ Моавѣ и опять слышишь слова Второзаконія: «И полуденную страну, и равнину долины Иерихона, городъ Пальмъ, до Сигора увидаль Моисей. . . И умеръ тамъ, въ землѣ Моавитской, по слову Господню, и погребенъ въ землѣ Моавитской, и никто не знаетъ мѣста погребенія его даже до сего дня. . .» Думаешь объ іерихонскихъ бальзамахъ Клеопатры, о термахъ Ирода — и опять возвращаешься къ искушенію Иисуса отъ дьявола. . . И теряешься въ образахъ времени Рима, Византіи, Омаровъ. . . Великими крестовыми битвами во имя и славу Того, Кто отвергъ здѣсь славу всего земного, обрывается лѣтопись этой страны. За ними вѣка молчанія, никому невѣдомыхъ и несчетныхъ подвиговъ отшельничества, погребенія себя заживо въ могильникахъ навѣки забвенной Іудеи. Въ молчаніи, вдали отъ жизни всего міра, множатся, какъ соты ось, крипты въ каменистыхъ обры-

вахъ Иудейскихъ и Аравійскихъ горъ; въ прибрежныхъ скалахъ страшнаго Асфальтическаго моря, въ огненныхъ ущельяхъ созидаются дикія обитатели. Но ураганами проносятся набѣги отъ Дамаска, отъ Багдада, отъ Геджаса, и вотъ — пустѣютъ и крипты, переполненные костями избѣенныхъ иноковъ, гложутъ разоренныя обитатели. . . И опять, опять воцаряется онъ, древній богъ пустыни!

Полдень проводимъ у самага моря. Жутко звучитъ на его нагомъ, ослѣпительно-бѣломъ прибрежьи это слово — полдень. При-иорданскіе камыши и кустарники не смѣютъ дойти сюда вмѣстѣ съ Иорданомъ: далеко вокругъ песчано-каменисто и покрыто солью, селитрой то мѣсто, гдѣ сливается рѣка съ маслянистой, жгуче-горькой и тускло-зеленоватою водою асфальтической. На коралловыя похожи тѣ какъ бы окаменѣвшія вѣтви, что приносятъ сюда теченіе рѣки и что снова, уже мертвыми, выкидываетъ Море. Въ знойно-мглистой дали теряется оно на югѣ. Тамъ — дни Авраама, Агари, Измаила. Тамъ, въ капищѣ Эль-Лать, племя Тарикъ еще донынѣ поклоняется гилгалу Солнца — полубога, полудьявола.

1909 г.

ХРАМЪ СОЛНЦА

Такъ говоритъ Господь: сокрушу затворы Дамаска и истреблю жителей долины Авенъ.

Кн. прор. Амоса.

I

Рано утромъ покинулъ я Бейрутъ. Поѣздъ черезъ часъ былъ уже подъ Хадеттомъ. За Хадеттомъ онъ перемѣнилъ темпъ на торопливый, горный: стуча, раскочиваясь, онъ сталъ извиваться все выше и выше по красноватымъ предгорьямъ. Изъ-за цвѣтущихъ садовъ, покрывающихъ ихъ, изъ-за гранатовъ, шелковицъ, кипарисовъ, розъ и глициній нѣсколько разъ мелькнуло туманно-синее море. Слушая разноязычный говоръ, гулъ колесъ и грохотъ энергично работающаго паровика, я выглянулъ въ окно, дохнулъ посвѣжившимъ воздухомъ: въ необъятное пространство за нами все ниже и ниже падала далекая бейрутская долина, ставшая маленькой, плоской, кучки бѣлыхъ и оранжевыхъ точекъ — крышъ, темно-зеленыхъ пятна садовъ, кирпичныя отмели бухты — и необозримая синь моря. Скоро все это скрылось — и снова развернулось еще шире. . . Все мельче, тѣснѣе становились точки, все игрущей — бухта и все величавѣе — море. Море

росло, поднималось синей туманностью къ свѣтлому небу. А небо было несказанно огромно.

Подъ Джамхуромъ паровикъ сталъ на подъемѣ къ котловинѣ, повернувшись къ Бейруту, — и за горами направо я вдругъ близко увидалъ серебряную съ чернью громаду Саннина. Пахло снѣгомъ, но сѣрая каменная стѣна маленькой станціи вся была въ цвѣтушей, ярко-пунцовой герани. Потомъ паровикъ звонко, по-горному крикнулъ — и опять застучалъ короткимъ дыханіемъ въ кручу. И опять открылась головокружительная панорама съ далекимъ Бейрутомъ на днѣ. Зыбко зіяли глубокія ущелья съ одной стороны, торжественно возрасталъ Саннинъ съ другой... А за Арайей подъемъ пошелъ еще круче. Стало просторно и голо, прохладно и облачно. Дымомъ сползали облака по скатамъ. Минувавши Алэй, мы опять повернули къ востоку. Былъ тунель. Налѣво открылась долина Хамана, за ней — горы въ сплошныхъ темно-зеленыхъ борахъ... За Софаромъ мы опять окунулись въ тьму, дымъ и грохотъ, а когда выскочили, о, какъ дико и вольно стало кругомъ! Изъ-за голыхъ вершинъ глямулъ Джебель-Кенэзэ весь въ яркихъ серебряныхъ лентахъ, четко, одиноко засіялъ въ этой ясной, прохладной пустынѣ. Приближался перевалъ, паровикъ выбивался изъ силъ, одолевая послѣдній подъемъ. Изъ оконъ вагоновъ высовывались фески, дымъ падалъ и стлался по придорожнымъ скаламъ... Къ полудню мы пришли на Бейдаръ, къ перевалу.

Было тихо, свѣжо. Пять тысячъ футовъ не Богъ вѣсть какая высота, но волновала мысль, что ты на Ливанѣ. А впереди — долина Солнца, долина Авенъ, Келесирія. Тронувшись, мы пошли съ головокружи-

тельной быстротой. Съ грохотомъ нырнули опять въ длинный-длинный тунель. А когда этотъ грохотъ оборвался, ослѣпли отъ свѣта и не сразу поняли, что это, какъ море, сіяетъ впереди. Впереди же была — Келесирія.

Въ глубокой дали раскрылась она, ровная, пустая, котловиной среди горъ, смутно видныхъ въ солнечномъ туманѣ. Противъ лѣваго окна, надъ скатами, сіяла все та же голая громада въ бѣлыхъ лентахъ. На скатахъ возлѣ насъ лежалъ тающій снѣгъ. А дорога все падала, и все ближе становилась огромная изумрудная долина въ фіолетовыхъ пятнахъ пашень. И еще огромнѣе былъ далекій валъ горъ за нею. Вотъ сосѣдь трогаетъ меня сизою рукой за рукавъ и, блеснувъ зубами, говоритъ:

— Джебель-Шейхъ!

И, взглянувъ, я вдругъ вижу за долиной, въ солнечномъ туманѣ, величаво выдѣляющуюся изъ-за валовъ Антиливана куполообразную гору. Она вся въ полосахъ снѣга, идущихъ сверху внизъ, — какъ талесъ. Гермонъ, Великій Шейхъ! Надъ нимъ, почти на немъ — купы свѣтлыхъ легкихъ облаковъ. . .

На Мерейатѣ стало совсѣмъ тепло. Лѣтній вѣтеръ, бѣлая акація въ цвѣту. . . Но по горѣ налѣво все еще былъ снѣгъ — на изумительно-яркомъ полѣ неба. За Мерейатомъ, послѣ очень крутого спуска, открылась Штора, большая и дикая на видъ арабская деревня съ плоскими глиняными кровлями. За Шторой, послѣ полудня, мы были уже въ долинѣ. Пошли сады, въ нихъ — тополя, шелковицы. Сквозь сады мелькали снѣжныя и красныя одежды сирійцевъ, пахавшихъ на волахъ

ржавую глину въ виноградникахъ. . . Близился Райякъ, гдѣ нужно было покинуть дамасскій путь и свернуть на сѣверь.

Близились мѣста Эдема, Баальбекъ.

II

Край баснословныхъ племень, родина Адама, святилище Солнца! Эта измененность, — въ ней около полутора ста верстъ, — съ незапамятныхъ временъ называется Бека, т. е. страна, долина. Баальбекъ есть такимъ образомъ «долина Ваала-Солнца». Слово Сирия — санскритское — значить опять-таки — солнце. Но мало того: эта долина, средоточіе солнечныхъ служеній, связана еще съ именемъ Рая, близость котораго къ Баальбеку была неоспорима въ древности.

Я глядѣлъ въ окна вагона. Прохладный, сѣроватый день. Дорога отъ Райяка ровно и почти незамѣтно для глазъ идетъ на подъемъ, все къ сѣверу. Кругомъ — слегка волнистая пустыня, тощіе посѣвы, сквозить красноватая почва, — именно та, изъ которой и былъ созданъ Адамъ! — и кое-гдѣ — дико цвѣтушіе кустарники. Въ открытое окно слѣва дуетъ свѣжій степной вѣтеръ, за долиной видны холмы предгорій и безъ конца тянется горбатый валь Ливана — дикихъ тоновъ, весь въ продольныхъ бѣлыхъ лентахъ. И такая же гряда идетъ и справа — Антиливанъ. Я глядѣлъ — и вдругъ опять вспомнилъ талесъ, платъ, который накидываютъ на голову во время молитвы евреи, — подобіе древнѣйшей кочевой одежды. Вотъ откуда всѣ

эти пѣгія хламыды, раскиданныя по Востоку, и даже полосатая черезполосица мраморовъ въ мечетяхъ! Все отсюда, изъ исполинскаго развала этихъ ни на что не похожихъ горъ.

Онѣ не кажутся высоки, — сама долина на четыре тысячи футовъ выше моря. Издалека не поражаютъ онѣ и очертаніями. Но что сравнится съ этими синеватыми валами и пѣгими горбами, точно перенесенными съ другой, болѣе старой планеты? Съ другой планеты и всѣ памятники ихъ. Вонъ чуть сѣрветъ на Ливанѣ мѣстечко Керакъ съ высѣченной въ скалахъ стофудовой гробницей Ноя. Вонъ тамъ, на Антиливанѣ, есть селенье Неби-Шить, гдѣ чтутъ могилу Сива. А впереди — Баальбекъ, руины храма, «превышающаго размѣрами все сдѣланное рукою человѣка». Камни его возили на мастодонтахъ; въ святилищахъ его сливались въ служеніе единому Солнцу служенія Арамеи и Египта, Ассиріи и Финикіи, Греціи и Рима. Баальбеку уступали не только всѣ финикійскіе, но даже египетскіе храмы. Тамъ ликъ Солнца дробился: тамъ были боги, нисходившіе до людскихъ распрей, воплощавшіеся въ царяхъ и вождяхъ; здѣсь былъ единый Богъ... А за Баальбекомъ, къ сѣверу, долина еще пустыниѣе. На ней смѣшались и слились со скалами предгорій камни несмѣтныхъ городовъ и храмовъ, самое имя которыхъ исчезло безслѣдно, навѣки. Земля тамъ — одна изъ самыхъ плодороднѣйшихъ въ мірѣ — запущена, одичала. И высится на ней Гермиль, «памятникъ Рая» — каменный кубъ на помостѣ чернаго базальта, украшенный барельефными луками, стрѣлами и фигурами тигра, кабана и слона, — охоты тѣхъ дней, когда Ливанъ, утопавшій въ исполинскихъ кедровыхъ лѣсахъ

и великомъ обилии водъ, былъ еще подлиннымъ Ра-
емь. . .

Въ открытое окно дулъ сильный вѣтеръ. Съ сѣвера, изъ-за горъ, шла неохватная градовая туча, уже покрывшая и замутившая вершины туманомъ. Я подумалъ: тамъ Кедръ. . . Слѣдуетъ ли, говорятъ нѣкоторые, искать на Ливанѣ отдѣльныхъ мѣстъ, связанныхъ преданіемъ съ Эдемомъ? Не Эдемъ ли весь Ливанъ? Вѣдь, кромѣ Гермиля, есть и было еще нѣсколько селеній, носящихъ это имя: на примѣръ, древне-сирійское селеніе на Антиливанѣ — Гедимъ; потомъ Эдемъ близъ Дамаска. . . Болѣе же всего соперничаетъ съ Эдемомъ Гермиля Эдемъ близъ Кедровъ, на сѣверо-западѣ. Взбираются къ этому Эдему по ужасающимъ кручамъ Ливана, чтобы достигнуть подошвы вѣчно-снѣжныхъ вершинъ. И видны оттуда цѣлыя страны — кражи, долины, воды, лѣса и селенія, необозримая лустыня Келесириі, рѣки и царственныя руины Баальбека на ней, мутная синева Антиливана на востокѣ, бездна Средиземнаго моря, сливающаяся съ горизонтомъ, на западѣ. . . И вотъ одно изъ этихъ-то селеній и есть Эдемъ, а нѣсколько хвойныхъ рощъ суть остатки кедровъ ливанскихъ, тѣхъ, которые Библія называла за-облачными, тѣнь ихъ — тѣнью, покрывшей всѣ земныя царства, бальзамъ — божественнымъ, на тысячи лѣтъ сохраняющимъ трупы отъ тлѣнія, древесину — не боящейся вѣчности. . . Одна изъ пяти рощъ, уцѣлѣвшихъ близъ Эдема, еще и донинѣ почитается священной.

Я смотрѣлъ въ окна. . . Что такое теперь Баальбекъ? Даже происхождение его никому неизвѣстно. Извѣстно только, что упоминается онъ въ египетскихъ и ассирій-

скихъ надписяхъ; что былъ онъ колоніей Рима, которому и принадлежитъ построение — въ честь боговъ солнечныхъ — двухъ всемірно-славныхъ баальбекскихъ храмовъ — Великаго и Малаго. Брали и разрушали его и арабы и монголы, а ихъ разрушеніямъ помогло нѣсколько страшныхъ землетрясеній, и вотъ, на мѣстѣ огромнаго города, остался блѣдный городокъ съ пятью тысячами разноплеменнаго сирійскаго люда и развалинами акрополя, въ которомъ отъ Великаго храма уцѣлѣло всего шесть колоннъ. . . Вдругъ вагонъ ярко озарился солнцемъ. И внезапно увидѣлъ я вдали нѣчто поражающее: густой зеленый оазисъ садовъ и тополей, тянувшихся среди долины и окружавшихъ желто-бѣлая руины какой-то крѣпости, такой огромной, что сады казались подъ ней кустарниками, а надъ ними — шесть какъ бы повисшихъ въ воздухѣ мраморныхъ колоссовъ.

Солнце изъ грозовыхъ тучъ озаряло сады и руины сильно и рѣзко. Темно-сизый фонъ неба еще болѣе усиливалъ яркость зелени и допотопныхъ стволовъ колоннады. И въ пролеты ея ветхозавѣтно глядѣлъ пѣгій горный талесъ. Бѣлымъ огнемъ горѣли широкія снѣжныя полосы этого талеса. И загорѣлись еще болѣе, когда мы приблизились къ Баальбеку. Но вдругъ померкли, воздухъ потемнѣлъ — и буря, докатившись съ Ливана, смерчкомъ закрутила пыль надъ городкомъ, бѣлѣвшимъ за руинами, тучей помчала ее надъ садами и сквозь колонны. . . Едва успѣлъ я вскочить въ холодный и пустой отель на каменистомъ холмѣ вблизи ихъ, какъ все смѣшалось въ лютомъ ливнѣ съ градомъ. Градъ съ трескомъ свѣкъ помутившіяся окна, летѣлъ и прыгалъ по землѣ. Вааль изъ-за облачной высоты

величаво кидалъ въ мрачно откликавшіяся горы гуль и грохотъ, отъ которыхъ въ страхъ метались фіолетовыя молніи. . .

Но когда, черезъ часъ, вышелъ я на балконъ, золотымъ блескомъ ослѣпила меня дождевая вода на балконѣ. Буря пронеслась, и на землѣ воцарились безмятежный миръ и ясность, одинъ изъ тѣхъ вечеровъ, что такъ любятъ ласточки. Воздухъ былъ чистъ и теплый, талесы далекихъ куполообразныхъ вершинъ четки и близки, мокрые сады противъ балкона райски-свѣжи, густы и зелены. А надъ садами и надъ крѣпостными руинами, тонувшими въ нихъ, стройно и державно возносились шесть желтоватыхъ колоссовъ Великаго храма. Съ балкона я глядѣлъ на предвечернее солнце, на Ливанъ, на сѣверо-западъ. На западъ тянулись по долинѣ руины. Тополя и фруктовыя деревья шли вдоль южной стѣны ихъ, подымавшейся надъ зеленью каменными зубьями, грубыми брешами. И миѣ виденъ былъ весь акрополь, заключающій въ себѣ на восточномъ краю входъ, Пропилеи, на западномъ — Великій храмъ, а по срединѣ — Гексагонъ и Жертвенный дворъ. Малый храмъ построенъ отдѣльно, внѣ этой стѣны. Его циклопическій периптеръ сохранился на диво. Но здѣсь онъ терялся: все подавляли колонны Великаго храма. Верхъ одной изъ нихъ — крайней справа — былъ уже почти свободенъ отъ архитрава. Скоро она рухнетъ, подумалъ я, и рухнетъ ужасно! Въдѣ въ одномъ фундаментѣ акрополя пятнадцать аршинъ высоты, но колонны стоятъ не на немъ: для Великаго храма былъ воздвигнутъ еще другой фундаментъ, высотой почти равный первому. А въ самихъ колоннахъ росту аршинъ сорокъ! Нѣкогда перистиль храма, — окру-

жавшая его колоннада, — состояла из пятидесяти четырех таких колонн. Теперь их только шесть, — третья часть южной части перистиля, удержавшаяся на единственной сохранившейся стѣнѣ второго фундамента. И какъ одиноки онѣ! Воздухъ долины становился голубымъ, валь Ливана синимъ. Далеко на сѣверо-западѣ начинали желтѣть ленты одного изъ высочайшихъ горбовъ, все яснѣе выдѣлявшихся на небѣ. Между небомъ и землей былъ несказанный просторъ. Но величіе этихъ колоннъ, одинокихъ «наслѣдниковъ дней героевъ», было ни съ чѣмъ несравнимо.

III

Солнце склонялось; въ мокрыхъ зеленыхъ садахъ, казавшихся еще свѣжѣе отъ шума горной мутно-зеленой рѣчки, въ садовой глуши вокругъ акрополя, была тѣнь. Маленькими казались тополя, стояшіе вдоль фундамента. . . Привратникъ пропустилъ меня за желѣзную рѣшетку къ Пропилеямъ.

Нѣкогда къ нимъ вела мраморная лѣстница; сарацины до послѣдней плиты разрушили ее, превращая акрополь въ крѣпость. Нѣкогда Пропилеи были стройнымъ, величавымъ зданіемъ. Двѣнадцать сіенитовыхъ колоннъ, за ними — порталъ въ три пролета, по бокамъ — павильоны-экзедры, воздвигнутые изъ огромныхъ камней со всей роскошью и силой древняго зодчества и ваянія, съ двумя ярусами нишъ для статуй боговъ. Теперь отъ колоннъ остались только пьедесталы, порталъ являетъ видъ проломовъ въ крѣпостной

стѣнѣ, проходъ къ нему заваленъ каменными глыбами и разбитыми капителями, полуразрушенныя экзедры зіяютъ. Тѣнь была въ этихъ раскрытыхъ развалинахъ. Глубоко и густо синѣло надъ ними вечернее небо. Зеленая верхушка тополя тянулась снизу, заглядывая въ брешь. И мертвая тишина стояла вокругъ. . .

За стѣной Пропилей — Гексагонъ, первый дворъ. Огромный шестиугольникъ его замкнутъ шестиугольникомъ стѣнъ и сплошныхъ экзедръ, опять-таки разрушенныхъ. Мраморный скользящій шестиугольникъ въ три ступени идетъ вокругъ площади двора, на разстояніи шаговъ двадцати отъ экзедръ. На немъ возвышалась шестиугольная колоннада, связанная съ экзедрами сводомъ. Въ тѣни этой галлерей толпились ожидавшіе входа во дворъ Жертвенный. Отъ колоннъ не осталось теперь ни единой. Пустой дворъ окружаютъ громады руинъ. Сарацины пробили въ нихъ бойницы, понадѣлали много грубыхъ амбразуръ. Землетрясеніе и осады почти ничего не оставили и отъ этой работы. Чувствуешь лишь дикость древней цитадели, слѣды свирѣпыхъ древнихъ битвъ и — тяжесть, величіе Рима.

А за Гексагономъ — дворъ Жертвенный, дворъ, повторяющій первый, но лишь въ иной, квадратной формѣ и чуть не втрое превосходящій его по размѣрамъ. Мало оставило время и отъ второго тройного портала, — проходовъ изъ Гексагона на Площадь Всесожженія: вмѣсто портала зіяетъ теперь пустота среди острововъ крайнихъ экзедръ, что похожи на остовы какихъ-то допотопныхъ жилищъ, на сквозныя пещеры. И когда я, оглянувъ Гексагонъ, кинулъ взглядъ далѣе, —

необозримый каменный хаосъ, хаосъ цѣлаго города, ниспровергнутого землетрясеніемъ, открылся предо мною. Не на Гексагонъ и Пропилеи, а вѣдь именно сюда, гдѣ послѣдовательно возростали и размѣры и святость Храма Солнца, направлены были силы подземныя, ужасы осадъ и варварство византійскихъ императоровъ. Но великое осталось великимъ. Чуть не на полверсты тянулся среди этого хаоса отшлифованный мириадами ногъ, мѣстами зіяющей провалами, мѣстами заросшій колючками проходъ. Шесть колоссовъ, стоящихъ почти на самомъ концѣ его, на остаткахъ фундамента, глядѣли на югъ и сливались въ одинъ, занимая полъ-неба. Ихъ стволы, обожженные зноемъ и вѣтромъ, были вблизи красноваты. Горизонтъ за ними замыкался зубцами и проломами Стѣны Циклоповъ. Небо блѣднѣло, низко опустившееся солнце все слегка золотило. . . Я сѣлъ среди двора на камень.

Было тихо-тихо. Безъ конца лежали и стояли вокругъ меня обломки сіенитовыхъ туловищъ, точно какія-то каменные страшныя существа. Позади и вправо широко раскрывали свои каменные утробы искаженныя и разрушенныя экзедры; только двѣ-три изъ нихъ напоминали о прежнемъ великолѣпнн раковинообразныхъ нишъ, пилястровъ и горельефовъ. А налѣво громоздились камни, шли какіе-то рвы и провалы — и тяжело и вмѣстѣ съ тѣмъ легко, стройно и громадно высился храмъ Малый, чудомъ сохранившій весь свой, какъ бы литой изъ желтоватаго мрамора, корпусъ и цѣлыхъ девять колоннъ какъ разъ на томъ флангѣ, который былъ виденъ мнѣ. Я глядѣлъ на нихъ и долго не могъ понять, что это такъ рѣзко отличаетъ ихъ отъ тѣхъ шести колоннъ. Малый храмъ, этотъ рѣдкій образецъ

эллинской красоты и несокрушимой римской мощи, былъ немного менѣ Великаго. Нѣтъ при немъ ни Пропилей, ни Гексагона, ни двора Всесоженія, но фундаментъ его почти равенъ тому, исчезнувшему фундаменту, на которомъ стояло святилище Солнца. Почти равны и перистилы ихъ. . . Въ чемъ же тогда дѣло? Только въ томъ, что колонны храма Солнца вверху же суживаются. Но какъ далеко уносить это въ глубину вѣковъ!

Можно представить себѣ красоту Малаго храма, Пропилей, Гексагона, двора Жертвеннаго — въ тѣ дни, когда только-что отлилось въ совершенныя формы и сочеталось въ Баальбекѣ «самое прекрасное на землѣ съ самымъ величественнымъ». Этотъ хаотическій просторъ, нынѣ подобный страшнымъ картинамъ Исаи, лоснился тогда мозаичными настилами. Стѣны и экзедры, гдѣ помѣщалось болѣе трехсотъ нишъ для всѣхъ боговъ Олимпа, стройно замыкали его съ трехъ сторонъ, на четвертой, западной, шла лѣстница къ высоко вознесенному portalу Великаго храма. Квадратъ изъ огромныхъ сіенитовыхъ колоннъ — темно-розовыхъ, гладко шлифованныхъ египетскихъ монолитовъ — охватывалъ средину двора, и галереи между ними и экзедрами всегда были полны свѣта, тѣни, бѣлыхъ хитоновъ. Нельзя было найти мѣста, не блиставшаго мраморомъ статуй, пилястрами, фронтонами и причудливой лѣпкой карнизовъ, капителей, — этихъ окаменѣвшихъ листьевъ, узоровъ, цвѣтовъ. Ярко млѣла синя неба надъ квадратомъ двора. Дымъ непрерывныхъ сожженій и языки пламени поднимались съ гигантскаго жертвенника, съ раскаленной мѣдной плиты его — съ алтаря возлѣ мраморныхъ ступеней, тремя пе-

реходами поднимавшихся къ чудовищному периптеру Великаго святилища. . . Но легко сказать: чудовищному! Какъ представить себѣ его?

Та часть основного фундамента, на которой стоялъ фундаментъ святилища, равна только половинѣ двора Жертвеннаго. Но древніе не даромъ называли святилище «первобытнымъ»: дѣло было не въ ширинѣ и длинѣ, а въ высотѣ и размѣрахъ строительнаго камня. И уже одно то, что периптеръ святилища былъ вознесенъ еще и на другой громадный фундаментъ съ подземельями внутри, свидѣтельствуешь о томъ, что Римъ здѣсь кончается. Кѣмъ былъ сложенъ основной фундаментъ? Какими-то древне-арамейскими племенами — изъ самыхъ большихъ монолитовъ, «какіе когда либо поднималъ человекъ», и въ тѣ дни, когда легенды о титанахъ еще дышали жизнью. Неизвѣстно, кѣмъ построено и самое святилище Солнца: Римъ только реставрировалъ его. Но и реставрировалъ подъ несомнѣннымъ вліяніемъ преданій о великихъ капищахъ, о столпотвореніяхъ, объ уступчатыхъ зиккуратахъ, этихъ «башняхъ до небесъ», и посвятилъ его Солнцу-Ваалу, сочетавшему здѣсь свое имя съ именемъ Юпитера. И святилищемъ Ваала, прежде всего Ваала и было и осталось святилище Великаго храма, уступами вознесенное къ небу и охваченное колоссами, имѣвшими и внизу и вверху одну толщину — первобытно. А сказочнымъ монолитамъ, изъ которыхъ сложенъ основной фундаментъ, его подземелья и Стѣны Циклоповъ, Римъ могъ только дивиться: тайна передвиженія и кладки этихъ монолитовъ, изъ которыхъ иные имѣютъ по тридцати аршинъ въ длину, даже для него была непостижима.

Солнце сѣло, и, какъ всегда на Востокѣ, стало на минуту особенно свѣтло. И въ этомъ странномъ свѣтѣ безъ солнца, въ пространствѣ, какъ бы лишенномъ воздуха, рѣзко обожженные красноватымъ загаромъ колонны вдругъ пріобрѣли ужасающую выпуклость, тяжесть и высоту. Я пробрался къ нимъ по глыбамъ камня, по оврагамъ и возвышенностямъ, по остаткамъ мраморныхъ ступеней и тысячелѣтнему мусору, зашелъ подъ фундаментъ, на которомъ стоятъ колонны, и, закинувъ голову, глянулъ вверхъ. . . Дивно было сочетаніе бездоннаго блѣдно-голубого неба и красноватаго тона этихъ поднебесныхъ стволовъ! Но они уже меркли. Быстро падалъ сумракъ. Спотыкаясь, я сбѣжалъ въ ровъ, въ уголъ, образованный Циклопическими стѣнами. Ихъ теперь двѣ: западная и сѣверная. Обѣ искажены проломами. Но искаженія только углубляютъ ихъ допотопный видъ. Изъ темнаго оврага выбрался я по каменисто-мусорнымъ холмамъ, поднимающимся къ пролому въ углу стѣнъ, на свѣтъ заката и сталъ въ проломѣ. Подо мной былъ обрывъ, вдали — темное море долины, а за нимъ — валы Ливана и далекія, чуть краснѣющія въ сумракѣ ленты его горбовъ. Подо мной была стѣна, сложенная сынами Солнца — стѣна, камни которой останутся здѣсь недвижимыми до конца міра.

1909 г.

ГЕННИСАРЕТЬ

Въ Виолеемѣ, въ подземномъ придѣлѣ храма Рождества, блещетъ среди мраморнаго пола, неровнаго отъ времени, большая серебряная звѣзда. И вокругъ нея — крупныя латинскія литеры, твердая и краткая надпись:

Nic de Virgine Maria Iesus Christus natus est.

Въ придѣлѣ, какъ и подобаетъ пещерѣ, бѣдно. Но огнями, серебромъ, самоцвѣтами переливаются надъ звѣздою неугасимыя лампы. Тамъ, наверху — жаркое и веселое солнечное утро, пестрота и крикъ восточнаго базара. Здѣсь — холодъ, сумракъ, благоговѣнное молчаніе:

Nic de Virgine Maria Iesus Christus natus est.

Есть древніе пергаменты, называемые палимпсестами, — хартии, письма которыхъ полустерты или покрыты чѣмъ-либо, чтобы, на мѣстѣ ихъ, можно было начертать новыя. Въ Виолеемѣ чувствуешь, прозрѣваешь то драгоценное, *первое*, что сохранилось на его священномъ палимпсестѣ. Въ царскія одѣянія облекли Рожденнаго здѣсь, царямъ, путеводимымъ Звѣздою, повелѣли принести Ему, лежащему въ ясляхъ, вѣнды

свои, злато, ливанъ, смирну, и легендами, прекраснѣе которыхъ нѣтъ на землѣ, расцвѣтили сладчайшую изъ земныхъ поэмъ — поэму Его Рожденія. Но, когда благоговѣнно склоняешься надъ нею въ Виолеемѣ, проступаетъ простое, *первое*.

Назаретъ — дѣтство Его. Тамъ протекло оно въ тишинѣ, въ безвѣстности. Тамъ огорчали и радовали Его игры со сверстниками, тамъ ласковая рука Матери чинила Его дѣтскую рубашечку. . . Вѣтхіе пергаменты Назарета остались во всей своей древней простотѣ. Но скудны и чуть видны письмена, уцѣлѣвшія на нихъ! И великую грусть и нѣжность оставляетъ въ сердцѣ Назаретъ. Помню темныя весеннія сумерки, черныхъ козъ, бѣгущихъ по каменистымъ улочкамъ, тотъ первобытно-грубый каменный водоемъ, къ которому когда-то приходила Она, помню Ея жилище, маленькое, тѣсное, пещерное, полной вечерней тьмы, пустыющее уже двѣ тысячи лѣтъ. . . Какъ полевой цвѣтокъ, мало кому вѣдомый, выросшій изъ случайно занесеннаго вѣтромъ сѣмени въ углу покинутаго дома, расцвѣла и здѣсь легенда, можетъ-быть, самая прекрасная, самая трогательная: безъ огня, по бѣдности родителей, засыпалъ божественный Младенецъ; Мать сидѣла у Его постельки, тихо заговаривая, убаюкивая Его; а чтобы не было скучно и жутко Ему въ наступающей ночи, свѣтящіяся мушки по очереди прилетали радовать Его своимъ зеленымъ огонькомъ.

А страна Геннисаретская, гдѣ прошла вся молодость Его, всѣ годы благовѣствованія, всѣ тѣ дни, незабвенные до скончанія вѣка, для нихъ же и былъ Онъ въ мірѣ, — она совсѣмъ не сохранила зримыхъ слѣдовъ

Его. Но нѣтъ страны прелестнѣе, и нигдѣ такъ не чувствуется Онъ!

Въ ясный вечеръ, при заходящемъ солнцѣ, подходимъ мы къ Геннисарету по Иорданской долинѣ. Все дико, голо, просто вокругъ: и въ долинѣ, и по каменистымъ предгоріямъ, обступившимъ ее, — сѣро-коричневымъ, въ золотисто-рыжихъ пятнахъ по склонамъ, гдѣ отъ солнца выгорѣли травы. Тропинка ведетъ насъ среди желтаго, уже созрѣвшаго и подсохшаго ячменя. За нимъ — прибрежная деревушка, глиняная, безъ единого дерева, кажущаяся необитаемой. Пройдя по сѣрымъ пескамъ, на которыхъ стоитъ она, увидали мы водную равнину чудеснаго зеленаго тона, теряющуюся въ горной дали, замкнутой неясной громадой пѣгаго Гермона.

Солнце было за горами. Свѣтъ его гаснетъ здѣсь быстро, а какъ только онъ гаснетъ, съ горъ срывается недолгій, но сильный вѣтеръ. И темнѣющее озеро уже шумѣло отъ крупной зыби. Четыре гребца нашихъ поспѣшили кинуть весла, вздернуть парусъ и привалиться къ бортамъ, затянувъ что-то тоскливо-беззаботное. Вѣтеръ ударилъ въ парусъ, крѣпко накренилъ его, — и мы понеслись въ сумракъ, на дальніе огоньки Тиверіады, разсыпанные подъ черной горою, стучая днищемъ по волнамъ, черпая воду. Я крикнулъ, чтобы ослабили парусъ: эти полуголые, худые, загорѣлые галилеяне, въ своихъ войлочныхъ круглыхъ колпачкахъ, прикрывающихъ только макушку, крикнули что-то въ отвѣтъ. «Становилось темно, а Іисусъ не приходилъ къ нимъ. Дулъ сильный вѣтеръ, и море волновалось...» Да, да, это было здѣсь! Онъ дышалъ этимъ мягкимъ, сильнымъ, благовоннымъ вѣтромъ! — Черезъ часъ мы

были уже въ Тиверіадѣ, маленькой, тѣсной и грязной, гдѣ лишь одинъ сносный пріютъ — старый латинскій монастырь на самомъ берегу.

Отъ Тиверіады кесарей ничего не осталось. Французъ-настоятель, пригласившій насъ передъ сномъ выйти на кровлю, съ которой далеко видно было успокоенное въ лунномъ свѣтѣ озеро, жаловался: они изнемогаютъ отъ скуки и тропическаго зноя въ этомъ навозномъ мѣстечкѣ; вокругъ нихъ — пустыня; отъ Магдалы сохранилось только названіе; отъ Капернаума — груды камней, гдѣ итальянцы-монахи ведутъ раскопки; въ Табхѣ всего пять человѣкъ братіи. . . «Это близъ Капернаума, на сѣверномъ берегу?» — Да, да, — сказала настоятель, глядя на туманныя предгорія Гадаринскія, за озеро. Луна сіяла — высоко-высоко. Все озеро было въ свѣтломъ, тончайшемъ пару. Знойно звенѣли внизу цикады — на пыльных кустарникахъ, на столѣтнихъ придорожныхъ кактусахъ. Тиверіада спала. . .

Мнѣ долго не давалъ уснуть козленокъ, жалобно плакавшій гдѣ-то по сосѣдству. Въ маленькое окошечко, пробитое въ каменной стѣнѣ почти подъ потолкомъ, бѣлѣло сквозь желѣзную рѣшетку лунное небо. Въ полутемной жаркой кельѣ беззвучно плавали москиты. Блохи же Тиверіады упоминаются даже въ путеводителяхъ. . . Но я поминутно говорилъ себѣ: я въ Тиверіадѣ! Эта ночь была одной изъ счастливѣйшихъ во всей моей жизни.

Раннимъ утромъ мы поплыли въ Капернаумъ. Озеро недолго дышало утренней свѣжестью. Вотъ уже растянули бѣлый парусиновый навѣсъ надъ лодкой, — и онъ озаряетъ лица. Солнце все ослѣпительнѣй и

жарче. Озеро штильветъ. Желто-рыжіе верхи предгорій Гадаринскихъ дѣлають водныя зеркала у береговъ золотыми. Вода-же подъ лодкой — зеленая, прозрачная, кажется бездонной. Гребцы дружно работаютъ, и отъ поворачивающихся въ водѣ весель извиваются, уходятъ въ глубину какъ бы толстыя змѣи мѣдянки съ серебряными брюхами. Потъ уже градомъ льетъ съ красныхъ лицъ гребцовъ. Они — рыбаки, въ лодкѣ лежатъ ихъ сѣти. . . «Проходя же близъ моря Галилейскаго, Онъ увидѣлъ двухъ братьевъ, Симона, называемаго Петромъ, и Андрея, брата его, закидывающихъ сѣти въ море». . . Развѣ не могъ призвать Онъ и этихъ? Они еще нѣсколько разъ налегають на весла — и поднимають ихъ: лодка, чуть журча, добѣгаетъ до берега. Мы выходимъ и оглядываемся. На берегу, среди колючихъ кустарниковъ и розовыхъ цвѣтовъ олеандра, — груды бѣлыхъ камней, колоннъ: это и есть развалины знаменитой синагоги Капернаумской, куда столько разъ, въ такіе же знойные дни, входилъ Онъ, тѣснымъ народомъ, искавшимъ коснуться Его. Тишина, солнце, блескъ воды. Сухо, жарко, радостно. И вотъ Онъ, съ раскрытой головою, въ бѣлой одеждѣ, идетъ по берегу, мимо такихъ-же рыбаковъ, какъ наши гребцы. . . Симонъ и Петръ, «оставивъ лодку и отца своего, тотчасъ послѣдовали за Нимъ». . .

Табха между Капернаумомъ и Магдалой. Мы опять поплыли мимо невысокихъ холмовъ въ тѣхъ же бурныхъ, выгорѣвшихъ травахъ. Возлѣ Табхи единственное живое мѣсто этой пустыни: въ озеро впадаетъ источникъ, дающій о себѣ знать нѣсколькими эвкалиптами и посѣвами въ долинкѣ межъ холмами. Подъ эвкалиптами черный мальчикъ пасетъ десятокъ чер-

ныхъ вислоухихъ козъ съ колокольчиками на шеѣ. Это стадо братіи. А пріютъ ея — на холмѣ, рядомъ: нѣчто въ родѣ маленькой крѣпости, два-три зданія изъ дикаго камня за высокими стѣнами. Настоятель здѣсь старикъ-нѣмецъ, чистота и порядокъ у него нѣмецкіе. Встрѣтилъ онъ насъ, сожженныхъ зноемъ, сдержанно, но привѣтливо, комнаты далъ въ нижнемъ этажѣ, самыя прохладныя, выходящія на большую каменную террасу, въ садикъ по скату холма, усыпанный гравіемъ, испещренный легкой тѣнью свѣтлой, сквозной зелени перечныхъ деревьевъ, нѣжнѣйшихъ мимозъ и нѣжнѣйшихъ хвойныхъ породъ — серебристо-голубыхъ, легкихъ, какъ пухъ. Среди нихъ поднимались двѣ-три пальмы, чернѣли молоденькіе кипарисы, цвѣли розы, ворковали дикія горлинки, наслаждаясь солнечнымъ затишьемъ. . . И, оставшись одинъ на террасѣ, я взялъ съ каменнаго стола лежавшее на немъ Евангеліе, развернутое какъ разъ на тѣхъ страницахъ, что говорятъ о морѣ Галилейскомъ. Теперь оно было предо мною. Воздушно-зеленое, во всей тропической мягкости своей, оно тонуло, млѣло въ серебристомъ полуденномъ свѣтѣ, теряясь на югѣ.

Какъ сладокъ, какъ ласковъ здѣсь изрѣдка набѣгающій, теплый отъ дыханія затуманенныхъ зноемъ горъ, сильный южный вѣтеръ! Какъ широко, все сгущаясь и темнѣя, бѣжитъ передъ нимъ лиловая зыбь по зеркаламъ у береговъ, гдѣ свѣтитъ золото предгорій! Какъ долго, какъ дремотно кланяются послѣ него кипарисы и шелестятъ вайи пальмъ, напоминая о Египтѣ, сохранившемъ Его драгоценную жизнь въ младенствѣ!

1911 г.

СОДЕРЖАНІЕ

Отъ автора	7
Автобіографическія замѣтки	9
Стихи 1888—1907 г.	73
Храмъ Солнца	169

Складъ изданія:
PETROPOLIS-VERLAG A. G.
BERLIN W 15
MEINEKESTRASSE 19

Для Франціи и Бельгіи:
MAISON DU LIVRE ETRANGER
PARIS VI
9, RUE DE L'EPERON